

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК 12

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК 12

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК 5

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК 6

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК 6

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК 3

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК 2

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

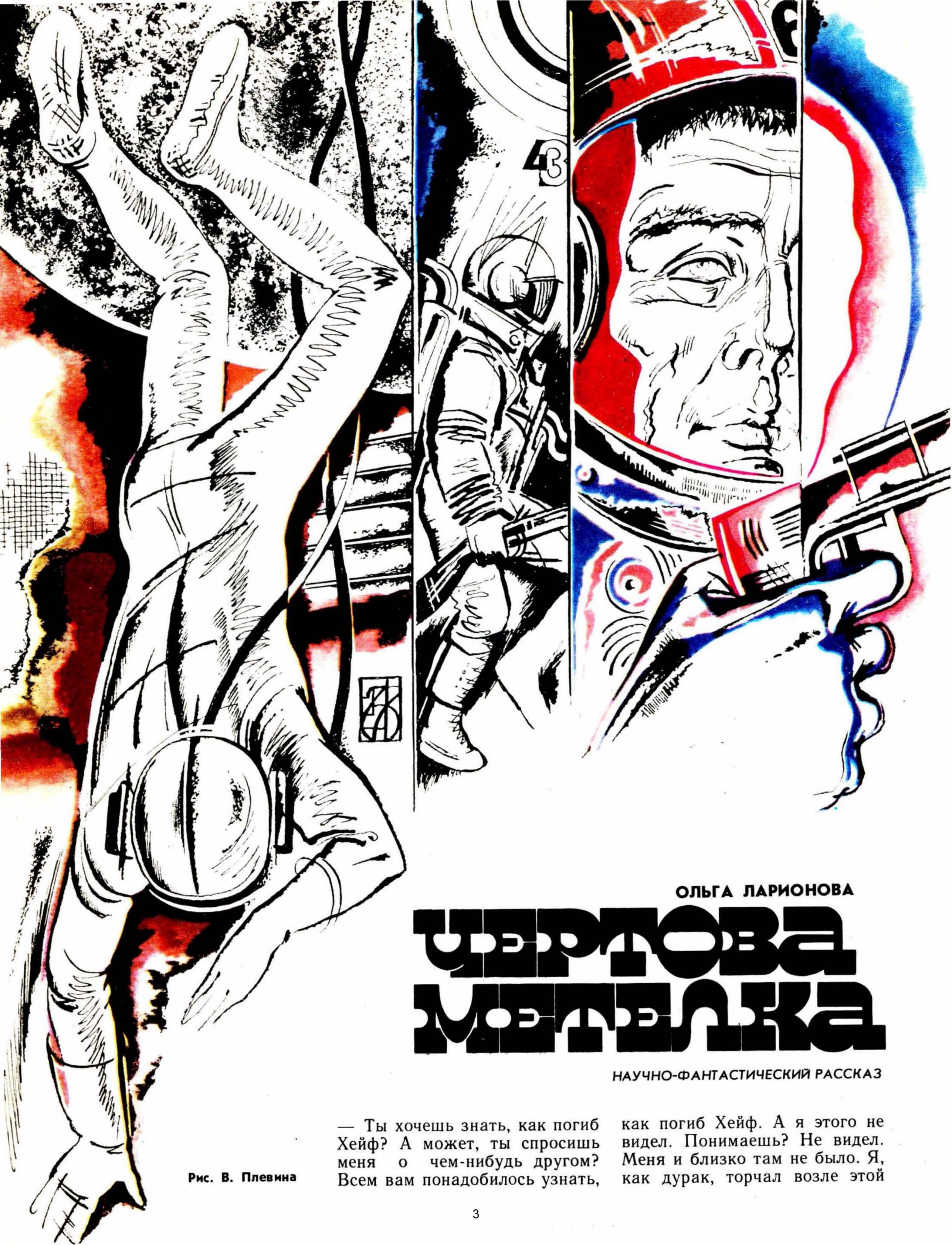

Рис. В. Плевина

— Ты хочешь знать, как погиб Хейф? А может, ты спросишь меня о чем-нибудь другом? Всем вам понадобилось узнать,

как погиб Хейф. А я этого не видел. Понимаешь? Не видел. Меня и близко там не было. Я, как дурак, торчал возле этой

ОЛЬГА ЛАРИОНОВА

ЦЕРТОВА МАТЕЛКА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

чертовой... Ну ладно, ты ведь был его другом, и я скажу тебе хотя бы то, что перед моим выездом за водой... Послушай, старина, а может ты все-таки пойдешь к Маркеру? Он-то видел и говорит, что Хейф погиб, как форменный кретин. Разжижение мозгов от венерианской жары. Он видел, значит, он имеет право говорить так. Это его четвертый рейс на Венеру, уж он знает, что говорит. И вообще, поговорим о чем-нибудь другом.

Ну, все, все. Я спокоен, больше не мечусь по комнате, валяюсь на диване, и Земля крутится таким образом, что я плавно лечу ногами вперед. А Хейф погиб так.

Нам не хватало воды. Все мы думали, что Венера — сказочная красотка в этакой рубашечке из дымчатых облаков, вроде рекламного бэби. Черта с два. Облака, разумеется, были. И мне пришлось хлебнуть горя, когда я сквозь них продирался — жуткая масса перегретого пара, градусов четыреста. Но вот что было дальше — ты вряд ли сможешь себе представить. Отчеты ты читал, я сам могу тебе рассказать еще подробнее, но все равно ты не сможешь понять, как все это было страшно. Это была грязь. Красновато-бурая, липкая, тягучая, с постоянно меняющейся вязкостью. И кипящая притом. Базальтовый пяточок, который я сумел высмотреть для посадки, в первый же день был залит пузырящейся жижей, но не прошло и нескольких часов, как вода испарилась, тонкий слой — я бы сказал — земли остался на камне, и буквально на наших глазах из него выглянули красноватые ростки. Ты знаешь, ботаника среди нас не было. Но всех нас охватило какое-то умиление, когда мы смотрели на этих розовых уродцев. Собственно говоря, они не слишком-то отличались от земных растений. Разве что эта скорость роста... А вообще, даже когда я попал в настоя-

щее заросли, меня преследовало такое ощущение, что это все-таки не Венера, а Земля, только какой-то заброшенный, никому не известный уголок. От этого ощущения все время тянуло снять скафандр, и когда становилось совсем невмоготу от вечной грязи, от которой превращаешься в десятипудовый кокон, тогда хотелось сесть в самолет — понимаешь, не в нашу ракету, а в обыкновенный самолет — и махнуть домой, в Трент, который был где-то недалеко, вовсе не на другой планете, а в каких-нибудь шести часах полета. Навероятно, до чего же мне все-таки казалось, что я на своей Земле.

И трудно было как-то по-земному. Недосыпали, валились с ног. Маркер загонял нас всех со своим уранитом. Хотя ведь для того и летели. Меня, правда, первое время берегли, не выпускали из корабля — Маркеру, по-видимому, понравилось, как я шел через эти проклятые облака; в крайнем случае посылали Грида, моего дублера, ты его не знаешь, он не из нашей группы. А потом, когда возле корабля стала набираться порядочная куча образцов, потребовалась уйма воды. Был ли это красный кактус или кусок породы — все это приходилось отмывать от венерианской грязи, а своей воды у нас было в обрез. Мы ведь не рассчитывали обогащать музеи мира, но когда вокруг начали вылезать из почвы все эти метелки, Маркер не устоял — Академия предлагала нам баснословные премии за каждый образец. Вот мы и начали стараться.

Хейф и Грид метались с утра до ночи, а Маркер сортировал образцы — брать или не брать; я укладывал контейнеры в грузовой камере, и вряд ли мне посчастливилось бы поближе познакомиться с Венерой — удел всех первых пилотов — если бы Грид не умудрился сломать ногу. Мне ничего не оставалось, как превратиться в во-

двоза, и я стал совершать ежедневные прогулки мили так за полторы на большом десяти-тонном вездеходе. Воду я брал из так называемой «лунной горки». Действительно, это озерцо напоминало кольцевой кратер. Было оно приподнято над поверхностью базальтового плато, и грязевые потоки не поднимались до уровня его берегов. Ты знаешь, что на Венере вода в свободном состоянии практически не встречается, поэтому мы все были весьма удивлены, когда Хейф в одну из своих поездок наткнулся на это озерцо.

В первый раз я отправился туда под вечер. Вечер на Венере тем отличается от дня, что вечером еще темнее. А ночью просто хоть глаз выколи. Мрачное заведение эта планетка. Так вот, когда я первый раз остановил у озера свой вездеход, свет прожектора упал на одинокое растение. Этот цветок, наверное, был очень распространен там — во всяком случае, возле нашего корабля такие росли десятками. Представь себе прямой стебель высотой около полутора метров, а на нем — метелочка из красных волосков. На каждом волоске — черные бисеринки, блестящие, словно глаза у полевой мышки. Я в первый раз даже потрогал их пальцем — скафандры у нас хоть и эластичные, но теплонепроницаемые; может быть, мне и показалось, даже совершенно точно показалось, — но я готов был тогда поклясться, что бисеринки эти были на ощупь металлическими и страшно холодными. Ни одна из них не отвалилась, они только потускнели. Листья на этой метелке были длинные, причудливые, темно-пурпурные. На первый взгляд все это было чертовски красиво, но я очень скоро пригляделся, и мне это растение стало казаться обычным, вроде тех сорняков, что покрывают наши прерии.

Когда луч света упал на это

растение, оно, как и все другие цветы возле нашего корабля, быстро свернуло листья — совсем как игрушка «тещин язык» — от кончика к основанию, так что стебель оказался окруженным такими упругими завитками. И сама метелочка собрала свои волоски и подняла их кверху, так что получился алый нераскрытый тюльпан, усыпанный черными бусинками. И что тогда меня поразило: у этой метелки был вид... вот именно, у нее был вид, было настроение, ну, не знаю, как тебе это сказать, ведь так бывает только у людей, и словами этого не передашь; просто надо было видеть, какая она стояла — девочка-недоросла, такая заносчивая, тоненькая...

Бисеринки прижались плотно друг к другу, и цветок стал как каменный — не отодрать ни одной из ниточек; а вот листья оказались податливыми, и когда их развернешь, напоминали ладошку — они были вогнутыми и словно просили, чтобы я в них что-нибудь положил. Я немного подумал — и принес из озерка воды. Налил в листик-ладошку — ничего не произошло. Мне вдруг стало стыдно за свои детские забавы, я махнул рукой и полез в машину. Когда запускал двигатель, оглянулся — она так и стояла, свернув все свои листья, а один был вытянут в сторону, как лапка. Что-то вроде дорожного знака. Я засмеялся и укатил.

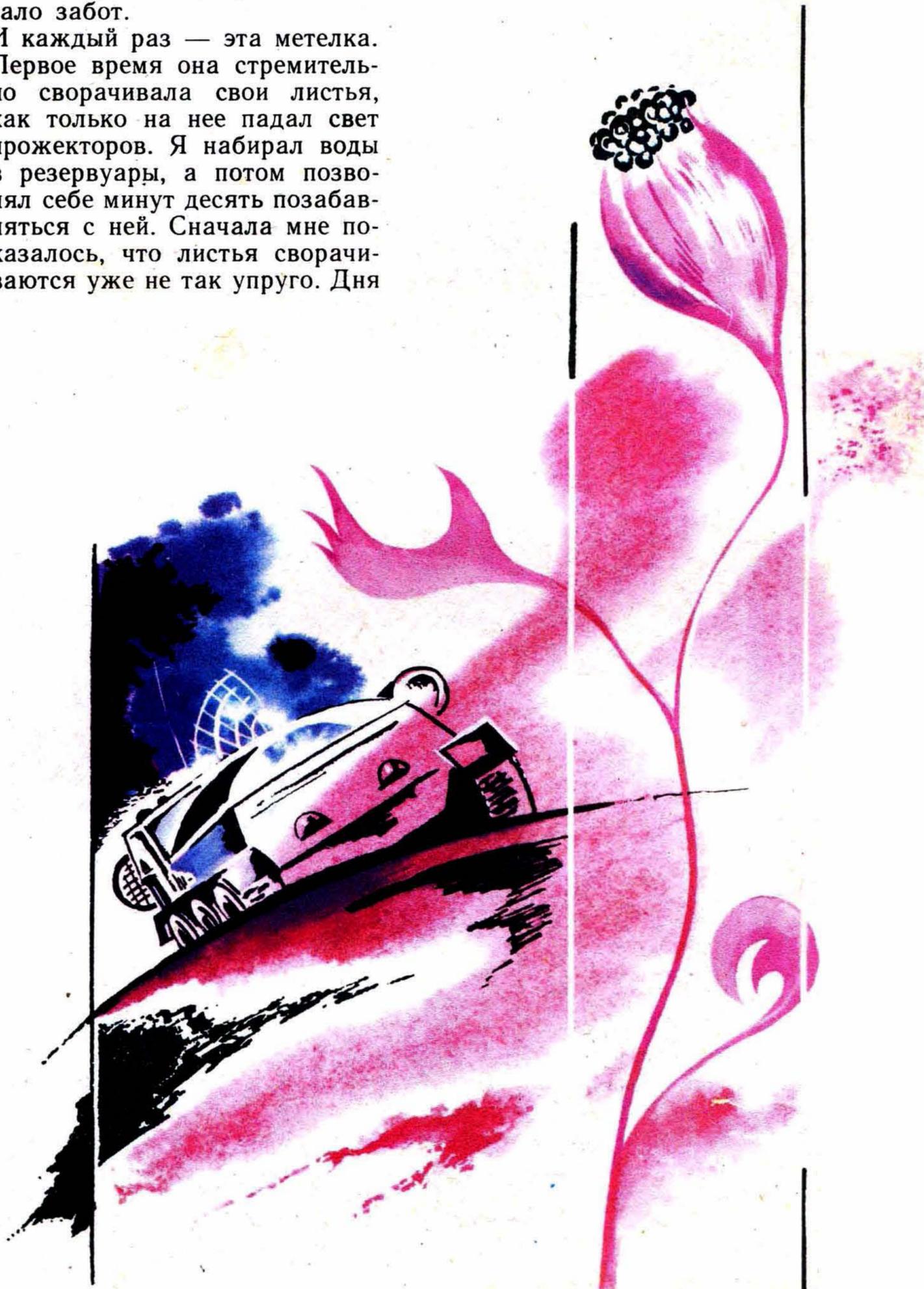
Ребята день и ночь грузили образцы в контейнеры — ты ведь знаешь, там все активное, даже цветы. Мыли и грузили. Мыли и грузили. Маркер был жаден, Хейф — осторожен, Грид со своей ногой валялся в рубке, а я мотался «за кипяточком» — вода-то в озерке была чуть ниже ста градусов. По прямой до моей «лунной горки» было метров восемьсот, не больше, но вездеход, черт его подери, не мог идти по венерианской грязи, а наше плато сужалось, переходило в

такую каменную дорогу и, загибаясь, как кошачий хвост, упиралось прямо в озерцо. С этой каменной дороги нужно было не сбиться, потому что справа и слева шли грязевые болота, в которых мы уже потеряли одну машину. Еще слава богу, что она шла на автоматическом управлении. Так что при таком мизерном расстоянии до озерка я все-таки делал не больше одного рейса в день — ведь и кроме воды у меня хватало забот.

И каждый раз — эта метелка. Первое время она стремительно сворачивала свои листья, как только на нее падал свет прожекторов. Я набирал воды в резервуары, а потом позволял себе минут десять позабавляться с ней. Сначала мне показалось, что листья сворачиваются уже не так упруго. Дня

через два-три они стали сами разворачиваться, лишь только я прикасался к ним. Я наливал в них воды, трогал пальцем бисеринки и уезжал. Я делал все это торопливо, и если бы кто-нибудь из наших застал меня за этим занятием, мне было бы стыдно. Почему? Не знаю...

И вот однажды... Я словно

знал, что так будет. Я не стал до нее дотрагиваться, я просто подошел и остановился совсем близко от нее. И она вдруг раскрылась — не только листья, но и сам цветок. Волоски с бисеринками опустились, и получилось что-то вроде хризантемы, лохматый такой цветок диаметром в десять — пятнадцать сантиметров.

Только нет, все это было не так... Она не просто развернула листья и распустила цветок. Она сделала это для меня. Не понимаешь? Сделала ДЛЯ МЕНЯ. Ну вспомни, старина, как ты лет десять назад шлялся по дансингам. Вот вспомни и представь себе, что ты видишь у противоположной стены настоящую девушку. И идешь к ней. Она вовсе не смотрит на тебя, но как-то наклоняет голову, и темная прядь волос касается плеча, и это для тебя. И руки она складывает ладошку на ладошку и подносит туда, где на платье легкая поперечная складочка под самой грудью — и это для тебя; и туфельки делает вот так — и это для тебя; и все это потому, что она еще маленькая и совсем дурочка, и тебя охватывает умиление, потому что это так здорово, когда ты еще ни о чем не просишь, но уже знаешь, что это все — для тебя.

Хотя, впрочем, все это умиление — это я только сейчас придумал. Тогда его у меня и в помине не было, мне даже было жутковато, что какая-то метелка так себя ведет. Я налил воды в красные ложбинки ее листьев и быстро забрался в машину. И еще оглядывался, словно за моей спиной могло что-то произойти. И умчался. Едва в болото не врезался.

С тех пор она распускалась сразу же, как только я к ней подходил. Видела? Конечно, нет. Просто улавливала тепловое излучение. Или еще что-нибудь вполне реальное. И что распускалась — просто условный рефлекс. Я — и вода. Вероятно, всем им чертовски необходима была вода.

Ты сейчас мне скажешь, что растения не могут вырабатывать условный рефлекс? Знаю. Но это было так, и моя метелка была обыкновенным растением, так сказал сам Маркер. Он притащил этих метелок штук пять, разодрал их, обнюхал и в микроскоп рассмотрел. И когда я уже в обратном полете попробовал рассказать ему про то, как приручил свою метелку — он только сделал пальцами вот так: тронулся, мол, парень.

И все-таки это был условный рефлекс. А что мне было надо? Откуда я знаю, что мне было надо? Но лететь на другую планету, и этот адский спуск сквозь толщу раскаленных паров, и эта грязь, и эти красновато-лиловые сумерки, и эта усталость, усталость, усталость... И награда — дурацкая метелка.

Может, это было и не от усталости. Просто мне эта трепетная доверчивость уже давным-давно была вот так — поперек горла. Я ведь недаром говорил тебе: вспомни. Вспомни, как это было десять лет назад.

И такая меня взяла злость, что у меня появилось желание просто взять и раздавить эту метелку гусеницами вездехода — смять, чтоб ровное место осталось. Я бы так и сделал, но в последний момент у меня появилась светлая мысль: я спустил из двигателя немного горючего, и вместо воды налил на один из листьев бензин. Лист этот попытался свернуться — и не мог, он стал лиловым, потом начал разбухать у меня на глазах — полная картина отравления. Весьма наглядно.

И все-таки эта дура тянула ко мне остальные листья. Я не стал ее давить, потому что решил, что к следующему разу я придумаю еще что-нибудь веселенькое.

Но ничего остроумного я придумать не мог, а попросту взял нож и — не без труда, правда, — разрезал один из листьев на узенькие ленточки; они свер-

нулись — каждая по отдельности — и прижались к стеблю. Но остальные листья все еще тянулись ко мне.

Тогда я окончательно взбеленился, выхватил лучевой пистолет и начал жечь один лист за другим, они свертывались, обугливались и падали в липкую бурую грязь...

Мы все уже больше не могли. Мы орали друг на друга, мы словно сходили с ума, но, слава богу, погрузка окончилась, вода была уже больше не нужна, и тут еще это с Хейфом, и мы стартовали, и было уже не до всяких там метелок, тем более, что до «лунной горки» по прямой было не больше восьмисот метров, а ты ведь знаешь, что мы при старте выжигаем все в радиусе полутора километров. Да что там говорить о моей метелке — у самого корабля они росли десятками, от них уже тем более ничего не осталось. Вот и все. Ну, что тебе еще?

Ах, да, Хейф ... Ну, ладно, слушай. Так вот, когда я плюнул на свое развлечение, прыгнул в вездеход и помчался прочь — я все-таки оглянулся. И что ты думаешь? Моя метелка стояла, протянув ко мне последний уцелевший лист ... О господи!

Поди к Маркеру, старина. А я — не могу. И не только сейчас — я вообще не могу говорить с людьми. О чем бы ни начался разговор — возвращаюсь всегда к одному и тому же. Чертовщина какая-то. Наваждение. И что она ко мне привязалась? Сентиментальностью я никогда не отличался, дело мы свое сделали — первый грузовик уже пошел на Венеру за уранитом. Совесть моя спокойна — не хватало еще, чтобы космолетчик вздыхал над каждой сожженной при старте травкой. Ерунда. Мы были молодцами, мы выполнили свой долг, мы вынесли такое, что вряд ли под силу даже тебе; а что касается Хейфа — так это не наша вина. А ведь, ей-богу, мы молодцы!

ПРОРОДА

ISSN 0203-4867

и ЧЕЛОВЕК

12.82

ДЕЛО

Глаза инспектора Грачека, эти два зеркала души, были такими блеклыми и невыразительными, что в них ничего нельзя было прочесть, пока он уныло перелистывал документы одного разумного существа из М-скопления и искал, к чему бы придраться.

Но придраться было не к чему. Разве что к странному имени, в переводе с М-наречия означавшему Попробуй Поймай. Скорее всего это было даже не имя, а кличка. Этого Попробуй Поймай уже задерживали два раза, и оба раза приносили извинения.

Итак, с документами у него все в порядке.

Следом за Грачеком из катера выбрался его неизменный помощник робот Каифа. Им открылся вид на Южный рукав Галактики, тот самый, который так любят изображать на рекламных проспектах; но сейчас им было не до космических красот — они направлялись туда, где был задержан грузовой звездолет, по всем признакам, с партией контрабандного табака.

— Не забудьте почистить брюки, командор! Опять вы куда-то вляпались! — укоризненно сказал Каифа.

И верно: внешний вид инспектора Грачека никак не соответствовал его служебной репутации. Вечно он умудрялся влезть в какую-нибудь лужу. В прямом смысле, естественно... Потому что усадить Грачека в лужу в переносном смысле этого слова удавалось далеко не всякому...

В последний момент Грачек решил, что брюки все-таки надо почистить. (Потом он приводил в пример новичкам этот случай, напирая на то, как одна незначительная деталь может изменить все дело.)

Попробуй Поймай встретил их сидя в кресле, раскинув шупальца в положении «развалюсь». Верхним хоботком он манипулировал огромной сигарой.

— Прибыли, наконец!

— У нас в запасе полминуты! — тут же вспылал Каифа.

Рис. В. ПЛЕВИНА

ТАБАК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

БОРИС ШТЕРН

— Н-ну?— удивился Попробуй Поймай и поглядел на корабельный хронометр, вделанный в панель каюты.— Верно, вы правы. Сейчас 16 часов среднего галактического времени. Прошу занести этот факт в протокол. Законы помните? Ровно через два часа я вас отсюда выставлю.

— Через два часа вы получите это право,— подтвердил Грачек.— Что везете?

— Всякую всячину. В декларации все записано.

— А табак?

— И табак,— ответил Попробуй Поймай, пуская дым из всех щелей.— Три коробки экваториальных сигар. В ящике письменного стола. В вашей зоне без курева опухнешь.

— Откройте ящик.

— Вот ключи, открывайте сами. Я за вас работать не собираюсь. Идите, не стесняйтесь!

— Работать можно и сидя,— ответил Грачек, усаживаясь в кресло.

Он принялся читать декларацию:

— Грузовой отсек № 1. Винтовки для повстанцев Великой Пустоши. Сорок ящиков.

— Будете проверять?

— Я? Нет. Мой робот уже проверяет.

В отсеке № 1 Каифа уже вскрывал ящики с винтовками для повстанцев.

— Осторожней!— крикнул Попробуй Поймай.— Это новейшие винтовки с телепатическим прицелом!

— Старье, мухобойки,— проворчал Каифа.— Сняты с вооружения пять или шесть веков назад.

— Ерунда,— отмахнулся Попробуй Поймай,— сойдут. Главное для повстанцев не винтовки, а высокий моральный дух. Верно, инспектор? Да вы угощайтесь!

Он выдвинул ящик стола, и перед Грачком появилась жирная, пахнущая табаком сигара.

— Отсек № 2,— прочитал Грачек, игнорируя подношение.— Восемь бластерных гаубиц для правительственных войск Великой Пустоши.

— Имеются в наличии!— заорал Каифа из второго отсека.— Металлолом. Для стрельбы не годны.

— Что-то я не пойму,— сказал Грачек.— Вы кому помогаете — повстанцам или правительству?

— Да вы закуривайте!— Попробуй Поймай манипулировал одновременно сигарой, ножничками, зажигалкой и пепельницей, не забывая вынимать из дыхла свой бычок.— Не хотите, как хотите. Никому я не помогаю. Эти повстанцы совершенно безнравственный народ. Бродяги и головорезы. Хотят оттяпать кусок Великой Пустоши и ссылаются на какие-то сомнительные священные тексты.

— А правительство?

— Тоталитарный режим, не разбирающий средств и без достойной цели. Погрязло в коррупции и в кровавых репрессиях.

— А вы не боитесь, что правительство и повстанцы временно объединятся и проведут сообща кровавую репрессию против одного безнравственного торговца?

— О нет, не боюсь. Я ведь имею дело не с какими-то там расплывчатыми правительствами и повстанцами, а с одним уважаемым интендантом главных правительственных складов. Вот он может погореть. Ну и бог с ним. Вообще-то, вы все мерите на свои мерки. Вот вы назвали меня «безнравственным торговцем», но скажите, что такое «нравственно», а что...

— Мы выясним это после досмотра,— уклонился Грачек от идеологического спора.— Сейчас у меня есть дела поважнее.

— Верно. Сейчас ваше дело — табак.

Бойкий многоножник, подумал Грачек. За словом в карман не лезет. Выразился метко, хотя, как видно, двусмысленности не понял. Ведь дело, и правда, табак. Если он не найдет контрабандный табак, то всему его начальству труба. Табак ввозили и раньше, но теперь он распространился среди молодежи, и из-за этого кое-кто пытается пришить Управлению по

Охране Среды целое политическое дело. Кое-кто — это министерства просвещения и здравоохранения, которые не в состоянии справиться с сопляками. Курить начали.

— Продолжим. Отсек № 3...

Чего только не возят эти дженгельмены — черт знает что! Кроме винтовок и гаубиц тут были валенки, сковородки, автомобили, игральные карты, синхрофазотрон, губная помада — в общем всякий хлам. Но это еще ничего. В отсеке № 6 перевозилось что-то скользкое с таким названием, что язык можно сломать, а в отсеке № 7 что-то липкое и бесформенное под названием «дрова».

— Дрова зачем?

— Для отопления.

Резонно. Можно было и не спрашивать.

Отсек № 9 оказался пустым.

— Что значит «пустой»?

— «Пустой» значит пустой.

— Отсек № 9 пустой!— крикнул Каифа из коридора.

— Ты вошел в него?

— С порога вижу.

Время шло, а табаком и не пахло. Всем, чем угодно, но не табаком. Отсек № 15 Попробуй Поймай открывать отказался, потому что там находился ванюрный паскунчик. Верно, подтвердил Каифа, открывать опасно. Тогда решили сорвать пломбу с замочной скважины и понюхать; сорвали, убедились и тут же опять запечатали.

Но Грачек не терял присутствия духа. Он знал, что хорошие (то есть настоящие) контрабандисты постоянно обновляют арсенал своих фокусов и не отстают от научных достижений. Еще недавно они прятали контрабанду в гравитационных ловушках, и приходилось изрядно попотеть, чтобы обнаружить в космическом пространстве вокруг звездолета скрытые гравитационные ловушки. Но это в прошлом. Хуже, когда они идут впереди научных достижений. Тут уж не знаешь как искать. Насильственные методы типа «вскрыть», «взломать», «раскурочить» не проходят. Нужно искать незаметные странности, скажем, в поведении самого контрабандиста... Но как обнаружить странности поведения многоножника из М-скопления, если даже не знаешь толком сколько у него ног! Странности в перевозимом товаре? Но если товар ни на что не похож? Даже Каифа с его универсальной памятью не знает, что это за «дрова». Взять хотя бы эти валенки.

Зачем Попробуй Поймай их везет? Едят их или носят? Или украшают ими жилища?

Итак, через сорок минут истекут положенные на досмотр два часа, и Попробуй Поймай с полным сознанием своей правоты выставит их из звездолета. Отсек № 20. Последний. Трубы ржавые. Семидюймовые. Странно это или не странно, что Попробуй Поймай перевозит ржавые трубы? Иди знай...

— Может быть осмотрите атомный котел?— радушно предложил Попробуй Поймай, когда Каифа вышел из последнего отсека.

— Помолчите!— рявкнул Грачек.

А вот это уже зря... рявкать и нервничать не надо.

Грачек стал читать декларацию сначала.

Спокойней. Винтовки. Гаубицы. То да се. Абсолютно никаких странностей. Маринованные ножки гигантской Сороконожки из Треугольной Системы. Маринованные — значит продукт питания. Но не обязательно. Что-то липкое, что называется «дрова» — на табак не похоже. Пустой отсек. Пятое-десяток. В последнем отсеке ржавые трубы.

Далее... Каюта. Хронометр. Осталось полчаса. Два кресла. Стол. На столе сигара. Двадцать грузовых отсеков. За ними атомный реактор. Звездолет как звездолет.

— Командор! Двадцать пять минут!— напомнил Каифа.

Каифа тоже ничего не обнаружил — потому и волнуется. Абсолютно никаких странностей. Ишь, расселся, распластался. Очень солидный бизнесмен. Двадцать отсеков забиты всяким хламом. Поправка: девятнадцать забиты, а один пустой. Возможно, эти валенки являются где-то предметом контрабанды. Возможно, его коллега из другой Галактики будет искать эти валенки и не сможет найти. Странно, конечно, что такой солидный бизнесмен отправился в дальний рейс с пустым отсеком. Очень солидный бизнесмен, блюдет свою выгоду, дурачит правительства... мог бы загрузить и этот отсек. Чем-нибудь. Валенками. Или трубами. Странно это или не странно? Ни один уважающий себя контрабандист не отправится в дальний рейс с пустым отсеком. Элементарный расчет. Тьфу, черт как время бежит...

— Проверь пустой отсек! —

приказал Грачек.

— Уже проверил.

Попробуй Поймай издал какой-то звук — то ли насмешливый, то ли осуждающий — кто может знать интонации многоножника?

— Проверь!!!

Обиженный Каифа стал простукивать стены и потолок пустого отсека.

— Побойсь!— крикнул Грачек, взглянув на хронометр.

— Отсек пустой!— доложил Каифа.

Нет, это весьма странно... Везде столько хлама до потолка, а этот пустой. Пора пошевелиться самому.

Грачек вошел в отсек № 9. Это был стандартный отсек, абсолютно пустой, с голыми стенами и лампой под потолком. Что может быть странного в пустом отсеке?

— Командор!— просипел Каифа из коридора.— Вы опять испачкали брюки!

— Отстань!!!

Десять минут. Начальству труба. Ржавая семидюймовая труба. А этот болван про какие-то брюки. Наверно, от волнения. Жаль, хорошее было начальство. Вот завтра назначат новую метлу, и начнет она мести. А этот болван про брюки. Чистил я их, чистил!..

Грачек раздраженно глянул на робота. Потом нагнулся и осмотрел свои брюки — сначала одну штанину, потом другую. Его глаза наконец засверкали, будто долгожданная мысль осветила их изнутри солнечным зайчиком.

Грачек выбежал из отсека, выдергивая из кармана универсальную отвертку. На все последующие действия оставалось три минуты.

Он бросился к хронометру и вонзил отвертку в один из винтов, державших хронометр в панели.

Эй, что вы делаете?!— взревел Попробуй Поймай.

— Сидеть!!! Досмотр еще не закончен!

Наконец он выдрал хронометр из панели и потащил его в пустой отсек. Оставалось две минуты, когда Грачек поставил хронометр на пол так, чтобы циферблат был виден из коридора. Потом он выбежал в коридор и оттуда взглянул на хронометр.

До конца досмотра по-прежнему оставалось две минуты! Секундная стрелка перестала двигаться! Грачек присмотрелся. Нет, секундная стрелка все же двигалась, но уже со скоростью минутной.

— Идите сюда!— поманил Гра-

чек.— Как вы объясните это явление?

Попробуй Поймай подошел, посмотрел, ничего не ответил и обмяк щупальцами.

— Очень хорошо!— одобрил его поведение Грачек.— Досмотр продолжается еще две минуты, но в этом отсеке они почему-то растянута на два часа. Так? Что ж, пождем.

И повернулся к Каифе:— Я вызову буксир, а ты присмотри за ним.

— Не беспокойтесь,— промямлил Попробуй Поймай.— Я сопротивления не оказываю. После конфискации всего барахла я могу быть свободным?

— Конечно. Жаль, что вы не пытаетесь свернуть мне голову и удрать. Я бы с удовольствием посмотрел, как вы выглядите за решеткой.

— На это вы меня не спровоцируете.

Грачек представил, как выглядит этот многоножник на фоне решетки, ухватившись за нее всеми щупальцами.

Он вышел из звездолета и стал смотреть на Южный рукав Галактики. Следовало сообщить в Управление по Охране Среды, чтобы прислали буксир и отвели звездолет в ближайший порт. Еще следовало сообщить начальству, что дело — не табак, а гораздо лучше. Но прежде всего следовало... Грачек огляделся по сторонам... Прежде всего следовало перекурить. Он вытащил сигару, которую незаметно увел из каюты многоножника, и украдкой закурил. Черт с ним, с запретом. Это соплякам нельзя. А ему ради такого случая можно.

Голова закружилась, Грачек закашлялся. Нет, и ему нельзя. И здоровье портишь, и среду отравляешь.

Вернуться, что ли, и объяснить многоножнику, что «нравственно», а что «без»... Впрочем, глупо читать мораль такому солидному и законченному бизнесмену.

— Командор! Табак!— раздался ликующий голос Каифы.

Грачек вернулся в коридор. Отсек уже не был пустым. Он был до потолка забит картонными коробками с табаком. Какой уважающий себя контрабандист отправится в дальний рейс с пустым отсеком!

— Как вы догадались?!— изумлялся Каифа.

— Все дело в том, что перед тем, как войти в звездолет, я вы-

чистил брюки,— усмехнулся Грачек.

— Ну и что?

— А когда я вошел в пустой отсек, ты сказал: «Командор, вы опять не почистили брюки!»

— Не понимаю!

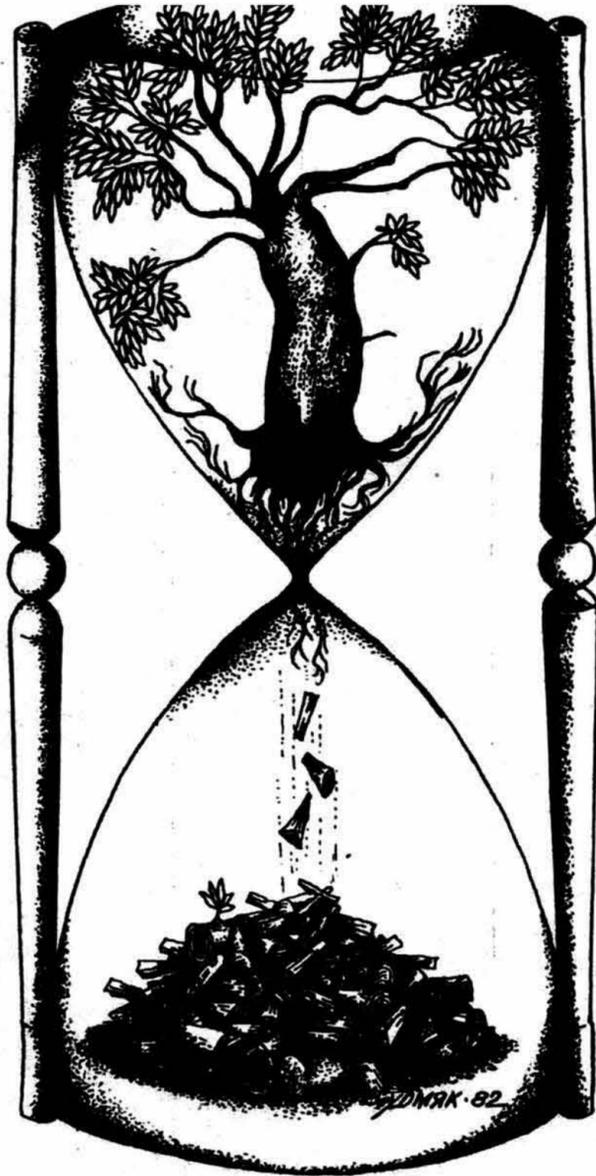
— Ты увидел на брюках грязь,

которой уже не было. Ты увидел мои брюки такими, какими они были два часа назад. Вот я и предположил, что время в отсеке замедленно. Табак там, но его еще не видно. Еще. Но он должен был вот-вот появиться.

— Вот видите!— уважительно

сказал Каифа.— Вот видите, что значит аккуратность! Если бы вы не почистили брюки, попробовали бы его поймать!

(Эти брюки Грачек и сегодня надевает, хотя они и протерлись кое-где, а на коленях обвисли. Ну, да это в его стиле.)

ИЗО ШУТКА

Рис. В. ХОМЯКОВА

Рис. С. БОГАЧЕВА

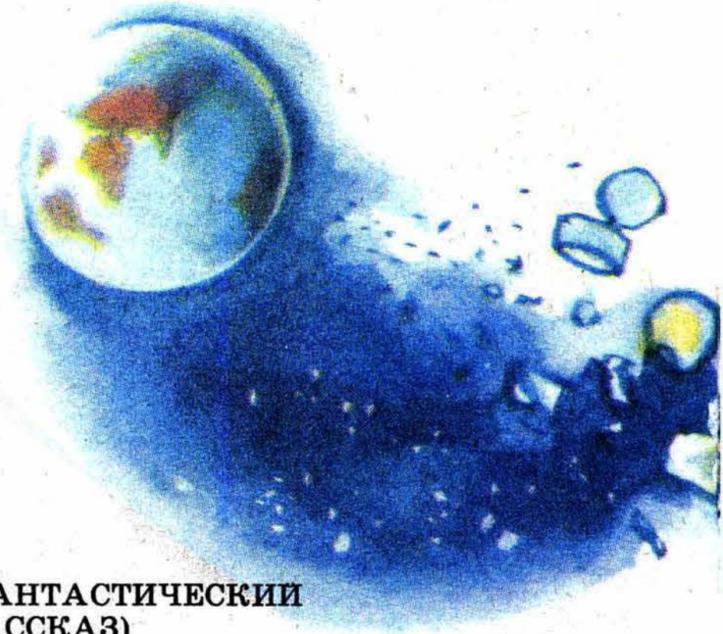
У нас так не бывает. Тут, пожалуй, и начинается довольно существенное различие между Землей и Логосом. Хотя обе планеты проделали почти одинаковую эволюцию, на Логосе деревьев куда больше, чем на Земле, они гораздо выше и пышнее. И дело здесь не

вотными, право же, хуже, чем Нерон со своими сенаторами. Травим и убиваем их ради забавы, делаем из них гребешки, сумочки, барабаны, кисточки, веера и целебные сиропы. Заставляем их работать, прямо таки как животных. И вот результат: на Логосе люди и жи-

Эрманно Либенци

ВОЙНА ОМЯ

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ)

В а пределах солнечной системы, в бесконечных глубинах космоса есть планета, весьма сходная с нашей. Там тоже есть атмосфера, есть вода, растения, люди.

Называется эта похожая на Землю планета Логос.

В один апрельский день тысяча девятьсот восемьдесят второго года жители Неополиса, столицы Логоса, занимались своими обычными делами. Малыши играли в траве, профессора и студенты поочередно учили и учились, поэты слагали стихи, ученые в своих лабораториях трудились для блага человечества, двое городских полицейских, как всегда, потели над кроссвордом, и птицы, восседавшие на ветках восьмисот тысяч деревьев, состязались в искусстве пения.

Нет, мы не оговорились: в этом городе было восемьсот тысяч деревьев. По дереву на человека.

в климате, а в том, что логосиане больше заботятся о своих интересах. Когда землянину холодно, он срубает деревья и превращает их в дрова. Когда ему надо посеять пшеницу или заложить город, он не задумываясь сводит целый лес.

Ничего подобного на Логосе не наблюдается. Логосиане держатся правила: лучше немного померзнуть сегодня, чем сгореть от жары завтра. И поэтому деревья на Логосе остались такими, какими они были, говорят, в эдемском саду. Кстати: самый ужасный грех был не в том, что Ева сорвала запретный плод. А в том, что после они с Адамом с досады сломали яблоню.

И зверей на Логосе больше, и характер у них приятней. Они общительны и миролюбивы. Кабан и гиппопотам, к примеру, поддерживают с гражданами Логоса вполне дружелюбные отношения.

Ведь если говорить откровенно, мы обращаемся с жи-

вотные живут в мире и согласии, а на нашей планете многим уцелевшим львам остается лишь служить в Голливуде живым фоном для экзотических кинолент о покорителях Африки.

На Логосе вода — это вода, воздух — это воздух. Небо над Логосом голубого цвета, а не грязно-серо-зеленого, и реки, которые там тоже есть, — просто реки, а не сточные канавы.

Так вот. В тот памятный день апреля 1982 года жители Неополиса — дети, пожарные, поэты, студенты — вдруг перестали заниматься своими делами и, задржав головы, молча устремили взоры ввысь. Там, в лазурном небе, плыл сверкающий шарообразный предмет. Внезапно с пронзительным свистом он устремился на незащищенный город. И чем ближе он подлетал, тем ярче становился его блеск и ужасней адское жужжанье. Еще мгновение — и сверкающая сфера рухнет на город. Жители Неополиса даже не пыта-

лись спастись бегством. Окаменев от страха, они ждали, что произойдет.

Таинственный шар приближался. Вдруг раздался оглушительный треск, деревья вздрогнули до самых корней, стальная сфера лопнула, как апельсин, и осыпала город

сверкающими брызгами искр. После чего из неведомого летательного аппарата вывалилось нечто, не поддающееся описанию. Ливень, град, нет — мусорный ураган обрушился на столицу. Люди, все как один, сморщились и зажали пальцами носы. Сверху на крыши го-

рода, на улицы и сады сыпались ржавые консервные банки, селедочные головы, обглоданные куриные ножки, гнилые овощи, рваные колготки, бутылки из-под пива, растрепанные номера иллюстрированных журналов, перегоревшие лампочки и увядшие цве-

Рис. К. КУХТИНА

ты. В городской фонтан плюхнулась крышка от стульчика, а на главной площади, раскинув крылья, приземлилось чучело филина. Когда обитатели Неополиса пришли наконец в себя, их глазам представало удручающее зрелище. Их город, прежде такой красивый и чистый, превратился в свалку. Кто умудрился собрать эту гигантскую грудку хлама и вытряхнуть ее над Логосом? Жители города славились своей добротой и приветливым

нравом, но и они испытывали сильнейшее раздражение.

Когда все обломки и объедки были собраны, улицы подметены и мусор перевезен в подземные лаборатории, видные химики, биологи и врачи приступили к его анализу. Крупнейшие ученые внимательно изучали с помощью весьма совершенной аппаратуры кульки со слипшейся карамелью и банки с засохшими остатками неизвестных снадобий.

Вскоре выяснилось, что весь этот хлам был собран на планете, цивилизация которой во многом отличалась от цивилизации Логоса. К тому же никак не удавалось расшифровать надписи на всевозможных коробках, банках и пакетах.

К счастью, копаясь в груды мусора, ученые нашли старую без обложки энциклопедию, и ценою невероятных усилий смогли наконец прочитать загадочные надписи.

Первой удалось расшифровать восьmicветную надпись на глянцевой картонной коробке:

«Стиральный порошок Лолита возвратит вашим сорочкам непорочную белизну».

Текст, украсивший смятый тюбик со следами почерневшей массы, изумил даже невозмутимых логосианских лингвистов.

«Зубная паста «Солнечный луч». Единственная паста, которая даст вам возможность провести уникальный опыт. Почистите зубы «Солнечным лучом». И вы увидите, что изо рта у вас исходит сияние».

— Странно, — заметил кто-то из присутствующих. — Судя по этим надписям, они прямо-таки помешались на чистоте. Но в таком случае... Откуда у них столько мусора?

«Лесная фиалка» — растворимый дезодорант, — гласила этикетка на пустом баллоне, напоминающем маленький огнетушитель. — Нажатие кнопки, и на целый месяц вы освобождаетесь от неприятного запаха. Прикройтесь, как щитом, «Лесной фиалкой».

«Сыр «Радуга». Сыр удачи. Смело открой банку. Если сыр будет желтый, красный или синий, ешь его на здоровье. Если же корка окажется зеленой, ты выиграл ежегодный приз нашей фирмы — живого слона!»

— С ума они там, что ли, посходили, — бормотали уче-

ные, аккуратно перебирая пинцетами банки и флаконы из пластмассы.

В самом деле, инопланетяне творили невероятные вещи. Какая-то компания «Эссо» превращала бензин в тигра. Для этого нужно было влить его в бензобак. Другая фирма производила бисквиты здоровья, пилули возбуждающие и успокаивающие, напитки одурманивающие и веселящие, колбасу для желающих похудеть и ту же самую колбасу для желающих пополнеть. На загадочной планете выпускали (зачем, спрашивается?) крем для сведения волос, краски для раскрашивания губ, какие-то бумажные трубочки для вдыхания дыма, искусственные ресницы и цветы из папье-маше. Но в конце концов тайна была разгадана. Спустя несколько недель ученый совет обратился к населению Неополиса с нижеследующим кратким извещением:

— Дамы и господа, мы можем наконец сообщить вам, кто сбросил на город контейнер с мусором. Это дело рук землян, известных в космосе своими причудами и своей нечистоплотностью.

Как видим, ученые Логоса бросили землянам весьма серьезное обвинение. Поэтому нам придется спуститься на Землю, чтобы выяснить, что же произошло.

История эта началась за несколько лет до описанного события. Один молодой человек по имени Тим, живший в большом городе из железа и цемента, нашел однажды старинную книгу о море. В ней рассказывалось о безбрежных синих просторах. И Тим загорелся желанием искупаться в этом чудесном море, увидеть рыб и дельфинов, россыпи раковин и леса водорослей.

После долгих уговоров родные согласились отвезти Тима к морю. После двенадцатичасового утомительного путешествия в потоке автомоби-

лей семейство добралось наконец до побережья.

Лавируя между кабинами, цветными зонтами и телами купальщиков, густо усеявших песчаный пляж, Тим подбежал к воде. Он посмотрел вокруг... — где же голубая вода, где рыба, дельфины?

— Мама, это и есть море?

— Да, — ответила мать.

— Неправда. Это сточная канава, — решительно объявил Тим.

Лежавшие рядом люди услышали эти слова и с любопытством уставились на мальчугана.

— В книжке сказано, что морская вода прозрачная и голубая, — продолжал Тим. — И что в море плавают дельфины. Где же они?

Из воды вылез жирный мужчина, весь в пятнах нефти.

— Знаете, ваш сынок кое в чем прав, — сказал он родителям Тима.

— Прав на все сто процентов, — подтвердила пожилая дама, извлекая из волос огрызок яблока.

— В самом деле, какая мутная здесь вода! — воскликнул кто-то, разгребая руками пустые банки из-под «Завтрака туриста», плотной массой колыхавшиеся невдалеке от берега.

— И еще в книге написано, что у морской воды приятный солоноватый запах. А тут пахнет гнилью, — не унимается Тим.

— У меня пропала охота купаться, — объявил мужчина, облепленный нефтью.

— С меня тоже довольно, — решила пожилая дама. Вскоре пляж опустел. А еще через неделю на всем морском побережье не видно было больше ни одного туриста.

Наконец-то земляне заметили, что с морем происходит что-то неладное. И не только с морем, но и с реками, озерами. А одно открытие, как известно, влечет за собой другое. Немного спустя жители больших

городов вдруг обнаружили, что улицы завалены горами мусора и всевозможных отходов.

Власти задумались. Что делать? Сбрасывать отходы в реки и моря больше невозможно — нельзя допустить, чтобы захирел туризм, эта золотая жила, важнейшая статья доходов.

Всей нашей планете грозила участь превратиться в гигантскую мусорную свалку. И тогда на помощь призвали ученых мужей. А те призвали на помощь новейшие достижения науки и техники.

Был создан проект ОМЯ, что означает Орбитальный Мусорный Ящик. По тщательно разработанному расписанию предполагалось запустить несколько десятков гигантских полых спутников — космических мусорных ящиков. Спутники должны были вращаться на солидном расстоянии от Земли, каждый по своей орбите. А так как в космосе нет атмосферы, то зловоние не будет беспокоить землян.

Так началась грандиозная операция под кодовым названием «Авгиевы конюшни». С тридцати стартовых площадок в небо взмыли мощные ракеты, унося прочь тонны мусора. Но случилось, что в одном из аппаратов не сработала последняя ступень, — и два миллиона тонн мусора и объедков со скоростью, близкой к скорости света, пронеслись мимо Марса и Юпитера, миновали орбиты внешних планет и ушли за пределы Солнечной системы.

Будет ли ОМЯ вращаться вокруг Земли или же исчезнет в безднах Вселенной — какая разница? Главное — избавиться от мусора.

Жители Логоса, как уже говорилось, были люди мирные. Мирные, но не глупые, хотя кое-кто до сих пор считает, что это одно и то же. Подумав, они решили вернуть гнилой товар его законным владельцам.

Ученые начинили ракету спрессованным мусором, вычислили траекторию, сам президент логосианской Академии наук нажал кнопку, и ракета понеслась к далекой Земле.

Если бы неприятный груз опустился на какой-нибудь город ночью, ничего бы особенного не произошло. Утром горожане, высунувшись из окон, сказали бы, что сегодня улицы грязнее обычного, и занялись бы своими делами.

Но в том-то и дело, что ящик с мусором опрокинулся на город Нью-Йорк как раз в час пик. Сначала чиновники Национального управления космонавтики заявили представителям прессы, что сошел с орбиты один из ОМЯ. Гипотеза казалась тем более правдоподобной, что мусор оказался земного происхождения. Но затем, исследуя осколки ракеты, ученые натолкнулись на абсолютно неизвестный сплав. Ужасная догадка поразила умы. Народ неземной цивилизации возвратил на Землю улетевший в космос груз.

Власти были крайне возмущены и разгневаны. Правда, кто-то среди ученых, пожал плечами, заметил, что, в сущности, инопланетяне были вправе вернуть то, что им не принадлежит.

Но политические деятели, жаждущие завоевать популярность и голоса избирателей на предстоящих выборах, а также генералы, засидевшиеся без дела в своих штабах, хором заявили, что не мешало бы дать предметный урок этим наглецам и провокаторам.

Радарные установки определили, по какой траектории летел Орбитальный Мусорный Ящик, а электронно-счетные устройства вычислили местонахождение неизвестной планеты. Астрофизики углубились в карты звездного неба, и вскоре с абсолютной точностью было установлено, что

провокационные действия предприняли жители планеты Логос.

Прошел месяц, и на головы незадачливых обитателей Неополиса обрушился тот самый прессованный хлам, который они имели неосторожность вернуть землянам. Не успели они воскликнуть «О, господи!», как с неба на них один за другим, со свистом и гудением, рухнули еще двести семьдесят ОМЯ. Правительство Логоса ввело чрезвычайное положение. Нужно было каким-то образом отразить нападение, следовало отплатить землянам той же монетой. Но Логос, увы, не располагал большими запасами нечистот. На Логосе каждая семья имеет собственный мультилазерный дезинтегратор, мгновенно уничтожающий все отходы. Правительство обратилось к жителям с призывом не пользоваться больше дезинтеграторами и производить как можно больше сора и разнообразных отбросов.

Но силы были неравные. Земляне каждую неделю запускали на Логос триста ОМЯ. А ракетному центру в Неополисе с трудом удавалось наскрести для отправки на Землю два-три контейнера в месяц. Не так-то легко изменить вековые привычки! Скоро логосиане поняли, что проигрывают войну. Не дожидаясь, пока их планета будет окончательно погребена под горами мусора, они передали на Землю просьбу временно прекратить военные действия — Логос готов подписать акт о капитуляции.

Ответная радиограмма не заставила себя ждать. Земляне изъявили согласие вступить в переговоры. Но, добавили они, Земля ставит в известность противную сторону о том, что она ни при каких условиях не откажется от своего суверенного права сбрасывать мусор и отходы на Логос.

Историческая встреча двух делегаций состоялась на нейтральной планете Марс. Когда все уселись за стол переговоров, глава делегации Логоса извлек из кармана пиджака очки (при этом на стол упали пробка и две вишневые косточки), водрузил их на нос и вынул из портфеля пухлую папку.

— Джентльмены,— начал он.— Здесь подробно изложен план постройки дезинтегратора, который позволит вам решить проблемы, связанные с уничтожением отходов и мусора. Мы готовы прислать вам наших специалистов по строительству сооружений подобного типа. Все расходы мы берем на себя.

Глава делегации землян принял папку и начал рассеянно развязывать тесемки. Из папки выпали капустная кочерыжка и промасленный кулек.

— Вижу, что наши ОМЯ попали в цель,— удовлетворенно заметил он.

— Увы,— вздохнул логосианец.

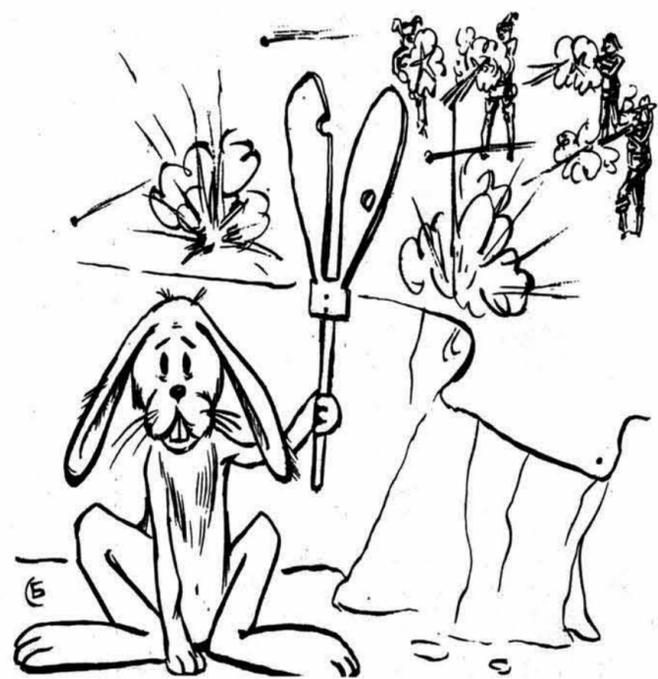
— Наши приборы точной наводки действуют безотказно. Этого вы не можете отрицать, не правда ли?! Так вот, гигантский дезинтегратор постройте вы, у себя на Логосе, а мы будем посылать вам наши ОМЯ,— подвел итог переговорам представитель землян.— Если наши условия вам подходят, прекрасно. Нет — тоже неплохо. Мы будем, как и прежде, бомбить ОМЯ вас и ваши города.

Делегатам планеты Логос ничего другого не оставалось, как принять условия землян.

С того дня Логос стал идеальным мусороприемником цивилизованной Земли.

Эта печальная история лишней раз доказывает, что можно жить в чистом доме, на чистой улице, ходить в чистой одежде и иметь нечистую совесть.

Перевел с итальянского
Л. Вершинин

Индекс 70703
Цена 70 к.

ОХОТА В КОНЦЕ СЕЗОНА

(ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ)

Как известно, динозавры вымерли много лет назад. Жаль, конечно, ведь они, вероятно, весьма обогащали земную фауну. До сих пор появляются время от времени гипотезы о том, что отдельные рептилии якобы дожили до наших дней. Вспомним хотя бы легенды Лох Несса, якутских топей или джунглей Центральной Африки.

Но почему они все-таки вымерли? Этот вопрос совершенно не прояснен, и теории, существующие на этот счет, версии настолько пестры, а порою и неуклюжи, что напоминают самих динозавров. Одна из них, например, утверждает, что гигантские рептилии были столь беспробудно глупы, что просто не могли не вымереть от гипертрофированного идиотизма. Согласно другой глубокомысленной теории, деформация магнитного поля Земли привела к гибели этой процветающей ветви животного мира. Третья называет среди причин изменение климата, четвертая — внеземные факторы и так далее.

Самое занятное в этой истории то, что только я знаю истинную причину их вымирания. Знаю я и виновников этого. Мы, земляне, извели всех динозавров. Да, да, именно мы!...

* * *

— Вы хотели бы поохотиться на динозавра?

— Да. Именно поэтому я и пришел.

— Что ж, мы ничего не имеем против. Но, видите ли, дело в том, что... это развлечение не такое уж дешевое.

— Ну, разумеется. И сколько же это стоит?

— Семьдесят тысяч за небольшого ящера. Взрослая особь оценивается по весу и метражу. Обычно один бронтозавр обходится нашему клиенту от четырехсот до пятисот тысяч.

Я сглотнул слюну и едва сумел скрыть невольное ошеломление и растерянность. Однако собрав все свое хладнокровие, уверенно протянул чековую книжку: «Пожалуйста. Мне бы хотелось поохотиться на настоящего морского ящера, нет ли у вас чего-нибудь подходящего под рукой?».

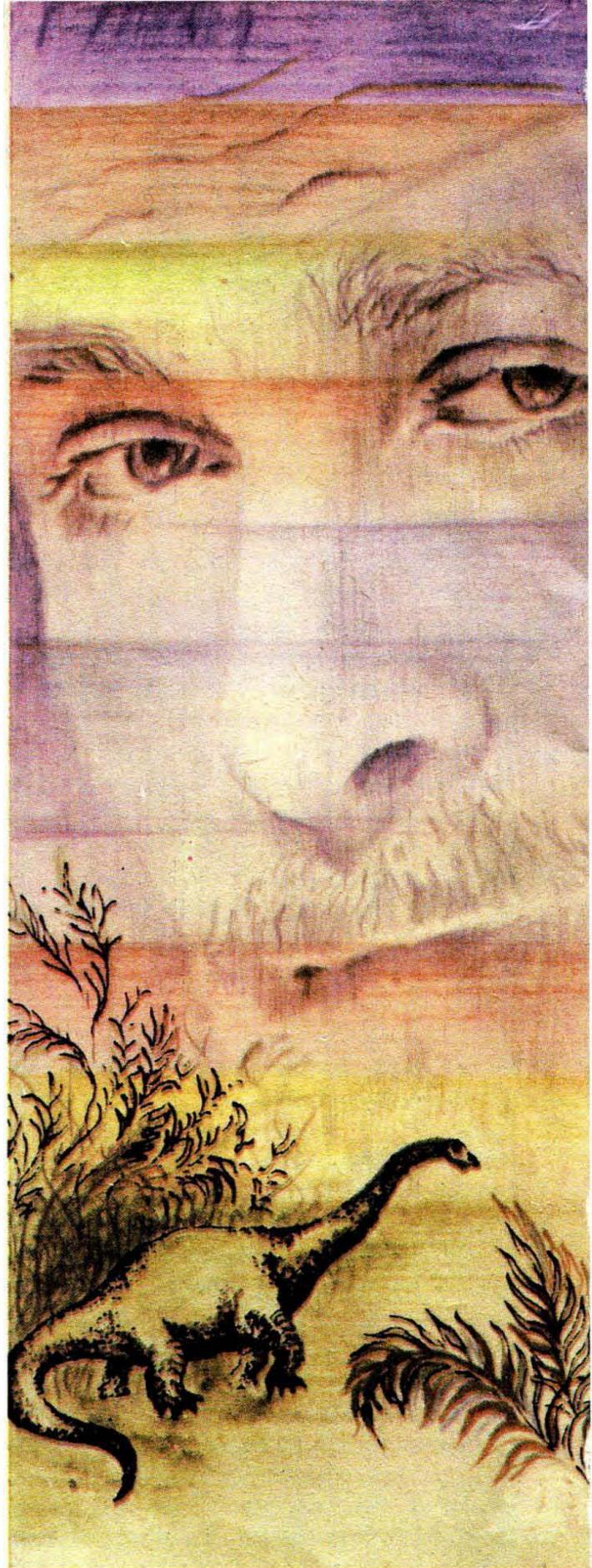
Служащий поискал в картотеке и предложил мне две фотографии гигантских плезиозавров.

— Прошу вас. Более симпатичных монстров вы, наверное, в жизни не видели. Однако же вам повезло. Таких осталось не слишком много.

— Разве? А почему?

— Об этом вам гораздо лучше расскажут в Бюро Транспортировки. Там все равно необходимо пройти специальный инструктаж.

Я согласно кивнул, еще раз посмотрел на фотографию и,

не долго думая, выписал чек...

Служащий Бюро Транспортировки взял мой чек и начал заполнять формуляр, зачитывая время от времени некоторые основные положения Правил, и вскоре я, как мне показалось, был полностью ознакомлен с нехитрыми условиями охоты.

— Может быть, это несколько наивный вопрос, — сказал я в заключение, — но почему ваше общество официально не зарегистрировано?

— Что вы, это явное недоразумение. Наше общество су-

шествует вполне официально. Для избранных. Просто предпочитает не рекламировать себя.

— Ах так! Прекрасно. Ну и как же конкретно все это происходит?

— Итак, — скучным голосом

забубнил служащий, — каждая подобравшаяся охотничья партия посылается с помощью Машины Времени в прошлое, причем в группе подбираются охотники, желающие побывать в одном и том же временном слое...

— А если никто не захочет охотиться на динозавров в каком-нибудь из слоев?

— Ну что вы, желающих очень много. Напротив, нам доставляет массу хлопот находить для каждого клиента ди-

нозавра по вкусу. И, представьте, число охотников постоянно увеличивается, несмотря на нынешнюю инфляцию и рост цен. Да, да, у нас цены тоже растут и весьма быстро. Самое же неприятное то, что в Америке, где, по нашим данным, имелось наибольшее количество динозавров, действует банда организованных преступников, которые просто хищнически уничтожают бедных рептилий и не соблюдают границ охотничьих зон.

— Но ведь их миллионы, этих динозавров!

— Верно, но далеко не все из них настолько велики, чтобы заинтересовать наших клиентов. Вы вот, например, не захотите же охотиться на молодую особь, не правда ли?

Этого я, разумеется, не хотел и совершенно ясно дал понять, что мой динозавр должен быть не хуже, чем у других. Кроме того, многотонному динозавру труднее спрятаться, а попасть в него намного легче.

— Именно поэтому у нас такой высокий налог. Само путешествие в Машине Времени стоит довольно дешево.

Я кивнул.

— Предположим вы решили остановиться в раннем Юре и там поохотиться на крокодилов. Мы сразу же, хоть сейчас, без всякой очереди предложим вам Машину Времени. Но ведь никто не желает охотиться на тех животных, которых и сейчас предостаточно. Всем подавай динозавров.

— Все понятно, — довольно промурлыкал я. — Итак, я сажусь внутрь этой штуковины и меня вместе с группой охотников переносят в прошлое... Ну, а дальше?

— Егерь провожает вас к ранее найденным животным. Без специалиста вам динозавров не обнаружить — местность крайне дикая и непривычная. Потом вы выходите, убиваете каждый свою дичь и скоренько возвращаетесь к Машине. Как только все соберутся, вы возвращаетесь сюда, в наше бюро.

— Гм... Ну, а если я... имеется в виду, что будет, если бы я, скажем, только ранил этого...

— С вами ничего не случится.

— Ага, а вдруг динозавр зацепит меня своей, так сказать, лапкой.

— Вас там не будет, вот в чем дело. Там будет ваша проекция. Но это все скучные технические детали, право. Для вас это закончится лишь испугом, уверяю вас.

* * *

Над входом сияли огромные буквы ЦСТ, что означало — Центр Специальной Транспортировки. Огромный серебристый снаряд поглотил группу из двадцати охотников и примерно такого же количества егерей. Дверь закрылась, и Машина с легким зудом и подрагиванием за несколько секунд перенеслась на многие тысячелетия.

Мы очутились на влажном зеленом лугу, поросшем огромными папоротниками. Совсем рядом между дикими скалами была видна океанская бухта. В ее голубых водах плескались два огромных плезиозавра, гоняясь друг за другом, как расшалившиеся утята. Мой егерь, улыбаясь, кивнул, когда я умоляюще посмотрел на него: — Да, это и будет ваша добыча, если только вы не промахнетесь.

— О, я надеюсь на это. Да, а сила выстрела будет достаточна, чтобы пробить ему шкуру?

— Вполне. Пули изготовлены из специального материала повышенной твердости.

— Так-так! — нетерпеливо пробормотал я. — Давайте же приступать... — Подробности уже мало интересовали меня. Я видел перед собой красавца ящера и это было самое главное.

— Сверим часы, — сказал егерь. — Сейчас двенадцать часов пятнадцать минут. Все готовы? Тогда с богом...

Мы прошли немного по скользким, обросшим мохом камням. Толстяк в шляпе-тирольке (он выбрал второго плезиозавра), двое егерей и я — вчетвером мы спустились к подножию скал и оказались на диком, каменистом пляже.

— Нам нужно обойти их и попасть вон под те выступающие в океан валуны, — сказал один из егерей, — они плавают как раз напротив. Превосходное местечко для снайпера, должен вам заметить.

До скал было не менее километра, и толстяк заметно приуныл. Однако мы поправили рюкзаки, перехватили ружья поудобнее и пошли, прижимаясь к чахлой растительности у подножия скалистого обрыва.

Через полчаса мы настолько приблизились к скалам, что оставалось только удивляться, как это нас до сих пор не заметили динозавры. Это были роскошные твари, тридцати метров каждая, причем половина длины приходилась на грандиозные, прямо-таки королевские шеи.

Динозавры делали друг возле друга большие круги. Вдруг один из них поднял свою страшную голову и посмотрел прямо на нас. Тут же у меня над ухом прозвучал выстрел толстяка — его, как я понял, подвели нервишки. Разумеется, он не попал и тут же выстрелил еще раз. Я занял более удачную позицию у большого валуна и стал целиться в плывущего к берегу второго плезиозавра. Отдача больно толкнула меня в плечо и динозавр неожиданно высоко выпрыгнул из воды. Огромная волна, плеснувшись на берег, скрыла от нас рептилию, потом мы увидели, что «мой» динозавр быстро крутится на боку.

Толстяк, между тем, палил и палил. Он истратил не меньше обоймы, пока с горем пополам уложил «своего» плезиозавра, изрядно попортив ему шкуру.

Потом мы сфотографировались на фоне подстреленных нами монстров — взять их с собой мы не могли по каким-то там правилам путешествия во времени. Но все равно это было здорово — люди третьего тысячелетия на фоне гигантских динозавров мелового периода...

* * *

Прошел год, принесший завидную прибавку к моему счету в банке, и я все чаще вспоминал о великолепной охоте. Все-таки тогда я пережил самое волнующее чувство — чувство победителя человека над грозной, но примитивной силой природы. Короче говоря, вскоре я снова стоял в бюро Центра Специальной Транспортировки. Служащего я сразу узнал и, поздоровавшись с ним, сообщил о своем желании снова поохотиться. Тот порывлся в картотеке и наконец вспомнил меня: — Ага, это вы пятого июня прошлого года застрелили двух гигантских плезиозавров?

— Не совсем так, я лично убил только одного, но действительно был в этой группе.

— Вы знаете, это были последние особи. Мы с тех пор не смогли обнаружить ни одного крупного плезиозавра. Наши коллеги из другой фирмы как-то сообщали об одном на севере Шотландии, но это было довольно давно и он уже, вероятно, застрелен. Так что, боюсь, с динозаврами сейчас покончено... Но не отчаивайтесь, дружище. Я могу вам, как старому клиенту, предложить неплохих диплодоков или, скажем, птеродактилей... Что? Не хотите?! Зря, зря. Охота продолжается, и как знать, что у нас останется к следующему сезону. Судя по аппетитам наших нынешних клиентов и их числу, я смогу вам твердо гарантировать разве что зеленых ящериц. Подумайте хорошенько. Пока не поздно!..

Перевод с немецкого
В. КОРШИКОВА

СМЕРТЬ

Герт ПРОКОП

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Рис. В. ФЕДОРОВА

„БЕССМЕРТНЫХ“

НЕДАВНО В ГДР ВЫШЛА КНИГА ИЗВЕСТНОГО ПРОЗАИКА И ПУБЛИЦИСТА ГЕРТА ПРОКОПА «КТО СТАНЕТ КРАСТЬ ГОЛЕНИ?»

НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО АВТОР СНАБДИЛ ЕЕ ПОДЗАГОЛОВКОМ «ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ 21-ГО ВЕКА» И ЧТО ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ НА ФОНЕ ЯВНО ФАНТАСТИЧЕСКИХ АТРИБУТОВ БУДУЩЕГО — ИСКУССТВЕННЫЙ КЛИМАТ, СВЕРХЪЕМКИЕ ГОЛОГРАММЫ ПАМЯТИ ЭВМ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ МЕДИЦИНЫ И Т. Д., — ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ ЛЕГКО ОБНАРУЖИТ ТЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА, ЧТО НЕВООРУЖЕННЫМ ГЛАЗОМ ВИДНЫ УЖЕ СЕГОДНЯ.

ХИЩНИЧЕСКОЕ РАЗГРАБЛЕНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ, СВЕРХЗАГРЯЗНЕНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ПОЧТИ ПОЛНОСТЬЮ ИСТОЩИЛИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ СТРАНЫ (ДЕЙСТВИЕ КНИГИ ПРОИСХОДИТ В США, КОТОРЫЕ СТАЛИ К ТОМУ ВРЕМЕНИ ОСТРОВОМ «ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО ОДИНОЧЕСТВА»). БЕСКОНТРОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХИМИЧЕСКИХ КОНЦЕРНОВ НАСТОЛЬКО ОТРАВИЛА БИОСФЕРУ, ЧТО ЧИСТАЯ ВОДА И ВОЗДУХ СТАЛИ ДЕФИЦИТОМ, ДОСТУПНЫМ ЛИШЬ «ДЕНЕЖНЫМ МЕШКАМ». ДАЖЕ БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ УСПЕХИ МЕДИЦИНЫ, НАШЕДШЕЙ ДЕЙСТВЕННЫЕ СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ РАКА И ДРУГИХ САМЫХ СЕРЬЕЗНЫХ

СЕРДЕЧНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЮТСЯ «СИЛЬНЫМИ МИРА СЕГО» ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЛИШЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ, И, В НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ, КАК СРЕДСТВО ШАНТАЖА И СПЕКУЛЯЦИИ, ДАЮЩЕЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕРЖАТЬ В РУКАХ ПРОСТЫХ СМЕРТНЫХ.

КАЗАЛОСЬ БЫ, В ТАКИХ УСЛОВИЯХ «СТОЛПЫ» АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА МОГУТ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ В БЕЗОПАСНОСТИ. ВЕДЬ ИМ УДАЛОСЬ ДОВЕСТИ ПРАКТИЧЕСКИ ДО СОВЕРШЕНСТВА МЕХАНИЗМ ПРЕСЛОВУТОЙ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ, И ОНИ МОГУТ СПОКОЙНО ВКУШАТЬ ВСЕ ПРЕЛЕСТИ «АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ».

ОДНАКО, КАК ВЫЯСНЯЕТСЯ, ИМЕННО ЭТОТ ОБРАЗ ЖИЗНИ (ВПРОЧЕМ, ЭТО ЗАМЕТНО И СЕЙЧАС) ЯВЛЯЕТСЯ СТИМУЛЯТОРОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ СОВЕРШАЮТСЯ В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ САМИМИ ЖЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПРОМЫШЛЕННОЙ И БАНКОВСКОЙ ЭЛИТЫ.

И ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ КНИГИ, СЫЩИК ТИМОТИ ТРАКЛЬ, ПРИ ВСЕЙ СВОЕЙ НЕОРДИНАРНОСТИ, ТОЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ХАРАКТЕРНЫМ ПОРОЖДЕНИЕМ ЭТОГО ОБЩЕСТВА И ЭТОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ. ВНЕШНЕ НЕЗАВИСИМЫЙ, ОСТРОУМНЫЙ, ПОЗВОЛЯЮЩИЙ СЕБЕ ВРОДЕ БЫ ДАЖЕ ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНО ОТНОСИТЬСЯ К СЛАБОСТЯМ «БЕССМЕРТНЫХ» БОГАЧЕЙ, ТИМОТИ, В СУЩНОСТИ, ЗАВИСИМ ОТ НИХ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ОН С ГОРЕЧЬЮ ПОНИМАЕТ, ЧТО ИЗМЕНИТЬ НИЧЕГО НЕ В СИЛАХ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, НЕ ХОЧЕТ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СВОИХ ПРИВЫЧЕК — ЖИТЬ «НА ШИРОКУЮ НОГУ» И БРАТЬ ГОНОРАРЫ ТОЛЬКО НАТУРОЙ: НАСТОЯЩИМ КОФЕ, ЧАЕМ, СЫРОМ, ВИНОМ И ДАЖЕ ЧИСТОЙ ПИТЬЕВОЙ ВОДОЙ, ТО ЕСТЬ ТЕМ, ЧЕМ МОГУТ ЗАПЛАТИТЬ ЛИШЬ САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ.

СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ОДНУ ИЗ ГЛАВ ЭТОЙ КНИГИ.

Брукер отлично знал, с кем имеет дело. Поэтому не стал сулить Тимоти огромные гонорары.

«Мне сообщили», передал он в своей голограмме, «что вы ни за какие деньги не согласитесь посетить меня. С другой стороны, я сам почти никогда не покидаю Арлингтон и ни при каких обстоятельствах не смогу прибыть в Чикаго в настоящее время. Но поговорить мне с вами необходимо. Вот мое предложение: за визит вы получите ящик «Шато Нёф дю Пап» урожая 1982 года. Мне незачем объяснять вам, сколь непросто было мне сделать такой шаг. Итак, когда мне ждать вас? Дайте знать Паттону. Мой вертолет к вашим услугам».

Тимоти сравнил контрольную частоту, последовавшую за голограммой, с данными, которые ему передал секретарь Брукера.

Все совпадало.

Что, дьявольщина, могло понадобиться от него Брукеру? У «Юнайтед Кемикал» есть собственная, «фирменная» полиция, целая свора детективов, а кроме того, стоило Брукеру пошевелить мизинцем, как перед ним по стойке «смирно» вытянулась бы не только вся полиция штата Индиана, но и само ФБР. Тимоти еще раз проверил голограмму, но никакой другой информации не обнаружил. Он позвонил Джошуа Треверсу.

— Меня желает видеть Сэмюел С. Брукер,— сказал Тимоти.— Он не скупится: предлагает целый ящик «Шато Нёф дю Пап», урожая 1982 года.

— Я помогу тебе выпить его, Тими.

— О'кей. Что нового в «Юнайтед»?

— На прошлой неделе президент нанес визит Брукеру...

— Меня это не интересует. Какие

неприятности могут быть у большого босса?

— Понятия не имею. Спор с синдикатами «Юнайтед» завершила, а кроме того...

— В чем там было дело?— заинтересовался Тимоти.— Ну, насчет синдикатов?

— Все уже в прошлом. «Юнайтед» потребовала от химических трестов введения новых транспортных тарифов. Те не соглашались. Но вчера подписали соглашение — после того, как с полдюжины автопоездов взлетели на воздух.

— Что еще?

— Совсем недавно умер компаньон Брукера, Веверлей. Рак крови.

— От этого умирают тысячи людей. А что насчет частной жизни Брукера?

— Женат в пятый раз, на прошлогодней королеве красоты; от первого брака у него сын, Чарльз Бенедикт,— он же наследный принц,— и две дочери-двойняшки от третьего брака. Дворец в Арлингтоне...

— Настоящий дворец?

— Представь себе. Его дед выписал этот дворец из Шотландии. Тебе стоило бы побывать там, дворец великолепный.

— У меня, очевидно, не остается другого выбора,— простонал Тимоти.— Ты знаешь, где меня искать в случае моего исчезновения. И будьте поласковей с «Наполеоном». Он это заслужил.

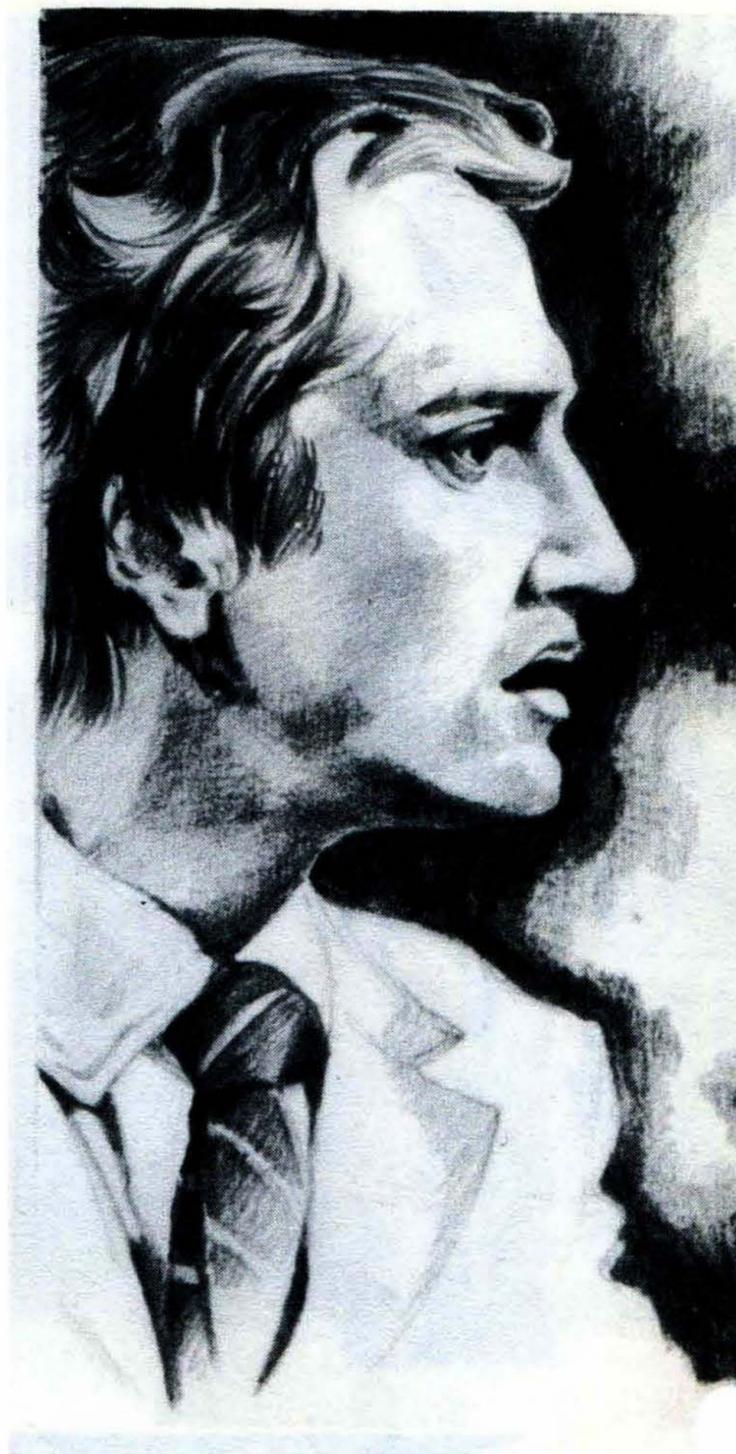
Треверс рассмеялся:

— Ты так боишься оставить свое гнездышко... Нет, это просто дико. Если кому-то всерьез захочется прикончить тебя, ты не спасешься в своем небоскребе. Поезжай в Арлингтон. Говорят, у Брукера такой искусственный климат, какого нигде в Штатах не сыщешь.

На дворец действительно стоило посмотреть. Тимоти уселся поудобнее, когда вертолет пробил молочное полушарие климатосферы, накрывавшей имение Брукера. В прозрачном воздухе цвет старинных красных кирпичей приятно гармонировал с пышной зеленью травы и деревьев; замок стоял посреди огромного английского парка, ограниченного округлым защитным валом, который оттенялся сверху сероватым мерцанием, всегда образующимся в зонах соприкосновения климатосферы и земных сооружений. Тимоти попросил секретаря Брукера покружить вокруг дворца.

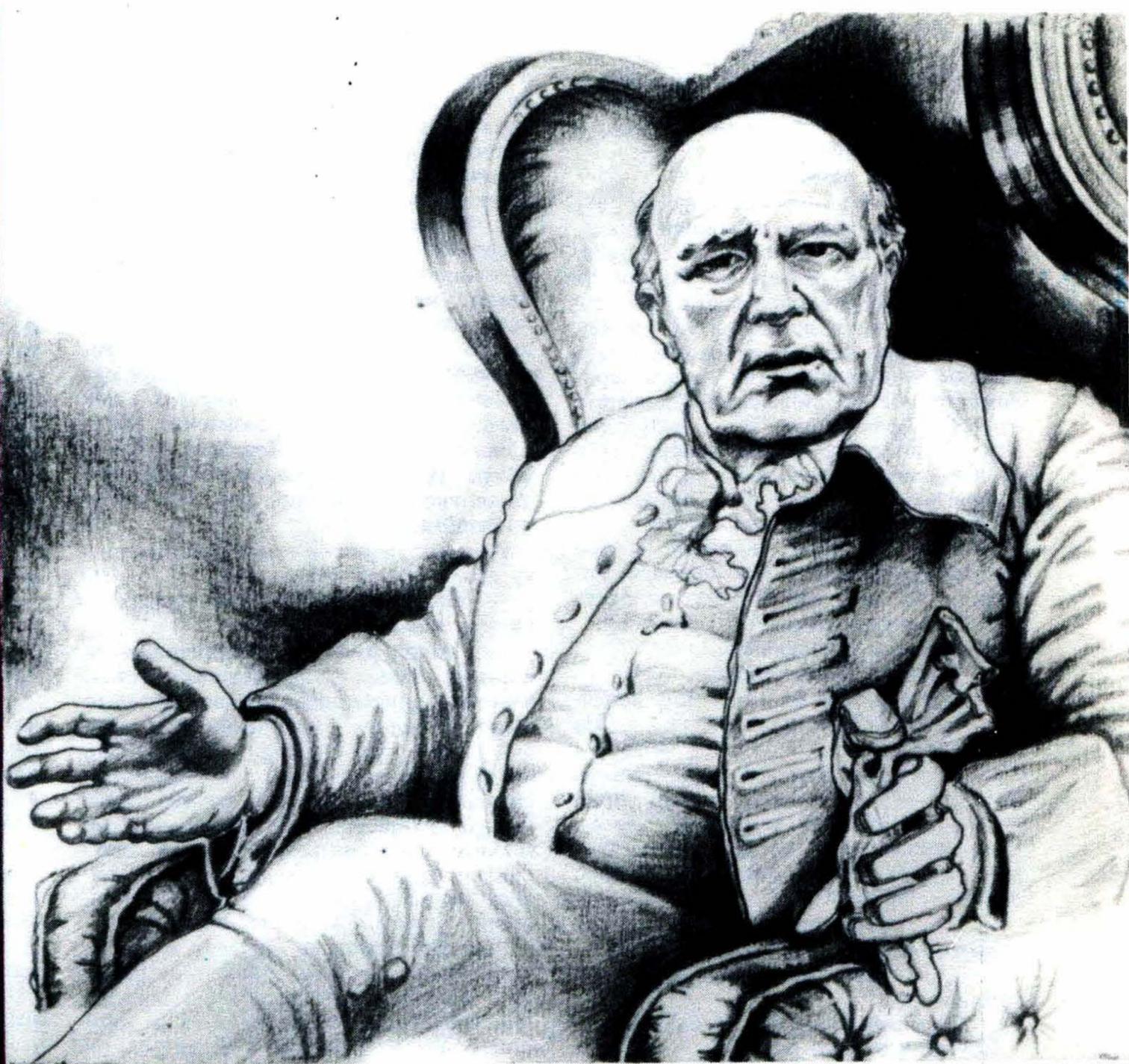
— Как знать, предоставится ли мне когда-нибудь еще возможность полюбоваться такой красотой.

Паттон задал программу автопилоту, и вертолет вошел в вираж. Паттон сидел подле Тимоти с безучастным видом. За все время он не произнес ни слова, кроме «добрый день», когда встретил Тимоти на авиастоянке «Небраска». Он даже не попросил у Тимоти опознавательного жетона. Да и к чему: Тимоти Тракля ни с кем не спутаешь и не подделаешь. Вертолет сделал третий круг над дворцом и пошел на посадку. Тимоти подумал, что

вот-вот в дверях покажется дворецкий в шикарной ливрее. Но все вокруг словно вымерло. Только из одной трубы тянулась в небо узенькая струйка дыма. Вертолет ускорил движение, взяв направление на верхний этаж дворца. Тимоти невольно схватился за сиденье, но, заметив улыбку на губах Паттона, сразу расслабился. Стена вместе с окнами и орнаментами сдвинулась в сторону, исчезла за мощной боковой башней, и они влетели в большой ангар, где помимо еще одного вертолета стояло два турбовинтовых самолета. И здесь ни души. Подкатил автомат и четырьмя руками-зажимами открыл люк в носу вертолета. Паттон сразу повел Тимоти к лифту, который, конечно, был встроен в замок уже здесь, на месте. Задняя стенка лифта представляла собой сплошное зеркало, так что ничего, даже самого маленького предмета, в лифте незамеченными не оставишь. «Выходит, Брукер и здесь, в собственном замке, кого-то боится»,— улыбнулся про себя Тимоти.

И вот они с Паттоном оказались в огромном зале, обставленном в чисто шотландском стиле. Даже камин был настоящим, и дрова в нем потрескивали настоящие. Тимоти упал в одно

из кресел и принялся разглядывать обстановку, но не успел он толком рассмотреть и одной стены, как появился Брукер. Он приближался к Тимоти с широко распростертыми руками, словно желая его обнять. Но Тимоти, казалось, так и врос в кресло.

— Я рад вашему приезду, мистер Тракль,— сказал Брукер.

А у Тимоти был такой вид, будто ничего необычного в том, что его принимает один из могущественнейших людей Штатов, он не видит. За Брукером в зал вошел слуга, на котором и впрямь была старинная ливрея, гармонировавшая с охотничьим костюмом Брукера. Тимоти сказал, что это костюмы начала XVIII века. Брукер поправил его:

— Второй половины,— сказал он.— Для полноты картины здесь не хватает моих гончих псов, но я оставил их в соседней комнате. Я знаю, что вы не любите собак. Зато, надеюсь, стаканчик виски придется вам по вкусу.

Слуга подкатил тележку, и Тимоти вынужден был признать, что никогда прежде не видел более полного набора изысканных сортов виски.

— Вы, полагаю, не станете возражать, если мы обслужим себя сами,— предложил Брукер.— Мне хочется поговорить с вами с глазу на глаз.

Тимоти захихикал:

— «С глазу на глаз»— хорошо сказано! А телеглаза не в счет?— он мотнул головой в сторону стены, где за старинным оружием, щитами, гербами и гобеленами могли быть спрятаны десятки звукозаписывающих устройств и телекамер.

— Если я говорю «с глазу на глаз», значит, я именно это и имею в виду,— улыбнулся Брукер.— Здесь все подчиняется моей воле. И даже правительству незачем слышать, о чем здесь говорят.

Тимоти кивнул. Разумеется. А если кто-то воспротивился бы желаниям Брукера, тот велел бы просто-напросто вышвырнуть его вон. Не исключено,

что большие боссы заключили между собой договор о полной неприкосновенности своих жилищ. Тимоти долго выбирал, пока не остановился на тридцатилетнем «Блэк энд уайт».

— У меня появились проблемы, мистер Тракль,— сказал Брукер.

— Виски у вас превосходный. Вот где я хотел бы провести отпуск!— проговорил Тимоти как бы между прочим.— Поставить на травку удобное кресло и слушать, как перешептываются деревья. Жаль, что голубого неба у нас больше нет, не то эта идиллия напомнила бы мне картины Тарнера. Вас никогда не посещает тоска по прошлому?

Брукер поднял рюмку:

— Отпуск можете провести у меня. И голубое небо получите. Фирма «Эрланкол» гарантирует вам этот цвет.— Заметив, что название фирмы ничего не сказала Тимоти, он объяснил:— У них есть новое средство, позволяющее раскрашивать пограничный слой между климатосферой и общим воздухом. От сияющей летней голубизны— до серенького неба дождливой поздней осени.

— И дождю вы можете приказывать сеять с вашего искусственного неба, когда только пожелаете?

— Нет, дождь у нас никогда не идет,— покачал головой Брукер.

— Не хотел бы я жить под небом, с которого не упадет и капли дождя,— сказал Тимоти.— Я люблю дождь. В нем есть дыхание природы.

Тут Брукер расхохотался.

— Если бы вы рассмотрели эту каплю дождя под современным микроскопом, вы не стали бы так утверждать. Какими только иллюзиями ни тешат себя люди?.. Некоторые даже говорят, что идут погулять на свежем воздухе. Если вам захочется подышать свежим воздухом, мистер Тракль, принимайте мое предложение и проведите отпуск в Арлингтоне. Под голубым небом, у которого, кстати говоря, есть то неоценимое преимущество, что оно полностью защищает мое имение от прибытия нежелательных гостей.

— Тем не менее в лифте у вас зеркальная стена,— ухмыльнулся Тимоти.— И чем же я могу оплатить этот сказочный отпуск?

Брукер сразу посуровел.

— Найдите моего убийцу.

— Прежде, чем он убьет вас, конечно,— сказал Тимоти задумчиво.— На вас покушались?

— Несколько десятков раз,— кивнул Брукер.— Но не эти случаи меня беспокоят. К этому я привык. Такова цена власти. Мы не нравимся многим. Всему этому плебсу, цветным, левым,— да мало ли?

— Не забывайте о ваших милых конкурентах.

— Два месяца назад умер мой компаньон.

— Да, знаю, Веверлей. От рака крови.

Брукер сглотнул слюну:

— Позавчера умер мой второй компаньон: Джон П. Ллойд.

Тимоти был поражен.

— Мы пока держим все в тайне. Криминалисты считают, что так им легче вести расследование. Но, боюсь, они ничего не обнаружат.

— От чего он умер?

— Официально причиной смерти будет объявлен рак крови. Нехорошо, когда распространяются слухи о том, что людей нашего уровня убивают. Однако никакого рака крови у них не было. Их убили. Но как? Все разводят руками: и мои люди, и сыщики из полиции штата, даже эксперты ФБР. Вот я и подумал, что теперь на очереди — я. Вы должны мне помочь!

— Почему вы думаете, что именно я в силах помочь вам?

— Потому что вы, как мне сказали, один из лучших, если вообще не лучший детектив Штатов. Вдобавок вы независимы. Мало кто в нашей стране может сказать о себе то же.

— Вы преувеличиваете...

— Разве вы состоите на официальной службе?

— Нет, моя зависимость — иного плана. Я завишу от «Наполеона» и от... Но это уже другой разговор.

Брукер не стал вдаваться в распросы.

— Кто может чувствовать себя в бе-

зопасности,— возмущался он,— если оказалось возможным убить Веверлей и Ллойда? Насчет Веверлей... Поначалу я даже поверил, будто у него рак крови. Но теперь?.. Мы с Ллойдом перепроверили наши системы охранения и усилили их. Тем не менее Ллойд мертв. Убит в собственном доме. Убит, уверяю вас. В своей собственной Внутренней Империи! Ни один человек не может приблизиться к нам без нашего согласия, никто из нас не ест и не пьет ничего, пока этого не отведает кто-то другой, не говоря уже об автоматическом контроле и постоянном наблюдении за всеми, кто имеет с нами дело. Казалось бы, невозможно убить одного из нас, однако Веверлей и Ллойд убиты. И никаких следов убийцы. Нет даже гипотезы о том, как это могло произойти.

В изнеможении он откинулся на спинку стула и утер пот со лба.

— Кто предоставит мне информацию?— спросил Тимоти.

— Паттон. Вы будете поддерживать контакт только с ним. Паттон, в свою очередь, единственный человек, который знает о вашем поручении. Он даст вам все, что нужно. Официально он будет запрашивать необходимые сведения от моего имени, так что сложностей не предвидится. Через него вы можете пользоваться помощью Центрального компьютера и любых правительственных учреждений. Все это — к вашим услугам! Спасите меня!

Тимоти посмотрел Брукеру в глаза. «Это, действительно, страх,— подумал он.— Смертельный страх!» Он спрашивал себя: а должен ли он, в сущности, спасти Брукера? Так ли уж он необходим человечеству? Несколько секунд Тимоти наслаждался мыслью, что в его власти сейчас казнить и милловать. Но, трезво рассудив, понял, что ничего изменить не в силах. На место старика Брукера сядет его сын, еще несколько кресел поменяют своих хозяев, а в остальном все останется по-прежнему.

— Можете во всем положиться на Паттона,— сказал Брукер.— С ним же обо всем договоритесь. О гонораре — тоже. В случае успеха любое ваше требование будет удовлетворено.

— Один вопрос, сэр Генри,— сказал Тимоти.— А почему собственно, вы доверяете Паттону?

— Он — единственный человек, который только выиграет, если я проживу как можно дольше. Он просто дрожит за мою жизнь.

— Еще один вопрос: почему вы уверены, что Веверлей и Ллойд убиты, если, как вы говорите, полиция и медики признали рак крови и нет никаких следов совершенного преступления?

— Все это не совсем так. Полиция... А-а, пусть Паттон вам объяснит это. Могу ли я быть уверен, что все, о чем вы услышите, останется в тайне?

— Вы мой клиент,— сказал Тимоти,— и в соблюдении полной секретности можете не сомневаться. По отношению к

любому лицу. Если я говорю любому, значит, именно это и подразумеваю.

Брукер вызвал Паттона и разрешил ему давать Тимоти откровенные ответы на все вопросы. Затем проводил его до двери:

— Желаю вам больших успехов, мистер Тракль.

Паттон держал себя сдержанно, с достоинством. Он отвечал на вопросы Тимоти, но и только. Зато притащил в квартиру Тимоти гору бумаг и документов. Тимоти не удостоил их взглядом. Спросил Паттона напрямик:

— Объясните-ка мне сперва, почему, черт побери, оба старых господина умерли не своей смертью? Извините меня, но в таком возрасте я считаю рак нормальной болезнью. Лет им было предостаточно.

Паттон кивнул:

— Ллойду восемьдесят два, а Веверлею восемьдесят шесть.

— Почтенный возраст. В каком состоянии их нашли?

— В их кабинетах, умершими от удушья, с метастазами рака в крови.

— Что же, как известно, при раке крови можно умереть от удушья. От этого не застрахован никто из нас. И неизвестно, случится это сегодня или завтра. У некоторых вся болезнь длится не дольше недели.

— Веверлей и Ллойд умерли не от рака крови. Несмотря на вирусы, найденные в их крови. Ни Веверлей, ни Ллойд не могли умереть от рака.

Тимоти посмотрел на него по-детски удивленными глазами.

— Они входят в «Клуб бессмертных»,— сказал Паттон.

— Куда, тысяча чертей?

— В «Клуб бессмертных»,— на сей раз Паттон не скрывал улыбки.— Да, так они себя называют. Я сам узнал об этом случайно, но Брукер сказал, чтобы я был с вами откровенен.

Тимоти улегся на диване, сплел руки на животе.

— Ну, тогда выкладывайте, что вам известно, молодой человек!

— Это, конечно, преувеличение,— начал Паттон.— Само собой разумеется, они не бессмертны. Но они сговорились прожить как можно дольше. И действительно — кому это дано, если не им? Может быть, вы слышали о громком скандале в начале века, после которого боссы большой химии встречаются ежегодно, с какой бы яростью они целый год ни боролись друг против друга? На одной из таких встреч они договорились о взаимопомощи в случае заболевания одного из них. Идея исходила от Финлея из «Интерхима». У него был рак легких, но он узнал, что у «Юнайтед» есть спасительное для него средство, которое фирма до поры до времени на рынок не выпускала. Ни для кого не секрет, что три четверти всех открытий и изобретений на первое время, а некоторые из них — навсегда, исчезают в стальных сейфах. Финлей предложил не скрывать друг от друга сделанных открытий. Он, к

примеру, может хоть сейчас выложить на стол лекарство против атеросклероза... Так и основали клуб. Веверлей и Ллойд были его членами. И поэтому никак не могли умереть от рака крови.

— Вы хотите сказать, что есть средство против рака крови?

Паттон только пожал плечами.

Тимоти невольно вспомнил о клиниках, которые в последние годы вдруг начали вырастать повсюду, как на дрожжах. Десятки, сотни тысяч людей проводили в них последние месяцы, и даже годы жизни, надеясь вернуться домой исцеленными, здоровыми. Наверное, это безумно прибыльное дело, не то эти клиники не появились бы на свет божий... Он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Налил себе тройную порцию виски.

— Не думаю, что я в состоянии помочь Брукеру,— сказал он несколько походя.

Паттона его слова привели в ужас.

— Я могу себе представить, о чем вы сейчас подумали,— проговорил он с грустью,— но я прошу вас, попытайтесь все таки...

— Мне очень жаль. Я не вижу ни малейшей ниточки, за которую я мог бы ухватиться.

— Но вы не ознакомились даже с документами...

— Передайте от меня вашему поразительному мистеру Брукеру привет, скажите, что я сожалею, но...

— Прошу вас,— сказал Паттон, и положил на стол перед Тимоти коробочку с кристаллами.— Ознакомьтесь хотя бы с этим. Может быть, тогда вы подскажите полиции какой-нибудь ход...

— Черт побрал! Что в случае удачи можете выиграть лично вы?— проворчал Тимоти.

— Все,— тихо сказал Паттон.— Я прошу вас...

— Тогда выкладывайте.

Паттон покачал головой. Он смотрел не на Тимоти, а на «Наполеона», в чреве которого мигала сигнальная лампочка. Тимоти наблюдал за ним. Когда Паттон поймал на себе его взгляд, он повернул свое кресло так, что Тимоти мог видеть лишь его профиль, и закрыл глаза.

— Я умоляю вас, мистер Тракль,— сказал он едва слышно,— сделайте все, что в ваших силах. Может быть, я смогу...

— Ладно уж,— пробормотал Тимоти.— Так и быть, посмотрю, что вы там принесли. Но только ради ваших грустных голубых глаз. И не называйте меня все время мистер Тракль. Для вас я Тини.

Паттон с жаром схватил руку Тимоти и пожал ее.

— Меня зовут Гарольд.

— О'кей, Гарольд, с чего мы начнем?

Паттон приходил каждое утро в девять с минутами и приносил не только документы и ответы на вопросы Тимоти, но и корзину с бутылками. Тимоти прикинул, что если ему

в ближайшее время не удастся довести это дело до конца, придется использовать под винный погреб еще одну комнату. Но сам в эти дни почти не пил.

Смог давил на Чикаго. Хотя квартира Тимоти и находилась над грязно-желтой пеленой, которая даже в полдень редко опускалась ниже 750-го этажа, жар полз вверх по панелям небоскреба; Тимоти потратил уйму денег на дополнительные климатические регуляторы, но все равно температура в квартире ниже тридцати градусов по Цельсию не опускалась. С тоской и завистью вспоминал Тимоти прохладный парк под штучным небом в имени Брукера. Надо еще благодарить судьбу, говорил он себе, что он не живет на одном из нижних этажей и, тем более, не вынужден ходить по кипящим от жары улицам города.

Каждые полчаса они принимали воздушный душ. Тимоти опасался, что «Наполеон» может перегреться, и дал указание все расчеты вести с помощью Центрального компьютера. Но после того, как «Наполеон» во время одного из побочных расчетов наткнулся на ошибку Центрального, Тимоти велел ему проверять каждое выданное решение.

Тимоти до предела загрузил работой «Наполеона», Паттона, правительственных кибернетиков, ФБР, не жалел он и себя, однако ничего толком не нашел. На пятый день они с Паттоном подвели после обеда черту под сделанным. Результат оказался удручающим. Паттон сидел с видом человека, которому зачитали смертный приговор. Если верить результатам проведенного расследования, ни о каких убийствах не могло быть и речи.

Веверлей и Ллойда нашли умершими от удушья, в их легких не оказалось кислорода. Но почему?

Тимоти вынужден был признать, что никогда еще не сталкивался со столь удивительными данными вскрытия: абсолютно исключалось, что к этому моменту Ллойд или Веверлей были чем-то больны. В их крови нашли, правда, вирусы рака. Но после смерти Ллойда федеральная полиция провела по указанию Брукера перепроверку результатов вскрытия и выяснилось, что вирусы попали в кровь уже после смерти. После того, как он задохнулся. Яды и действие пилуль исключались, не говоря уже о том, что ни Ллойд, ни Веверлей не приняли бы никакого лекарства без строжайшей проверки, без испытания его на других. И данные эти двое суток хранились бы в сейфе. Исключался также неожиданный отказ сердца или легких. Не вдыхали они и вместо привычной воздушной смеси другой, бедный кислородом газ: климатические устройства работали без перебоев. Трудно вспомнить, когда еще расследование обстоятельств смерти велось с подобной дотошностью. Врачи, делавшие вскрытие, были готовы поклясться, что как Веверлей, так и Ллойд в

последние двадцать четыре часа своей жизни вдыхали только самый лучший воздух, какой можно купить за деньги. И ФБР, сыщики которого «обнюхали» буквально каждую дощечку в кабинетах умерших, отрицало присутствие даже мельчайших следов постороннего газа.

Если всему этому поверить, то ни Веверлей, ни Ллойд не должны были, в сущности, умереть. Даже учитывая, что у многих людей были причины желать их смерти: боссы «Юнайтед Кемикал» относились, как ни посмотри, к числу наиболее ненавидимых в стране людей. Тимоти не стал и думать о том, кто именно особенно желал их смерти. Он поставил вопрос иначе: убить их мог лишь тот, кто имел к ним доступ. Да, но как? Обоих нашли мертвыми в их кабинетах. В самом центре своих Внутренних Империй, где они находились под охраной десятков высокооплачиваемых детективов и самых совершенных в мире автоматических систем безопасности. Последние часы оба провели в полном одиночестве. Оба уединились для работы и приказали никого не принимать, а если они говорили так, это было равносильно закону. Очень похоже, что в эти часы к ним действительно никто не входил.

Любой, кто хотел попасть во Внутреннюю Империю, обязан был войти в специальный «шлюз» и встать перед фиксирующим телеэкраном — даже если он и не получал в конечном итоге разрешения войти. След, так сказать, оставлял каждый. Но в тот день никто разрешения войти не просил. Если не ставить под сомнение точность показаний всех автоматов и систем вообще, надо было признать, что кроме умерших во Внутренних Империях никто не находился. Семьи делали светские визиты. Сыновья-наследники находились по делам в Чикаго. Алиби их были безукоризненны. Они первыми нашли своих отцов мертвыми, потому что никто из слуг не осмелился без особого приказа попытаться пройти во Внутреннюю Империю.

Тимоти спросил Паттона, сколько времени потребовалось наследникам, чтобы установить смерть отцов и когда они о ней объявили. Паттон лишь улыбнулся в ответ:

— Пустое. Другим тоже приходила в голову такая мысль. Даже если бы молодые люди — они оба, кстати, уже в летах, — и обладали магическими силами, с помощью которых заставили бы отцов перестать дышать, в те дни они возвращались домой не одни, и всякий раз их видели посторонние: и персонал замка, и солидные люди, их друзья по клубу.

— Тогда,— произнес Тимоти,— пробила исторический час. И — я тому свидетель — произошли убийства, которые не совершались,— и он налил себе тройную порцию «Джонни Уокера». — Весьма сожалею, Гарольд, но я бессилен вам помочь.

(Окончание следует)

На другое утро Тимоти выбирал из горы отчетов, показаний, контрольных проверок и расчетов ленты, выброшенные из чрева «Наполеона». После этого он намеревался бросить всю бумажную документацию вместе с кристаллограммами в «зев» манипулятора, где все будет упаковано в аккуратные контейнеры. Сколько всякой всячины приволок Паттон! И вся проделанная работа — ни к чему. Ну, не то чтобы ни к чему, но не дала результата, что оскорбляло его самолюбие не меньше, чем утрата брукеровского гонорара, которому он мысленно уже нашел подходящее применение.

Единственным развлечением Тимоти в эти ранние утренние часы был разбор вопросов «Наполеона» — целого набора абсурдных мыслей, которые могли возникнуть только в электронном мозгу.

Очевидно, «Наполеону» хотелось оставить за собой последнее слово даже в самых простых и недвусмысленных ситуациях. «Задам-ка я еще вопросик!» — как бы говорил он. Иногда его вопросы раздражали Тимоти, но чаще вызывали смех; он коллекционировал «последние слова» своего «Наполеона» и подумывал временами о том, не издать ли ему их отдельной книгой. Как образцы абстрактного юмора. Но на сей раз один вопрос «Наполеона» заставил Тимоти насторожиться. Проверив показания автоматического климатического устройства в кабинете Ллойда и подтвердив, что отклонения от нормы количества воздуха ни разу не превышали 0,15 процента допустимого объема, «Наполеон» поинтересовался: «А сколько это, 0,15 процента?».

Тимоти терпеливо ждал прихода Паттона.

— Я не приглашаю вас садиться, Гарольд, — такими словами встретил Тимоти гостя, — пока вы не ответите на один наш с «Наполеоном» вопрос.

Паттон обрадовался, что Тимоти не считает дело законченным.

— Пока у вас есть вопросы ко мне, Тимоти, я не теряю надежды...

Вернулся он часа два спустя. Тимоти спросил, как ему удалось получить сведения из интимнейшей жизни Ллойда и

Герт ПРОКОП

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
(Окончание. Начало см. в № 7)

Рис. В. ФЕДОРОВА

Веверлея в столь короткое время. Паттон лишь улыбнулся в ответ, и Тимоти углубился в новые материалы.

Минут через пятнадцать Паттон не выдержал:

— Нашли что-нибудь?

Тимоти покачал головой:

— Нет. Но какой-то запах мой нос учуял. Знаете что, оставьте меня одного, мне нужно сосредоточиться.

Паттон ушел с явной неохотой. На следующий день Тимоти не открыл ему дверь и не отзывался на гудки «коммуникатора». Проверив вечером по записи, кто вызывал его в течение дня, Тимоти ухмыльнулся: Паттон пытался соединиться с ним каждые полчаса. Сжалившись, Тимоти дал ему знать, что ждет его завтра после обеда.

вылечили,— Паттон горько усмехнулся.— От эфемии желез. Я поступил на службу в «Юнайтед». Беседовал со мной мистер Флауэр. Вы знали его? Тимоти покачал головой.

— Шеф безопасности «Юнайтед». Скотина он! Флауэр сказал, что рад видеть меня в добром здравии и тому подобное; а потом открыл мне глаза: оказывается, на мне испытали новое лекарство, у которого, увы, есть одно непредусмотренное заранее побочное действие... Понимаете, если не принять определенное средство, кровь мгновенно свертывается в жилах.

— И средством этим «Юнайтед», разумеется, располагала?

— Да! Его открыли, по словам Флауэра, случайно, счастье мое, что я обра-

жал минимум две недели в стационаре. Когда Флауэр пронюхал об этом, он просто не дал Джону его дневной порции.

— Флауэр умер?

— Да, пять лет назад, и пока открыли его сейф... Я единственный, кто остался в живых, и то случайно...

— От кого вы получаете лекарство теперь? От Брукера?

— Да, каждое утро. А в такие дни, как сегодня, когда приходится выезжать в город, он делит порцию на две части, утреннюю и вечернюю. Когда меня вторично вылечили, он вызвал меня к себе. Он якобы только теперь узнал о нашей судьбе, и сам бы такого никогда не допустил; он просит меня забыть о прошлом и продолжать работать на

СМЕРТЬ

„БЕССМЕРТНЫХ“

— Ну, что?— возбужденно спросил Паттон.— Не заставляйте меня мучаться, Тини. Напали на след?

— Может быть. Но прежде чем ответить на ваш вопрос, я хочу выяснить некоторые обстоятельства.

Он проводил Паттона в «тишайшую» — небольшую комнату, где их никто не мог подслушать и никто не мог помешать, даже сам «Наполеон».

— Прошу вас, садитесь.

Паттон вопросительно посмотрел на Тимоти.

— Для начала мне важно узнать, почему Брукер безоговорочно вам доверяет?

— К случившемуся это отношения не имеет. Поверьте мне!

— Я хочу знать, а не верить.

Паттон колебался:

— Мне не хотелось бы говорить на эту тему.

— Никаких уверток!

— Это длинная история, Тини.

— Допустим. Постарайтесь изложить ее кратко.

— В двадцать четыре года,— начал Паттон,— я заболел эфемией желез. Надежд не оставалось никаких. Родители не были в состоянии собрать нужную для лечения сумму, сам я еще учился. И тут ко мне пришел человек из «Юнайтед». Они, дескать, возьмут на себя все расходы и поставят меня на ноги, если я соглашусь работать в их системе безопасности. Отказаться — значило бы подписать свой смертный приговор. Меня поместили в клинику «Юнайтед», и через несколько месяцев

тился к ним, а не к их конкурентам — те не смогли бы мне помочь. А «Юнайтед» поможет. И будет помогать до тех пор, пока моя работа не перестанет их устраивать. Другого препарата действительно нет, Тини.

Тимоти налил рюмку виски и протянул ему.

— Нас оказалось десять человек, и отбор проводился весьма тщательно. Все мы с блеском окончили университет. Ни у кого показатель интеллигентности не был ниже 195, и нам не пришлось долго теряться в догадках, чтобы установить, что все мы заболели не случайно. Мы не жертвы неудачного медицинского опыта — нет, это было заранее обдуманное покушение на нашу жизнь. Так мы оказались в полной зависимости от людей, выдававших нам спасительное лекарство, и делали все, что требовал от нас Флауэр. «Парни Флауэра» — вот как нас называли.

Он надолго замолчал.

— Разве невозможно определить состав этого лекарства? — спросил Тимоти.

— Мы шли на все, лишь бы вырваться из-под власти Флауэра, и шестеро из нас заплатили за это жизнью. Видите ли, Тини, нам выдавали порцию лекарства только на день и заставляли принять в их присутствии. Один из нас семь дней подряд провел по несколько часов в клинике «Паблик Хэлфер», а остальные его прикрывали, но люди из клиники не смогли установить, в чем именно мы нуждаемся: для этого необходимо, мол, чтобы кто-то из нас проле-

жал минимум две недели в стационаре. Когда Флауэр пронюхал об этом, он просто не дал Джону его дневной порции.

— Только лекарства вам не выдал? Паттон пожал плечами.

— Воистину яркий пример человеколюбия.

— Он сказал, что так он во мне никогда не усомнится. Он, дескать, будет уверен в преданности хоть одного человека на всем белом свете. Что мне оставалось?..

— И где Брукер хранит лекарство?

— В сейфе, в своем кабинете. Это сейф-«идентикат», его открывающее устройство реагирует исключительно на тепловые волны, излучаемые телом Брукера. Попытайся я открыть сейф силой, я ничего в нем не обнаружил бы. Он связан с механизмом самовзрыва. И если Брукер умрет... Через три дня действие защиты сейфа будет снято, и сейф сможет открыть каждый. Но у меня-то в запасе всего один день. Смерть Брукера станет и моей смертью.

— Еще один вопрос, Гарольд. Кто-то должен же производить эту штуковину, даже если у Брукера ее много?

— В сейфе у него запас лекарства на много лет. Однажды он показал мне флакон с голубыми шариками. «Этого предостаточно на долгие-долгие годы», — сказал он. И сам он отказывать мне не собирается...

— Сколько ему лет?

— Семьдесят восемь.

— А вам?

— Тридцать два.

Тимоти положил руку на плечо Паттона:

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал он.— Даю слово.

— **Ч**то вам еще угодно знать? — Что произойдет, если вы захотите зайти в замок с двумя большими сумками?

— Придется отдать их на контроль сотрудникам охраны и объяснить, для чего они мне понадобились.

— Исключения случаются?

— Естественно. Брукер может снять любой запрет.

— А вдруг вам вздумалось пронести что-то незаметно во Внутреннюю Империю?

— Это невозможно, Тини.

— И тем не менее это кому-то удалось. У Ллойда, равно как и у Веверлей,— ведь система охраны у них в принципе идентичная. Кто-то пронес две большие сумки или два ящика или что-то подобное. Пронес, а затем вынес.

— А что, по-вашему, было внутри?

— Ничего. Абсолютно ничего.

Паттон сузил глаза, недоверчиво поглядел на Тимоти.

— Вы говорите — ящики?

— Скорее всего, все же две сумки,— заметил Тимоти.— Одна для прибора, другая — для выпрямителя тока.

— Выбросьте подобные мысли из головы. Все это исключается. Я не знаю, что такое вы там нашли...

— Всего лишь решение вопроса,— тонко улыбнулся Тимоти,— вопроса о том, как и от чего умерли Ллойд и Веверлей. Для этого вовсе не надо было иметь семь пядей во лбу. Да, да, Гарольд, потребовалось только немного поработать головой. Что совершенно разучились делать разные высокооплачиваемые детективы, в том числе и из ФБР. Слишком они полагаются на свои компьютеры, а ведь это всего лишь высокообразованные идиоты. За исключением «Наполеона», разумеется. Но вы ему меня не выдавайте! — Тимоти поднял рюмку, как бы мысленно чокаясь со стоявшим за дверью «Наполеоном». — Понимаете, Гарольд, показания датчиков аппаратуры «Климат» в обоих случаях проверялись компьютерами, и те, в соответствии с поставленной задачей, подтвердили, что отклонения от нормы не достигли даже предела, вызвавшего бы сигнал тревоги. Тем самым для всех вопрос был исчерпан.

Паттон кивнул.

— Самое высокое отклонение в случае с Ллойдом составляет 0,17, а у Веверлей — 0,24 процента. Если произвести несложные подсчеты, то окажется — и это весьма примечательно, — что в обоих случаях речь идет об одном и том же количестве воздуха с точностью до кубического сантиметра: о двух с половиной кубических метрах. Случай? А случайно ли, что в обоих случаях время такого отклонения тоже совпадает до секунды: оно длилось четыре минуты. И вот еще что: не странно ли, что и

Ллойд, и Веверлей задохнулись не в тесных комнатах, а в просторных залах? Я открою вам одну маленькую тайну, Гарольд: в тесных комнатах ни один из них не мог бы задохнуться.

Паттон не понимал, куда клонит Тимоти.

— Если бы в маленькой комнате вдруг оказалось на несколько кубических метров воздуха меньше, мгновенно зазвучал бы сигнал тревоги. Я задал себе вопрос: случайно ли «Климат» подал меньше воздуха. Аппаратура управляется автоматом, измеряющим плотность воздуха в комнатах Внутренней Империи. Итак, ощущался недостаток воздуха, пусть и малозаметный. Хотя в это время во Внутренней Империи никто не входил и не стал, так сказать, дополнительным «потребителем» воздуха. Может быть, случилась маленькая неполадка в аппаратуре? И что же — длилась оба раза ровно четыре минуты? И еще один важный момент: концентрация воздуха должна была понизиться. Но она оставалась постоянной. — Тимоти сделал длинную паузу, с видом победителя, глядя на Паттона. — Четыре минуты в кабинеты подавалось меньше воздуха, и все эти четыре минуты концентрация воздуха оставалась постоянной, нет и никаких количественных изменений, даже на два с половиной кубических метра.

— Я ровным счетом ничего не понимаю,— сказал Паттон.

— Мне тоже пришлось хорошенько поломать голову, чтобы понять. Воздуха меньше и в то же время ровно столько же. Есть лишь одно решение, причем настолько простое, что требует некоторой гениальности для осознания: речь идет о вакууме!

По выражению лица Паттона Тимоти мог безошибочно определить, что тот и теперь не уследил за ходом его мысли.

— Гарольд, дружище, но ведь это же все ставит на свои места! Оба задохнулись. В огромных помещениях с прекраснейшим воздухом. Никаких следов насилия. Оба были практически здоровы. Не вдыхали никаких ядовитых паров. Они умерли... «от ничего». В том-то все и дело. От вакуума. Я навел справки. С недавнего времени существует переносная аппаратура для создания вакуума в любого типа помещениях, это как бы миниатюрная модель тех агрегатов, которые создают искусственное небо над замком Брукера.

— И кто, по-вашему, мог пронести такой агрегат в кабинет Ллойда и заставить его безучастно наблюдать, как тот приводится в действие?

— Вы как будто упоминали, что свободный доступ в кабинеты имели только сами Ллойд и Веверлей и в отдельных случаях их сыновья?

Паттон молча кивнул.

— Вот и получается, что под каким-то ловким предлогом господа наследники окопачили своих недоверчивых папаш.

— Но почему? Ведь у них есть все, что можно себе представить!

— Потому что им не терпится самим стать у руля, а не ждать до скончания веков. Ведь их папаша — члены этого чудовищного Клуба Бессмертных.

— Да,— согласился Паттон.— Это могло бы быть причиной убийства. Но у господ наследников безукоризненное алиби.

Тимоти презрительно ухмыльнулся:

— Не дам я за него и ломаного цента. Один наследник покрывает другого. Кто подтверждает их алиби? Все эти люди находятся в одинаковом положении. И образовали, очевидно, что-то вроде клуба по борьбе с Бессмертными. Их раскусить нетрудно. Если я до сих пор над чем и ломаю голову, то над другим вопросом: факт остается фактом, даже наследники не могут пройти незамеченными в апартаменты Внутренней Империи. И это обстоятельство как бы перечеркивает всю мою диспозицию. Да, Гарольд, в настоящий момент наш корабль снова сел на мель. Когда нет неоспоримых доказательств, нужно иметь по крайней мере стройную и убедительную версию — а где она у нас?

Тимоти закрыл глаза и долго лежал без движения. Потом продиктовал Паттону целый ряд вопросов.

— А не поговорить ли вам с Брукером уже сейчас, на этом этапе? — спросил Паттон.— Я не то чтобы дрожу от страха, но жить-то хочется. А если это дело рук сыновей... то я и Брукер-младший в настоящий момент единственные люди, которых босс подпускает к себе.

— Не поверит мне ваш шеф,— сказал Тимоти.— Но я надеюсь, что наследник не столь легкомыслен... он не осмелится... пока делом занимаюсь я.

— Откуда ему знать?..

— Так проговоритесь же поскорее в его присутствии.

Когда Паттон на другой день принес нужные Тимоти материалы, тот не впустил его в квартиру: ему хотелось поработать в полном одиночестве. Он попросил только предупредить Брукера, что нанесет ему визит в понедельник. Паттон заехал за ним в понедельник на полчаса раньше назначенного срока.

— Ну, как, Тини, разгадали загадку? — поспешил он спросить, не успев даже поздороваться.

Тимоти и бровью не повел:

— А вы разве в этом сомневались? Он достал бутылку «Хэга» и разлил по рюмкам.

— Да-а,— протянул он, с удовольствием глядя на коньяк.— Да. Сегодня ночью. А ведь разгадка-то проста. Нет, воистину самое важное — ставить правильные вопросы в подходящее время. Мы с вами, Гарольд, гадали, кто может войти незамеченным во Внутреннюю Империю. А вопрос следовало поставить с головы на ноги: кто может оттуда незамеченным выйти?

Тимоти искренне расхохотался при виде изумленного лица Паттона.

— Да, Гарольд, вот как все просто. Будьте внимательны. К имениям боссов

проложены и пешеходные дорожки. Те, кто приходят пешком, обязаны войти во внешний «шлюз», встать перед телеэкраном и зарегистрироваться. И при входе, и при выходе. Так?

Паттон подтвердил.

— Если вам угодно вспомнить: в день убийства за Веверлеем-младшим заезжал Чарльз Бенедикт Брукер. Наследнику Веверлея не требуется никаких разрешений, чтобы беспрепятственно пройти через «шлюз». Он может подойти к «шлюзу» и прямо из замка, по личному ходу, не замеченный никем. Итак, он идет к «шлюзу», через который уже вышел Брукер-младший, регистрируется, но не выходит, а возвращается обратно; его друг Брукер уезжает один, но можно подумать, что уехали оба. После чего наследник навещает своего папашу и под каким-то предлогом демонстрирует ему аппарат. Кто знает, что он обещал показать? Старик погибает от вакуума. Несколько погодя входит сын, делает отцу инъекцию вируса рака, забирает аппарат и уносит в свои апартаменты. Дождавшись условленного с Брукером времени, снова идет к шлюзу, снова регистрируется, впускает Брукера и других господ. Во Внутреннюю Империю они идут не специальным ходом, а по парку, чтобы их заметили и слуги...

Несколько недель спустя та же история повторяется у Ллойда. И через какое-то время должна была случиться и у Брукера. Метод едва ли не безошибочный. О «переносном вакууме» пока что знают единицы. Никто, кроме наследников, не в состоянии пронести такую штуковину в замок незаметно. И даже если бы кто-то и напал на след, какой полицейский отважится утверждать, будто человек по фамилии Веверлей или Брукер солгал. Для полиции куда выгоднее подписать свидетельство о смерти от рака крови.

Паттон смертельно побледнел.

— Поедьте, Гарольд, самое время. Правда, для меня безразлично, какой именно Брукер будет хозяином «Юнайтед». Хотя... все-таки не совсем. Список у вас при себе?

Паттон достал его из кармана и протянул Тимоти.

Брукер ждал Тимоти в своем кабинете, и бутылки виски стояли на столике во всем своем великолепии. Тимоти остановил свой взгляд на «Чуз оф лорд».

Брукер явно нервничал.

— Ну как, вы поможете мне?

— Я открою вам, кто убил ваших компаньонов и кто домогается вашей смерти, но поверите ли вы мне? У меня есть гипотеза, которая все объясняет, сообразуясь с законом логики. Однако у меня нет достаточных доказательств, чтобы предать убийцу суду.

— Это вопрос второстепенной важности,— сказал Брукер.— Главное, чтобы я не попал под его удар.

— На сей раз удар будет отведен, если в случае с вами они хотели приме-

нить тот же метод, в чем я, правда, сомневаюсь. Хочется верить, что мое присутствие заставит убийцу поменять тактику.

— Да говорите вы, наконец, кто он?

— Если не возражаете, обсудим сначала величину моего вознаграждения.

— Изложите ваши условия Паттону, я дал ему все полномочия.

— Речь пойдет не об обычном гонораре и возмещении моих расходов. Вы обещали мне в случае успеха специальную премию.

Трудно было не заметить, что Брукеру стоит немалых усилий сдерживать себя.

— Вам, очевидно, доводилось слышать, что я ненавижу шантаж в любом его проявлении.

— Да,— подтвердил Тимоти,— и в этом я с вами совершенно согласен. Вымогатели — ничтожнейшие из людей.

— Итак, сколько? Три, четыре, пять?..

— Чего? — переспросил Тимоти с невинным видом.

— Миллионов, чего же еще?

— Деньги? Нет.

— Тогда чего же?

— Бутылки,— сказал Тимоти мягко и протянул Брукеру свой список.— Тысяча бутылок.

Брукер пробежал глазами список.

— О'кей. Хотя с «Токайским-23» я расстаюсь весьма и весьма неохотно. Вы знаете, его теперь не купить ни за какие деньги.

Тимоти заставил себя не улыбнуться. Да, он знал это. Как и то, что в подвале у Брукера еще двадцать две бутылки этого вина, и с его стороны вполне благородно потребовать только десять.

— Не соблаговолите ли вы вызвать Паттона и сказать ему, что он может начать грузить мой «гонорар» в вертолет.

Брукер и бровью не повел, нажал на кнопку вызова и вручил вошедшему Паттону список. Тот, очевидно, ждал под дверью, так молниеносно он появился.

— Будьте наготове,— сказал Тимоти.— Я вскоре полечу домой.

Брукер кивнул, и Паттон исчез.

— Итак, кто он? — спросил Брукер.

— Я предпочту рассказать эту историю не с самого начала и не последовательно. Но единственным моим доказательством будет безупречная логика.

Брукер, вынужденный согласиться, откинулся на спинку кресла.

— Разумеется, найдется немало лю-

дей, у которых есть причина пожелать вам, Ллойд или Веверлею, а также двум-трем десяткам другим сильным мира сего поскорее отправиться к отцу небесному, но сам способ убийства резко снизил круг подозреваемых. После того, как я выяснил, с помощью чего совершены убийства...

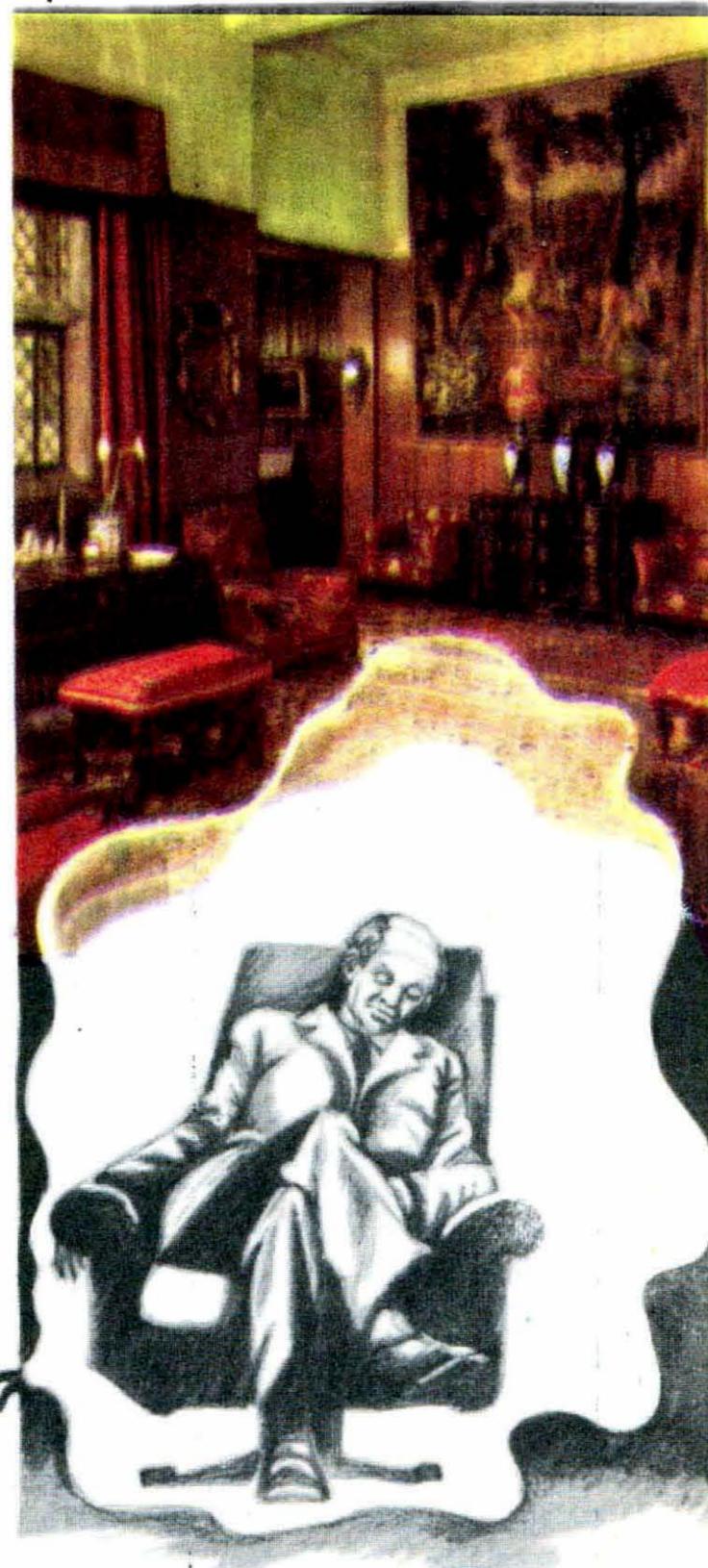
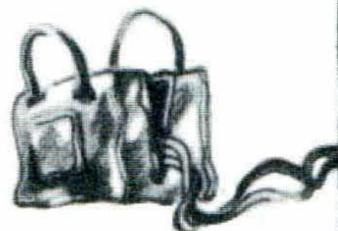
— Вы выяснили это? — перебил его Брукер.— Значит, меня не обманули. Вы и впрямь способны дать фору всему ФБР.

Тимоти сделал движение рукой, которое при некотором воображении можно было истолковать как жест скромности.

— Веверлей и Ллойд умерли от удушья.

— Да,— подтвердил Брукер, начиная закипать от ярости.— К этой мудрой мысли я пришел и без вашей помощи. Но как?..

— Они задохнулись буквально от ничего,— Тимоти подробно объяснил

ему трюк с переносным вакуумом.— Выходит, мне оставалось установить, кто способен бесконтрольно принести такую аппаратуру в имения Веверлея и Ллойда, а затем включить ее в присутствии жертв.

Брукер расслабился. Он даже улыбнулся.

— Я верю вам, мистер Траклъ. И знаю теперь, что меня никто не убьет. Я никого не подпускаю близко к себе, а отныне меры предосторожности будут удвоены.

— Вы не говорили бы столь уверенно, знай вы, кто убил ваших партнеров.

— Но кто же? Кто?

Тимоти налил себе в стакан «Уайт Хорс» и медленно выпил, прежде чем ответить.

— Я вынужден обратить ваше внимание на то, что вы несколько небрежно читали мой список, не то вы непременно заметили бы, что в нем упоминается девятьсот девяносто девять бутылок. Полагаю, настало самое время поговорить о тысячной.

Брукер смотрел на него с нескрываемым удивлением, и когда Тимоти объявил ему о своем желании, покраснел, как рак. Жилы на лбу надулись, он с трудом дышал, и Тимоти даже испугался, что «бессмертного» хватит удар, прежде чем он узнает имя убийцы.

— Прошу вас, пойдите мне навстречу,— сказал Тимоти с улыбкой.— Я ду-

маю, вы можете пожертвовать этой бутылкой. Я готов списать вам за нее пять бутылок токайского.

Брукер достал бутылочку из сейфа и поставил ее перед собой на письменном столе.

— Как бы вы поступили,— продолжал Тимоти,— приди к вам ваш сын с известием, что ему стало известно о сенсационном открытии, которое он желает продемонстрировать вам с глазу на глаз — ибо ни один человек на земле кроме вас не должен об этом открытии знать? Встретили бы вы его слова с недоверием или стали бы с интересом наблюдать за работой аппарата... Вам что, нехорошо, мистер Брукер?

Брукер побледнел, как мел.

— Ах вот как,— сказал Тимоти,— и что же он обещал вам показать?

— Прибор для определения частот, на которых передаются мысли,— прошептал Брукер. Тимоти едва расслышал его.

— И когда же ваш отпрыск намеревался продемонстрировать милому папаше этот «дешифровщик» мыслей?

— Сегодня вечером,— простонал Брукер, уставившись обезумевшими глазами в пустоту.

— Тогда я позволю себе дать вам совет: посмотрите, он наверняка держит эту великолепную аппаратуру в своих комнатах.

Брукер не двинулся с места. Тимоти тихо поднялся, взял со стола бутылочку, положил ее во внутренний кар-

ман пиджака; нажав на кнопку, вызвал Паттона и сам на цыпочках направился к двери. Когда Паттон открыл, Тимоти приложил палец к губам и выскользнул за дверь.

— Побыстрее улетаем, пока он не передумал,— сказал он; полностью Тимоти овладел собой, когда вертолет пробил климатферу, и замок Брукера остался далеко позади. Он вздохнул:

— Прощай, отпуск под вековыми деревьями и голубым небом.

Паттон нервно похрустывал пальцами.

— Когда у вас день рождения? — ни с того, ни с сего спросил его Тимоти.

— Третьего января.

— Тогда прошу принять как подарок — запоздалый или преждевременный, как угодно,— эту маленькую бутылочку. Она это или не она?

Паттон был не в состоянии произнести ни слова. Он не отрывал взгляда от бутылки с круглыми маленькими шариками.

— А можете счесть это прощальным подарком вашего бывшего шефа. Но не требуйте у него последнее жалованье,— сказал Тимоти с улыбкой.— Если Брукер кого и ненавидит, как он мне сам признался, то это вымогателей.

Перевел с немецкого
Евгений ФАКТОРОВИЧ

Феликс КРИВИН

ДИТЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

● Стриж Печной Иглохвост — дитя цивилизации, но его предки были детьми природы. Они жили в лесу и гнездились прямо в стволах деревьев. Вы гнездились когда-нибудь в стволах деревьев? Я понимаю, цивилизация, многоэтажные дома, электричество, газ, паровое отопление... Но гнездиться прямо в стволах деревьев — в этом тоже есть своеобразная прелесть. Свежий воздух, который можно вдыхать полной грудью... Мы разучились вдыхать полной грудью, вот в чем наша ошибка... У вас не найдется закурить?

Печной Иглохвост глубоко затагивается, блаженно прикрывая глаза. Сейчас-то что, сейчас уже нет того свежего воздуха, каким наши предки дышали. Даже на свежем воздухе нет того свежего воздуха. Сейчас всюду этот — как он называется? — смог... Вдохнул, сколько смог, и на том спасибо...

Хорошо бы пожить в лесу... Иглохвост давно мечтает пожить в лесу, как жили его далекие предки.

А что он, собственно, потерял в городе? Все эти трубы, трубы, а дышать нечем, буквально нечем дышать. Если не считать дыма.

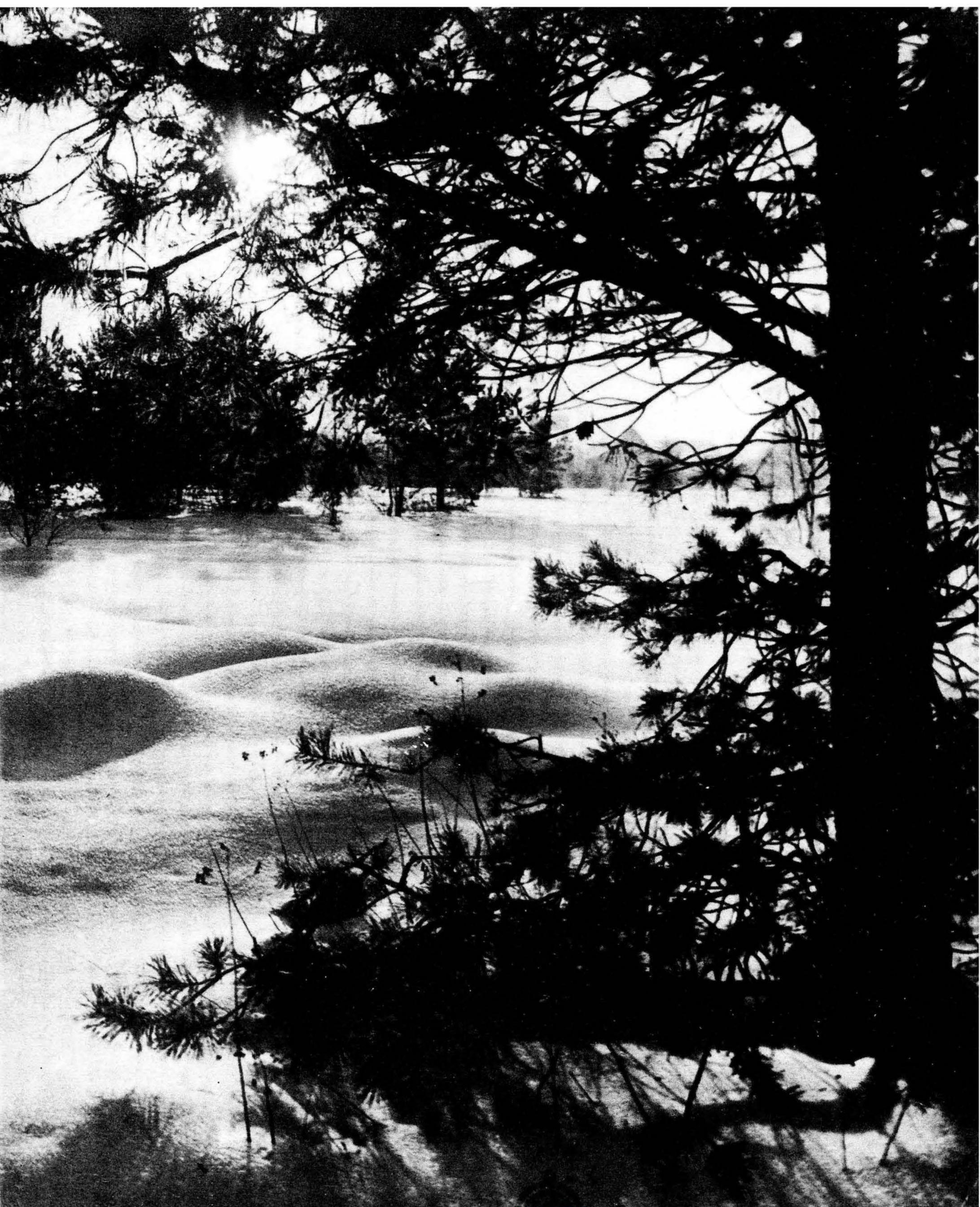
Стриж Печной Иглохвост задыхается в городе, поэтому он мечтает поселиться в лесу. Правда, в лесу

он тоже задыхается, свежий воздух вызывает у него кашель... У вас не найдется еще закурить?... Но все-таки, что там ни говорите, свить гнездо в стволе дерева, прямо в самой что ни на есть глубине леса... Вы жили когда-нибудь в глубине леса? Многоэтажные деревья устремляют к небу свои этажи, и каждое дерево — родной дом, и каждая веточка — родной дом...

К сожалению, для Печного Иглохвоста родной дом — дымовая труба, он свил себе гнездо в дымоходе как истинное дитя цивилизации. Конечно, не вся цивилизация в дымоходе, но он живет в дымоходе как истинное ее дитя. И он дышит дымом и мечтает о чистом воздухе и все собирается, каждый день собирается вернуться к природе, в леса...

Жизнь в лесу... Что может быть лучше жизни в лесу, где вокруг не мертвые камни, а все такое же, как и ты: дышащее, трепетное, живое... А значит, и родное, потому что живому живое легче понять. И легче дышать, когда все дышит вокруг, когда вокруг все живое.

А когда всю жизнь одни дымоходы... И засыпаешь в дымоходе, и просыпаешься в дымоходе... Вдохнул, чего смог, а чего не смог... где уж тут дышать полной грудью... У вас не найдется закурить?

Леонид ПАНАСЕНКО

СТОЛЬ РАННЯЯ ВЕЧНА...

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

● По возвращении Иосифа Кнехта, наверное, будут судить. Ведь из-за него компания понесла такие убытки... Тем более, что сделал он это совершенно сознательно.

Он теперь почти каждый день заходит в штурманскую рубку. Много курит, смотрит на далекие звезды и молчит. Ребята избегают Иосифа. Не потому, что он уничтожил наш долгий труд, а значит — и заработок. Главное — он поднял бунт. Он заспорил с тем, что жило в нас и было привычным и удобным — делать так, как говорит Кэп.

Хотя, если вдуматься, то от Кнехта можно было этого ожидать. Ему всегда не хватало железной решительности и умения подчиняться приказам. Он всегда думал перед тем, как действовать. А что может быть хуже для служащего компании, которая еле-еле сводит концы с концами. Наше дело — находить планеты и строить на них типовые Звездные маяки. А уж потом пусть прилетают разные там ученые, которым сам бог и высокие заработки велят думать. Зачем, скажем, Иосифу понадобилось писать после Кабирии нелепое письмо в ООН? Ну, уничтожили мы несколько тысяч зверюшек. Так ведь они сами на строительную площадку перлись. Счастье Кнехта, что он все-таки неплохо разбирается в своих микстурах. Капитан тогда только премии его лишил. А мог же и выгнать?..

Мне нельзя оставить рубку ни на минуту, потому что соседнее кресло второго штурмана пустует, и нести вахту теперь приходится за двоих. Почему-то, вспоминая Томаса, я уже не могу представить его живым. Память отказывается вспоми-

нать живого Томаса. Возможно, это своеобразный протест? Ведь воспоминания всегда схематизируют прошлое, извлекают из него живую плоть, и оно тогда покрывается пылью времени, тускнеет и в конце концов становится ненужным. А может, это самооборона разума? Ибо живым надо жить, а не упиваться своей горькой памятью.

Как бы там ни было, я не могу оставить рубку, и видения прошлых дней просачиваются в сознание, будто дым кнехтовых сигарет во все уголки нашего корабля,— медленно и неотступно. Мы часто молчим вдвоем и думаем, наверное, тоже об одном. Я уверен, что и Кнехт сейчас вспоминает начало нашего знакомства с чужим и неизвестным миром...

Сверху маленькая планета напоминала спящего ежа. Она выскочила на экраны неожиданно, будто рикошетный шар в бильярде. Мы, конечно, были в восторге. Еще бы. Планетная система располагалась довольно близко от так называемого Великого пути бизнеса и установление здесь Звездного маяка обещало компании неплохие барыши.

Рис. В. ФЕДОРОВА

Мы заспешили с посадкой или, как пишут в романах, рванулись навстречу судьбе. Корабль сделал несколько витков вокруг планеты, но напрасно ребята пытались отыскать на ее поверхности хотя бы маленькую поляну. Над нижним ярусом коренастых деревьев, будто мачты затонувших кораблей, вздымались их гигантские родственники, топорщась навстречу непрошеным гостям голыми кронами.

— Бомбу! — приказал капитан, и, кажется, только у Кнехта хватило ума встревожиться:

— Кэп... А вдруг там люди... То есть, существа какие-нибудь?

Тот не ответил. А когда внизу полыхнул взрыв, повернулся к Кнехту и сказал саркастически:

— Доктор, я тоже читал Звездный кодекс. Эфир здесь абсолютно чист, значит возможность существования развитой цивилизации отпадает. А поселения аборигенов мы заметили бы, даже если они не знают земледелия...

Наш «Мустанг» (удачная шутка какого-то санитарного инспектора) привычно исполнил ритуал посадки, устроившись в самом центре воронки. Мы стояли по щиколотки в маслянистой смеси обугленных ветвей и пепла и смотрели на забаррикадированный поваленными стволами чужой мир. Глаза еще утоляли извечную человеческую любознательность, когда я заметил лицо капитана, встревоженное и напряженное, — он явно к чему-то прислушивался. Это была музыка. Будто далеко-далеко, где-то в дремучей чаще, симфонический оркестр чуть слышно наигрывал нечто спокойное и минорное. Казалось, сами деревья стряхивали на нас чистые и прозрачные капельки звуков.

— Это ветер, — сказал Томас, и все облегченно заулыбались, громко зашумели, разбрелись, оглядывая зеленых великанов, довольно сильно потрепанных взрывом.

— Ветер, — охотно согласился капитан с версией второго штурмана. — Понимаете, Томас, уж больно тонкие здесь ветки...

Дневные краски начали постепенно тускнеть, и мы засуетились возле ультразвуковой портативной пилорамы. Ведь за спиной у каж-

дого лежало полгода пути, а кому не надоест за это время стальная коробка каюты, где даже не разминешься с соседом. Мы, играя силой, сооружали себе дом, где должно было быть много света и простора и где, если не считать фильтров, можно поблаженствовать, словно на лесной ферме в штате Аризона. Мы подгоняли свежие, зеленоватые от избытка хлорофилла доски, и наш боцман Теодор даже начал напевать.

То был экспромт, в котором говорилось, что нынче вечер, и что наконец мы заживем как люди и сможем выпить немного вина, и что этому будет служить чудесный стол, который он смастерит собственноручно. Мы работали без усталости, включив прожекторы. Ветер в вышине, наверное, усилился, ибо невидимый симфонический оркестр умолк, и лес зазвучал теперь глухо и тревожно. Сумерки прятали силуэты деревьев, и мне почему-то показалось, что эти великаны подошли к поляне ближе и внимательно наблюдают за людской суетой...

Мы уже залили несколько сотен кубов бетона, когда однажды под вечер капитан велел экипажу собраться в салоне «Мустанга».

— Наверное, хочет что-то сообщить? — пробормотал боцман. — Иначе зачем нам до старта заглядывать в этот музейный экспонат?

Прогнозы Теодора оправдались. Когда все сели на свои места, Кэп сказал:

— Автоматы полностью исследовали планету. Ни одной твари в этом вечном лесу не водится. Так что нам подвернулся идеальный образец растительной эволюции. — Капитан улыбнулся и добавил: — Никаких опасений и быть не может. Это самая смиренная планета из всех, которые могут нам повстречаться...

Кнехт и тут не упустил случая заспорить с капитаном.

— Вы так уверенно говорите, — иронично хмыкнул он, раскуривая сигарету. — А мне, например, ясно далеко не все. Корни деревьев почему-то обязательно соединены. Планета, лес, каждое дерево — единая система. Случайность это или нет? Настораживает и то, о чем вы говорили, — отсутствие животного мира. А ведь он был — я не

раз находил кости. Что произошло со зверьем? Вымерло оно, или его... истребил лес? Если да, то зачем?

Теодор презрительно повел плечом:

— А нам-то какое дело?

— Иосиф, — капитан тоже решил поострить. — Я что-то никак не пойму. Вы врач или пастор?

Кое-кто хихикнул.

— А если врач, — продолжил Кэп, — то занимайтесь нашими болячками, а не словесной эквилибристикой. Наше дело строить... Делать деньги, если хотите...

Мы порядком устали в тот день. Местные деревья имели какую-то сумасшедшую способность к регенерации. Мы рубили портативными лазерами толстые, сплетенные, будто телефонные кабели, корни, а они брызгали янтарным соком, который моментально затягивал порез и сразу же твердел. Томасу тогда пришлось в голову просто выжигать землю, пока она не превратится в сплошной конгломерат...

Ночью я спал плохо. Мозг все время балансировал на шатком мостике между сном и реальностью, какие-то тревожные неясные видения и голоса толпились в нем будто на шабаше ведьм. И вот когда это дикое скопище, казалось, немного угомонилось — раздался вопль. Кричал Томас. Он вцепился в кровать судорожно сжатыми пальцами, в широко открытых глазах горел животный ужас.

— Что случилось, Томас? — затормошил его Кнехт. — Это всего лишь сон. Ну, очнись окончательно! Очнись...

Тот вдруг умолк, облегченно всхлипнул и начал вытирать мокрое то ли от слез, то ли от пота лицо.

— Кошмар... — прошептал он. — Ветви раскачивают меня и швыряют в космос. Я начинаю хватать ртом воздух, но его уже нет, есть только пустота и черная мгла, от которой прячутся даже звезды. Холод сжигает легкие, это уже конец. Но перед тем я уже умер от одиночества. Где-то звучала музыка, а мне было очень больно, и я не мог ни закричать, ни шагнуть ей навстречу. Я не мог!

Томас вздохнул и уже спокойнее добавил:

— Простите, ребята, что разбудил вас. Но это был очень страшный сон.

Кнехт сделал штурману успокоительный укол, и тот снова быстро уснул. За окнами уже трепыхался рассвет, и мы, не сговариваясь, взяли инструменты и гуськом двинулись на строительную площадку. Утренний лес окружал поляну сплошной черной стеной. Казалось, что мы идем по дну исполинского колодца, где только вверху светлеет лоскут неба и где так пронзительно и тоскливо вскрикивает среди ветвей ветер.

...Что-то непонятное и недоброе творится с нами на этой смиренной планете. Мы стали слишком раздражительны. Как только вечер позовет ко сну, ребята начинают тревожиться и вопросительно поглядывать на доктора. Кнехт не жалеет снотворного, но толку мало. В наши сны каждую ночь приходят все более страшные видения...

Как это все случилось, как? Я не могу сейчас восстановить всю последовательность событий. Помню одно — от Звездного маяка нам оставалось проложить последнюю просеку. Мы, конечно, спешили. Орудовали лазерами, как могли, и деревья, обламывая ветки, покорно и тяжело ложились на землю. Когда ребята совсем выбились из сил, мы присели передохнуть и немного подкрепиться.

— Томас,— крикнул Теодор штурману, который замешкался на опушке.— Ты что, решил сорвать с компании премию?..

Рассмеяться мы не успели. Будто разбуженный голосом бодмана, один из ветвистых гигантов вдруг затрещал, вздрогнул всем стволом и начал падать прямо на Томаса. Все произошло неестественно быстро. Томас закричал, прыгнул в сторону, но...

Штурмана хоронили вечером. Никто не хотел приближаться к темной громаде леса, над которым, наверное, тяготело проклятье. Капитан собственноручно вырезал в бетоне нишу для бедного Томаса. Он приказал включить все прожекторы и растерянно щурил глаза.

— Через четыре дня мы стартуем,— сказал он.

Ветер усилился, и, словно в насмешку, среди верхушек деревьев снова бродила музыка. Над нашими головами спокойно сияли звезды.

Запомнился еще один эпизод того вечера. К капитану подошел Кнехт и долго бубнил что-то о том, что нам наконец нужно разобраться в ситуации. Затем Кнехт одел фильтр и исчез в наружном шлюзе. Ребята сами едва соображали, и поэтому никто не поинтересовался, в своем ли доктор уме, чтобы среди ночи идти во враждебный, а отныне и смертельно опасный лес.

Через час Иосиф вернулся. Возбужденный и одновременно очень усталый. Он снял непослушными руками герметический комбинезон и растерянно сказал:

— Ребята, это эманация леса, защитная функция... Отсюда и постоянные кошмарные видения. Лес самообороняется, как-то влияет на человеческую психику...

Мы не поняли, к чему ведет Кнехт, но наострили уши.

— Экипаж просто устал,— недовольно ответил капитан.— Слава богу, нам уже немного осталось...

— Нет, нет,— Иосиф искал какие-то осторожные слова.— Здесь не такой лес, как на Земле. Он — или единое целое, или живет по каким-то неизвестным нам законам симбиоза.

— Еще немного, и ты его разумом наградишь,— скептически заметил Теодор.— Лес на то и лес, чтоб его рубить. Ему не больно.

Кнехт выключил свет и, уже улегшись, задумчиво сказал: «Не знаю... Однако нам надо немедленно убираться отсюда».

Мы проснулись от взрывов. Они катились один за другим, и сперва нам показалось, что это канонада и что сейчас разнесет на куски и наш дом, и нас. Через минуту мы уже бежали к космодрому, где ослепительные вспышки раскалывали ночь. И, когда подбежали, увидели Иосифа. Он сидел весь в копоти и пепле, держал в руках пустой пластмассовый контейнер из-под взрывчатки и растерянно улыбался.

— Считайте себя арестованным, Кнехт,— прохрипел капитан и еще раз глянул туда, где среди облом-

ков бетонных конструкций погибли наш труд и наш барыш. Затем он круто повернулся и зашагал к «Мустангу». Мы поспешили за ним, и только добрый Поль вдруг некстати удивился:

— Какая здесь ранняя весна, ребята. Взгляните, на всех деревьях почки, и даже наш дом зазеленел.

Мы промолчали и почему-то ускорили шаг... Мы подумали, что это лес зализывает раны и что останься мы, он с новой силой начал бы сражение и выиграл бы его. Разумен он или нет, но вторжение землян отразить сумел и сейчас праздновал победу.

По возвращении Кнехта, наверное, будут судить. Но сегодня утром, когда он особенно много курил, я не удержался от вопроса.

— Послушай, Иосиф, а что ты все же увидел тогда в том проклятом лесу?

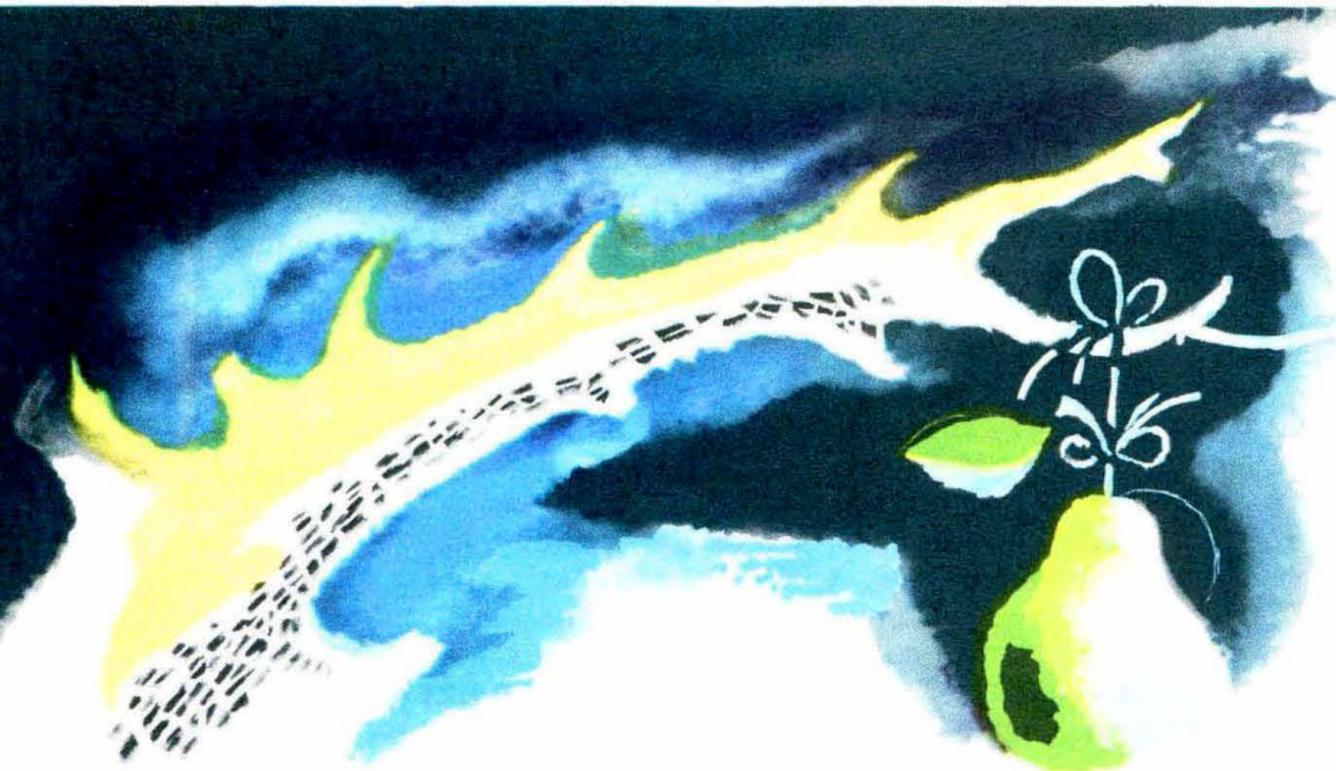
Он грустно улыбнулся.

— Мне показалось, что нужно подойти к дереву и сорвать с него один листок. Мне безумно этого захотелось. И я так и сделал...

Кнехт какое-то мгновение колебался, а потом достал из кармана лоскут зеленой плоти и показал мне. Сейчас это кажется галлюцинацией, но тогда... Природа будто превратила листок в своеобразный экран, на котором снова и снова воспроизводился наиболее драматический момент нашего пребывания на планете: огненное побоище, обломки маяка, Кнехт, весь в копоти и пепле, и наши растерянные лица... Я могу предположить всякое. Одного не понимаю — как мог листок узнать о нашем поражении? Ведь он был сорван накануне проделки Кнехта.

...Я до сих пор не верю себе. Но чем ближе «Мустанг» к Земле, тем чаще начинают копошиться сомнения. А вдруг не привиделся тот «живой» листок и Кнехт прав?

Когда-то я тоже читал Звездный кодекс, где первая статья гарантирует суверенность и неприкосновенность каждой цивилизации. На одиноких дежурствах я уже который раз спрашиваю себя: «А если все же Кнехт прав? Не придется ли тогда по возвращении судить всех нас?..»

Джанни РОДАРИ

САД СИНЬОРА МАМБРЕТТИ

Синьор Мамбретти, владелец фабрики запасных частей для штопоров, купил себе прекрасный сад с плодовыми деревьями и сказал садовнику Фортунينو:

— Завтра ко мне приедут на обед синьор Мамбринни и синьор Мамбрилло. Я хочу угостить их грушами из моего сада. Заранее собери полную тарелку груш.

Фортунино, бедняга, побледнел.

— Но сейчас не сезон для этих груш! — робко сказал он.

Синьор Мамбретти посмотрел на него со снисходительной жалостью.

— Давай разберемся. Грушевое дерево кажется мне крепким, здоровым.

— Конечно! Я за ним как мог ухаживал: унавозил, опылил гербицидами, срезал засохшие ветки. Все, как положено.

— Отлично. И это глупое дерево решило, что попало в рай, а не в сад. Ты ему поставил двойку в дневнике?

— В каком таком дневнике, синьор Мамбретти?

— Значит, ты не ведешь дневник? Надеюсь, ты за новейшую систему воспитания, очень надеюсь. Дорогой Фортунино, с деревьями нужна строгость. Чтобы они чувствовали силу и соблюдали дисциплину. Надеюсь, ты меня понял? Впрочем, смотри и учись.

Мамбретти схватил палку, спрятал ее за спину и подкрал-

ся к грушевому дереву, которое, если бы могло, запело тревожно: «Слышу звук безжалостных шагов».

— Так, так,— обратился Мамбретти к грушевому дереву.— Нам захотелось покапризничать? В голову лезут всякие мятежные мысли?

— Но, синьор Мамбретти, ведь...— попытался остановить его садовник.

— Молчать! Кто здесь хозяин?

— Вы.

— То-то же. А хороший хозяин всегда прибегает к палке.

И он принялся молотить по стволу груши палкой. Бедняга от испуга уронила все лепестки.

— На сегодня хватит,— сказал Мамбретти и, бросив палку, стал утирать пот со лба.— Особенно усердствовать не надо. Преподал палкой урок и доволен. Завтра утром сам увидишь, какие чудесные груши мне подарит это деревце.

Бедный Фортунино хотел было возразить, что грушевое дерево не подарит плодов ни завтра, ни через шесть месяцев. Ведь оно лишилось всех лепестков. Но пока он собирался с духом, Мамбретти ушел домой. Фортунино не успел даже рта раскрыть.

— Ну и дела,— пробормотал он.— Что же будет завтра? Одно ясно, груш синьору Мамбретти не дожждаться. Он, понятно, разъярится, и дереву достанется новая порция ударов.

Думал он, думал, и наконец его осенила чудесная идея. Он спасет дерево. Фортунино отправился домой, разломал копилку и помчался в город, в магазин, где продавались

груши ранних сортов. Он купил два килограмма, дождался темноты, вернулся в сад и развесил груши на ветвях.

На одну ветку прицепил большую спелую грушу, на другую — двух близняшек, на самую нижнюю ветку — сразу три груши, две больших и одну маленькую. Казалось, будто это отец и мать вышли на прогулку с малышом. Наступило утро, и синьор Мамбретти вышел в сад проверить, как обстоят дела. Увидел грушевое дерево и радостно потер руки.

— Теперь убедился, Фортунино?! Таких красивых груш не найдешь нигде. И поверь, это будут самые вкусные груши, ведь они отведали палку. Сорви их и отнеси моей жене. И запомни — с деревьями нельзя быть слишком мягким. Требуй

от них мгновенного, слепого и абсолютного повиновения. Понял?

Добрый Фортунино покраснел и опустил голову. Сказать правду он не мог, а солгать язык не поворачивался. К тому же пока синьор Мамбретти остался доволен, а там видно будет.

На следующее утро Мамбретти отправился в сад и потребовал букет роз.

— Но только Бьянке — белых, — сказал он Фортунино. — Хочу подарить их своей теще Бьянке. Неплохо я придумал, правда?

— Совсем неплохо. Но ведь белые розы в саду еще не расцвели.

— До сих пор не расцвели? Как они смеют! Разве они не знают, что здесь я хозяин?

— Видите ли, синьор Мамбретти...

— Знать ничего не желаю. И видеть тоже. Принеси мне кнут.

— Не собираетесь ли вы...

Рис. В. ПЛЕВИНА

отхлестать это бедное растеньице?

— Какое еще растеньице! Эта роза уже большая, и должна выполнять свой долг. Я люблю лишь понятливые растения. А кто любит, тот и бьет. Неси кнут!

— О, бедный я, бедный!..

— При чем тут ты? Я вовсе не собираюсь тебя хлестать. Хочу лишь тебе показать, как надо воспитывать розы. Чтобы они цвели, когда прикажет хозяин, а не когда вздумается им.

Мамбретти принялся хлестать розу; у доброго Фортунино заболело сердце, и он закрыл глаза. Его отец говаривал: «С глаз долой — из сердца вон». Но сердце почему-то продолжало болеть.

— Все,— сказал отдуваясь синьор Мамбретти,— свое она получила. Вот увидишь, какие завтра принесет красивые розы наша синьорина. Тут нужны твердая рука и неукротимая воля. Ясно тебе, Фортунино?

Оставшись один, Фортунино стал утешать розовый куст ласковыми словами, уверенный, что тот все поймет. Потом посыпал корни растолченным аспирином, чтобы кожица у цветка не так горела после порки. «Но что будет завтра?» — с тревогой подумал он.

Увы, у него не было второй копилки с монетами. Пришлось Фортунино сесть на велосипед и поехать к шурина, чтобы тот одолжил ему пять тысяч лир.

— К сожалению, я как раз сегодня утром заплатил очередной взнос за телевизор,— ответил шурина Филиппо.— У меня осталась всего тысяча лир. На, бери...

— Спасибо и на том,— вздохнув, сказал Фортунино.

Чтобы собрать пять тысяч лир, пришлось ему навеститься к двоюродному брату Риккардо и ко второму двоюродному брату Радамесу. Съездил Фортунино и к двоюродной сестре Бертолине, кото-

рая прочла ему целую лекцию о язве желудка, и к тетушке Бенедетте, которая долго у него допытывалась, какая разница между катаром желудка и катаром верхних дыхательных путей, и еще к одной тетушке.

Фортунино удалось вовремя примчаться к цветочнику и купить у него пять белых роз с Ривьеры. Ночью он вернулся в сад, привязал розы к ветвям и шепнул кусту:

— Будем надеяться, что синьору Мамбретти хватит пяти роз. При нынешних-то ценах больше я купить не смог. Все дорожает. Вон Мамбретти тоже повысил цены на запасные части к штопорам.

Но синьору Мамбретти пяти роз оказалось мало.

— Я же сказал две дюжины!

— Этого вы не говорили!

— Ты еще смеешь мне перечить? Знай свое место, наглец. И подай кнут.

— Нет, только не кнут!

— Сказано тебе, кнут подай!

Мамбретти сам схватил кнут и стал хлестать розу. Войдя в раж, он отхлестал и тую, за то, что она с одного бока вдруг пожелтела, отлупил палкой кипарис за то, что у него одна ветка кривая, отдубасил сосну-пинию за то, что у нее шишки висят слишком высоко — их и с лестницей не достанешь.

— Ну, а эта плакучая ива почему не плачет? — бушевал Мамбретти.— А эта ель почему такая низкая? А вон тот ливанский кедр почему стоит один, как перст?

— Довольно, хватит,— умолял его Фортунино со слезами на глазах.

— Да, с меня довольно! — завопил Мамбретти.— Ты уволен! Убирайся, можешь получить деньги в кассе.

Теперь уже Фортунино заплакал вместо плакучей ивы.

— Завтра я вернусь,— крикнул Мамбретти деревьям и

цветам.— Посмотрю, поумнели ли вы за ночь. Если нет, берегитесь. Поставлю вам единицу по поведению и снова отхлещу.

Спустился вечер, за ним спустилась ночь, как всегда, минута в минуту. Сад утонул во тьме и тишине. Но под землей, где переплетаются, вьются и сбегаются со всех сторон корни, слышался шепот и бормотание. Растения обменивались новостями и предложениями, разрабатывали планы и проекты. Люди думают, что корни — немые и бездыханные. А между тем корни живут, прячутся на разной глубине, но когда надо, собираются вместе. Все, даже самые крохотные корешки.

Всю ночь невидимые корни готовились к бунту. Им не могли помешать ни юркие полевые мыши, ни хлопотливые личинки, ни медлительные черви, рывшие ходы в чреве земли.

Утром Мамбретти спустился в сад, вооружившись кожаным хлыстом, с твердой решимостью навести там порядок. Он, ничего не подозревая, осмотрелся, кинул взгляд на розу.

— Ни одного цветка,— констатировал он.— Отлично. Так я, по-твоему, глупец и болтун, бросающий слова на ветер! А может я говорю по-турецки, и меня не понять? Ошибаешься, милочка. Со мной шутки плохи, мне повинуются все и вся.

С этими словами Мамбретти грозно взмахнул хлыстом и направился к розе, чтобы хорошенько ее проучить.

Но на втором же шаге споткнулся о высунувшийся из-под земли корень плакучей ивы... Мамбретти уцепился за куст розы, но та вонзила в него шип величиною с нож, он вскрикнул и свалился на землю. Сосна тряхнула верхними ветвями и обрушила на голову Мамбретти полукилограммовую шишку. Шишка раскололась, из нее

высыпались семена, и покатились по тропинке. Белки тут же кинулись их собирать. Мамбретти вскочил и бросился с хлыстом на сосну.— Наглое дерево, сейчас я с тобой расквитаюсь.

Сосна сбросила ему на голову вторую шишку. Затем третью, четвертую, весом в целый килограмм.

Тут уж синьор Мамбретти обратился в бегство. Кипарис ловко подставил ему подножку своей нижней веткой. Мамбретти упал спиной на землю.

— Это же бунт, вооруженное восстание, мятеж! — завопил синьор Мамбретти.

В ответ ель бросила ему в рот горсть своих иголок. Мамбретти выплевывал их целых двадцать минут.

А выплюнув последнюю, снова закричал:

— Мы еще встретимся! Я вас выполю, как сорную траву, разорву на куски и кусочки, а потом сожгу. От вас даже семян не останется.

Клен протянул свои ветви и схватил Мамбретти за горло. И не дал ему пошевелиться, даже когда мимоза принялась щекотать Мамбретти нос.

Наконец Мамбретти рывком удалось вырваться. Он вскочил на ноги и, убегая, крикнул:

— Помогите! Помогите! Фортунино, где ты?

— Меня здесь нет,— ответил Фортунино, который наслаждался этой сценой с каменной ограды сада.— Разве вы забыли — я уволен?! Сейчас на выходное пособие пойду в кино.

Синьор Мамбретти, примчавшись домой, закрыл дверь на цепочку. Потом подбежал к окну и посмотрел на сад. Там все было тихо, спокойно. Деревья мирно зеленели, притворяясь, будто ничего не произошло.

— Подлые шантажисты,— пробурчал Мамбретти. И поплелся в ванну делать себе примочки.

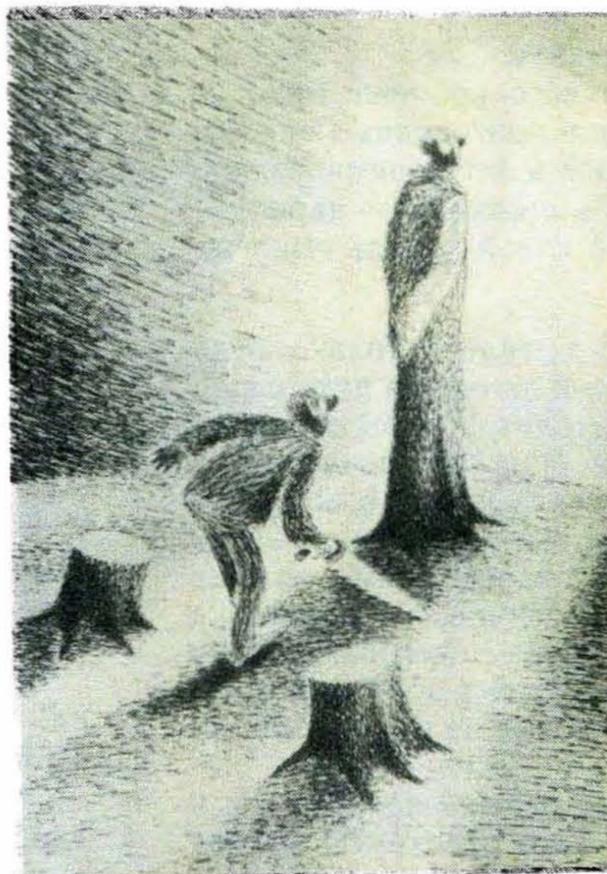
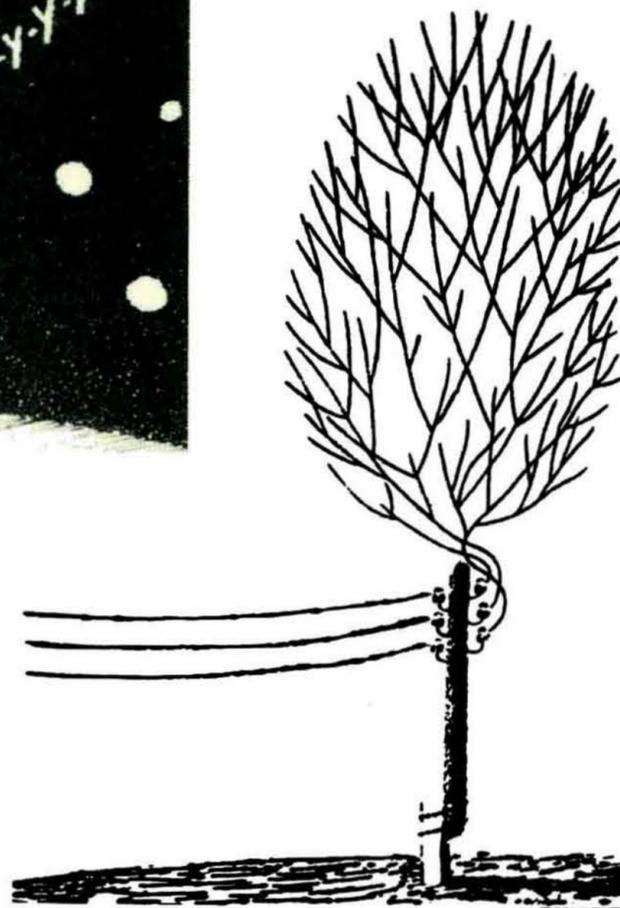
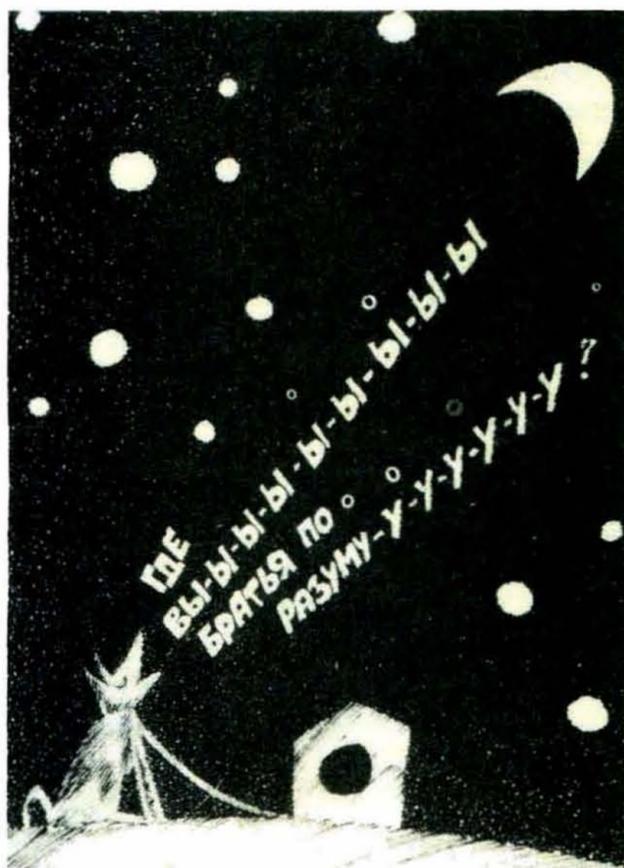

Рис. И. КОПЕЛЬНИЦКОГО

КТО СТАНЕТ КРАСТЬ ГОЛЕНИ ?

ГЕРТ ПРОКОП

Фантастический
рассказ

● Экран коммуникатора осветился, когда Тимоти вышел из ванны. У него не было ни малейшего желания говорить сейчас с кем бы то ни было. И все же, отключив картинку коммуникатора, он включил звук.

— Хэлло, Тини, вы дома? Я ничего не вижу! — раздался квакающий голос профессора Паддингтона, который не спутаешь ни с каким другим.

— Хэлло, Эдвард! Это, наверное, снова барахлит мой видеодатчик. Я вас хорошо вижу.

Тимоти знал профессора как в высшей степени уравновешенного и рассудительного ученого, во всех своих действиях руководствующегося неумолимыми законами логики. Казалось, ничто не способно вывести его из себя. А сейчас Паддингтон весь вспотел, лицо его подергивалось, прядь волос упала на лоб — все

это контрастировало с высоким воротом сюртука и пышным елизаветинским бантом с жемчужной брошью, который носил Паддингтон, чтобы скрыть ларингофон — в молодые годы он проводил на себе опыты с противораковыми средствами и лишился гортани.

— Приезжайте как можно скорее! — просил он. — Помогите мне!

— Сейчас около полуночи, Эдвард!

— В клинику проникли взломщики, это уже третий случай!

Тимоти чувствовал, как в нем закипает злость, но сдержал себя, сделав вид, что просто удивлен!

— И вы обращаетесь именно ко мне?

— Это не обыкновенная кража со взломом, Тини. Наоборот, дело по плечу только вам. У нас в клинике...

— Послушайте, Эдвард, — перебил

Тимоти, — в последние годы я почти никогда не покидаю «Небраски», а уж ночью — тем более.

— Умоляю! — у Паддингтона был настолько удрученный вид, что Тимоти сжалился.

— Хорошо, рассказывайте.

— Не по аппарату. Я боюсь. Все настолько невероятно...

Тимоти поразмыслил немного.

— Помните, в прошлом году вы передали мне материалы по пермодизации? Вы не забыли, на какой частоте шла передача?

Паддингтон закивал головой.

— Я немедленно наговорю самое важное на кристалл.

Тимоти подкатил к коммутатору кресло и настроил аппарат на нужную частоту. Вскоре голубоватое свечение показало, что профессор начал передавать.

Тимоти не мог себе представить, чтобы за кражей в клинике «Паблик Хэлтфер» — больнице, содержащейся на общественные средства, — скрывалось что-то таинственное, но как бы там ни было, передачи на этой частоте не сможет расшифровать никто, кроме Центрального компьютера правительства, конечно. Даже специалистам из концер-

нов пришлось бы хорошенько поломать голову, пока они сообразили бы, к какому сдвигу по фазе прибегнул Тимоти. Если бы они вообще додумались, что в век суперкоротких волн кто-то работает по доброму старому способу господина Морзе.

Тихий удар гонга дал знать, что передача окончена. На экране появилось изображение профессора Паддингтона.

— Я все прослушаю, — сказал Тимоти, — и сразу свяжусь с вами.

— Я предпочел бы подождать у аппарата.

— О чем вы говорите, Эдвард? — Ти-

Рис. В. ФЕДОРОВА

моти покачал головой. — Если бы я мог выслушать это сообщение перед включенным аппаратом, вам незачем было бы зашифровывать его.

Паддингтон покраснел как девушка.

— Конечно! Извините, я совсем потерял голову.

Тимоти включил дешифратор.

«Это уже третий случай, — услышал он голос Паддингтона. — Первый произошел в прошлую субботу, и обнаружил я кражу чисто случайно; второй — в понедельник, и сегодня — третий. Никаких следов взломщики не оставили; полиция считает, что это проделки студентов, но я знаю, что говорю: это кража.

Кому взбрело бы на ум шутить, не будучи уверенным, обнаружится его проделка или нет? С другой стороны — кто станет красть голени?

Вот что для меня в этой истории непостижимо: украденный в субботу экземпляр был в понедельник возвращен, зато исчезла другая голень. Сегодня утром ее нашли на своем месте, но пропала третья. Именно ее мы собирались послезавтра трансплантировать Лайонелу Мак-Келлу. Вы, очевидно, слышали о катастрофе, в которую он попал. Мы считали, что нам невероятно повезло, когда господин Случай привел в нашу клинику Мак-Келла. Если он останется доволен операцией, он поможет нашей клинике, поддержит нас. А где мне теперь достать новый экземпляр голени? Мужские голени такой величины попадаются крайне редко. Пожалуйста, приезжайте и удостоверьтесь во всем сами. Завтра утром в клинике будет полно народа».

Тимоти вернулся в кабинет. Профессор сидел перед своим аппаратом, сгорал от нетерпения.

— Ну, что, Тимоти?

— Ночью я не поеду к вам ни при каких условиях. Но дело меня заинтересовало. Так вы говорите, следов не обнаружено? А кто вел расследование?

— Инспектор Гопкинс.

— Гопкинс дело знает. И если он следов не обнаружил, значит их нет. Позвоните ему, попросите продолжить расследование. А завтра утром приезжайте ко мне. Спокойной ночи.

* * *

Тимоти пригласил профессора в кабинет.

— В гостиной было бы удобнее, — сказал он. — Но я пока не успел там прибраться — час-то ранний.

Паддингтон как бы не услышал упрека. Он разглядывал обстановку кабинета.

— Я воображал, что все куда больших размеров, — сказал он. — А ваш знаменитый Наполеон, он что — в другой комнате? Да?

— Вы остановились прямо перед ним. Позвольте представить. Наполеон — профессор Паддингтон.

Профессор в смущении уставился на темно-серое «чрево» Наполеона, отступил на шаг назад, потом в сторону, чтобы оценить объем машины и с недоумением посмотрел на Тимоти.

— По внешнему виду не скажешь, что память Наполеона велика.

Тимоти улыбнулся.

— Вы не первый, кого обманул его внешний вид, Эдвард. Остальных я оставляю в заблуждении, но вам постараюсь объяснить все пообстоятельнее. Несмотря на свой почтенный возраст, Наполеон поразительно работоспособен. Его мощность — семнадцать мегатат.

— Семнадцать? У этого карлика? У нашего компьютера мощность четыре мегатат, и он занимает чуть ли не целый зал!

— Добрый старичок Наполеон родился еще во времена миниатюризации, — объяснял Тимоти. — Причем

он далеко не самый маленький среди своих собратьев. Встречались компьютеры даже в двадцать мегатат ростом в половину меньше его. Вы удивлены? И спрашиваете себя, почему же в наши дни никто не производит таких милых и умных компьютеров, не так ли? Потому что резко уменьшились запасы металла.

— Это какой-то вздор, Тини. Раз металла становится меньше и меньше, следовало бы стремиться использовать его в высшей степени экономно.

— Напротив, Эдвард! Именно потому, что металла становится меньше и он тем самым дорожает, кое-кто заинтересован использовать его во всевозрастающих масштабах. Вот насколько абсурден мир — по крайней мере, наш. Сколько примерно весит ваш компьютер? Тридцать тонн? Предположим, что излишек веса в нем всего двадцать пять тонн. Тогда из-за одной стоимости металла доход от него — для производителей, конечно, — возрос бы... ну, на сколько, Наполеон?

Датчик Наполеона выплюнул коротенькую ленту:

++ примерно 4750,00% + Н + + +

— Я вообще-то хотел получить ответ в долларах, — заметил Тимоти.

— А мы в состоянии вести лишь ничтожную часть наших исследований, ибо не можем себе позволить приобрести более мощный компьютер, — простонал Паддингтон. — Да, но разговаривать ваш Наполеон не умеет!

— В принципе умеет, — возразил Тимоти. — Хотите что-нибудь выпить?

— Если можно, глоток воды?

— «Арктической», «Миссури», «Делавар», «Гиппева»?..

— Я вижу, дела у вас идут блестяще, Тини!

— Не смею жаловаться. Скажу вам больше: эту воду мне доставляют бесплатно.

Паддингтон посмотрел на него с недоверием, но Тимоти не стал вдаваться в подробности. Он достал из холодильника баночку «Арктической», вскрыл ее и поставил перед профессором стакан, но наливать не спешил. Паддингтон взял стакан в руки, повертел его, внимательно рассматривая граненые узоры.

— Настоящее стекло! Тини, вы сноб!

— Что, собственно говоря, заставляет вас думать, будто имели место кражи, а не проделки студентов или персонала? — спросил Тимоти. — Не исключено, третья голень тоже окажется на месте, когда вы вернетесь в клинику.

— Трансплантат подобного типа — в высшей степени сложная вещь, — объяснял ему профессор. — Сначала он подвергается «шоку замораживания», затем хранится при температуре минус восемьдесят градусов. Когда он извлекается из «фризера», установки длительного замораживания, его нужно немедленно подключить к специальной переносной системе, не то в ткани, особенно в нервах, произойдут необратимые измене-

ния, которые обесценят трансплантат. Сегодня ночью я не спал, Тини. Я тщательнейшим образом осмотрел оба возвращенных трансплантата и вот к какому выводу пришел: кто бы их у нас не изымал, обращаться с ними он умеет.

— Может быть, эти «замороженные ноги» вовсе не покидали стен клиники, а просто находились в другом помещении?

— Нет. Мы по старинке охлаждаем растворами аммония. Будучи общественной больницей, мы не имеем средств на покупку новейшей аппаратуры. А похищенные трансплантаты охлаждены еще и лабинолом.

— А кто пользуется лабинолом?

— Его могут себе позволить очень немногие частные клиники. Но им абсолютно незачем красть. Им достаточно нам позвонить.

— И вы сразу выдадите им необходимую «запасную часть»? — удивился Тимоти.

— Разумеется. Во-первых, к этому нас обязывает присяга медика — помогать каждому по первой просьбе; во-вторых, существует закон, по которому мы должны поставлять материал в коммерческие клиники. Кому из богачей придет в голову предоставить свое брэнное тело после смерти для изъятия «запасных частей», как вы выразились? А в нашей больнице умирают бедняки; многие из них стараются помочь своим семьям и тем, что дают согласие на возможное трансплантирование — вознаграждение за это, поверьте мне, невелико. — Профессор Паддингтон вздохнул. — Но знали бы вы, Тини, как много больных идут на это! Причем не только умирающие...

— Заметили вы какие-нибудь изменения в голених?

— Никаких. Нам возвратили их такими, какими похитили.

— Это обычные типы голених? Или какие-то особенные?

— В них нет ничего особенного, и даже к редким они не относятся. Первая голень была из разряда самых распространенных, м С-л-35, а вторая и третья встречаются уже пореже, м К-л-52 и такая же с «п».

— Будьте столь любезны и расшифруйте мне, простому смертному...

— Извините, Тини. Маленькое м означает «мужская», С значит «средняя», К — «крупная», л — «левая», п — «правая», а цифра — длина голени в сантиметрах. Получается, что в первый раз украли голень средней величины, затем крупную, а в третьем случае поменяли левую на правую.

— Одного и того же донора?

Паддингтон пораженно взглянул на него.

— Об этом я как-то не подумал. — Он достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, вынул три формуляра и положил перед собой.

— То, что я назвал вам, Тини, это весьма приблизительная классификация. Есть целый ряд уточняющих моментов...

Да, вы правы. Обе голени принадлежат одному донору и, значит, в отношении биологического иммунитета идентичны.

— Какая-то бессмыслица, правда? Неужели они заранее не знали, правая или левая нога им требуется?

Паддингтон пожал плечами.

— Скажите, в вашу больницу проникнуть трудно?

Профессор подробно объяснил, какие входы и выходы есть в больнице.

— Для опытного взломщика попасть в здание проблемы не представляет, — подвел он итог. — Но похититель обязательно должен быть специалистом по замораживанию. Тут не может быть двух мнений. — Паддингтон вылил в стакан остатки воды из банки. — Возьметесь вы за это дело?

— Вы полагаете, «Паблик Хэлтфер» сможет оплатить мои услуги?

Профессор поежился.

— Я знаю, Тини, вы стоите дорого. Но это еще не самое главное. Деньги ассигнует «Наблюдательный совет», и не дай бог, чтобы они там узнали о кражах!..

— Почему бы это? — вопрос Тини заставил профессора вздрогнуть.

— Вам отлично известно, насколько мы зависим от «общественного мнения». Через две недели состоится совещание, где будет утверждаться наша смета на будущий квартал, он тяжело вздохнул. — О кампании против общественных клиник вы слышали, конечно. На нас оказывают сильнейшее давление — пусть, дескать, все клиники будут в частных руках, тогда государству не придется субсидировать оставшиеся больницы для бедных. И если сейчас обнаружатся скандальные происшествия в наших стенах — до беды рукой подать.

— Вы полагаете, все останется в тайне, хотя делом занялась полиция?

— Инспектор Гопкинс обещал мне. Он ведет расследование только в ночные часы, а документы передаст по начальству только после того, как все выяснится. Он чувствует себя обязанным мне, Тини. Мы пересадили его жене руку. В частной клинике она не могла бы себе этого позволить. А что до вашего гонорара — я думаю, моих сбережений хватит, чтобы оплатить несколько дней вашего труда.

— Почему вы решили пожертвовать свои деньги, Эдвард?

— А почему я стал врачом, Тини? — Паддингтон поправил свой бант.

— Возможно, что все это — лишь маневр трестовских клиник, стремящихся дискредитировать «Паблик Хэлтфер»?

— Зачем они стали бы в таком случае возвращать голени?

— А что с Лайонелом Мак-Келлом? Как это у вас оказался босс «Дженерал моторс энд Скайдрайверс» собственной персоной?

— Катастрофа произошла неподалеку от нашей клиники. Несколько дней он был нетранспортабелен, ну, а потом решил, что будет весьма занятно получить новую ногу именно от «Паблика». Его

жадность давно вошла в поговорку.

— Это действительно был несчастный случай?

— Вы насчет его племянника?

Тимоти кивнул. Стычки между Лайонелом Мак-Келлом и его племянником будоражили весь город. «Кинг Код», как называли Хэмфри Мак-Келла, потому что он, едва проснувшись, впрыскивал себе в вену порцию кодепермина, сильнейшего наркотика, был одним из первейших скандалистов на весь Чикаго. Но, несмотря на все его сумасбродные, циничные и пошлые выходки, симпатии горожан были на его стороне, так как ему частенько удавалось крепко насолить своему дядюшке, которого все ненавидели за то, что человеческие жизни и судьбы он не ставил ни в грош. И еще Хэмфри ценили как великолепного трубача, одного из немногих, кто в совершенстве владел этим старым инструментом.

— В первый момент я тоже подумал о нем, — признался Паддингтон. — Ну и что получилось бы в итоге: Мак-Келлу просто пришлось бы пролежать у нас на несколько дней дольше, если бы украли предназначенный для него трансплантант — только и всего. Я думаю, Кинг Код придумал бы что-то позаковыристее: подкупил бы всю группу хирургов, чтобы они пересадили дядюшке ногу меньшего размера, например.

— Я тем не менее встречаюсь с ним, — сказал Тимоти. — Кроме того, постараюсь выяснить, что теряет «Дженерал», если ее босс пролежит в больнице на несколько дней дольше, чем рассчитывали. А вы составьте для меня побыстрее список всех клиник и специалистов, занимающихся трансплантациями, и всех институтов, применяющих для охлаждения лабинол. Сегодня ночью соедините своего супердурака-компьютера с моим Наполеоном, мне нужны сведения о вашем персонале.

— Но, Тини, — вдруг это обнаружится?

— Придется и вам кое-чем рискнуть, если вы хотите, чтобы самый дорогой детектив Штатов поработал на вас бесплатно.

— Вы сказали «бесплатно»?

— А вы решили, будто я позволю посрамить меня врачу для бедных и полицейскому? И, кроме того, с врачами лучше всего иметь приятельские отношения. Вдруг мне когда-нибудь потребуются ваши услуги, да так, чтобы никто не знал? Кстати, нет ли у вас таблеток против тошноты? Меня так часто тошнит от всего, что я вижу.

— Меня тоже, — сказал Паддингтон и погладил чрево Наполеона.

* * *

Тимоти запрограммировал Наполеона, а потом позвонил своему приятелю Джошуа Трэверсу, который в силу своей профессии принадлежал к числу наиболее информированных людей в Чикаго: Джо был главным архивариусом одной из крупнейших телевизионных компаний. Тимоти заказал у него подробные

сведения о Лайонеле Мак-Келле и Кинг Коде, о клиниках, делающих пересадки органов и о «Паблик Хэлтфер», о кражах трансплантатов и преступлениях, в которых трансплантаты играли бы какую-то роль. Джо не стал спрашивать, зачем. Он давно отучился задавать подобные вопросы. Тимоти пообещал ему за услуги ужин в китайском ресторане и подробный отчет о деле тотчас по его завершении.

Пока Наполеон получал данные от центрального компьютера, Тимоти через коммуникатор связался со Смильем Хэпберном. Тот сидел в своем кабинете, высокопарно именовавшемся «детективным и розыскным бюро высшего класса». В действительности кроме коммуникатора в кабинете ровным счетом ничего не было. Тем не менее все считали Смильем одним из лучших мастеров своего дела; кроме того, он был на дружеской ноге с первоклассными специалистами в самых разных областях.

— Если ты еще не потерял от пьянства свой знаменитый нюх, — начал Тимоти, — вынюхай кое-что для меня.

И он рассказал все, что знал о деле Паддингтона. На Смилье он мог положиться — он будет нем, как могила.

— У меня есть предчувствие, что тут что-то серьезное, — подытожил он. — Знаешь, распространяй слух, будто у тебя есть знакомые, которые могут достать любой трансплантант...

Едва стемнело, как Паддингтон снова стоял перед дверью квартиры Тимоти.

— Тини, — Паддингтон опасно поглядел по сторонам, — скажите, нас никто не подслушивает?

— То есть как это «не подслушивает»? — Тимоти указал большим пальцем на решетку на потолке. — Кроме полиции, ФРБ, ЦРУ и Комитета по делам морали есть еще множество лиц и организаций, которые, несомненно, интересуются моей особой. Мне остается надеяться, что меня подслушивают только официальные, государственные «слушатели», а от них мне скрывать нечего. А вам?

— Абсолютно нечего! — заверил его Паддингтон.

Тимоти жестом пригласил профессора пройти в кабинет.

— Вот какой вопрос: есть ли черный рынок для трансплантатов? — начал Тимоти.

— Нет. Да и к чему он? Если не считать исключительных случаев, трансплантатов вполне достаточно — по отношению к скромным возможностям для проведения подобных операций. У нас явно не хватает специалистов и приспособленных для таких операций операционных залов. Как правило, пациентам приходится месяцами ждать очереди; за такое время всегда удается подыскать требуемую «запасную часть». Хотя, как я уже упоминал, платим мы весьма умеренно.

— А в трестовских клиниках?

— Там тоже долго ждут своей очереди. Это и в интересах хозяев: так легче

поддерживать высокие цены на операцию. Но если у них нужда в «запчасти», они получают ее от нас. По себестоимости. — Паддингтон горько усмехнулся. — Знали бы вы, Тини, какие счета они выставляют своим пациентам. А вы решили, что кто-то мог украсть голени, чтобы перепродать их?

— Разве это исключено?

— Тогда почему они вернули украденное?

— Потому что не удалось сбыть с рук. И еще потому, что возростала вероятность того, что похищение останется незамеченным. Ведь первый случай воровства вы обнаружили чисто случайно, не правда ли?

— Верно. Эх, если бы знать кто вор!

— Мне это известно.

Лицо профессора осветилось радостью.

— Вы знаете его имя?

— Боюсь вас огорчить, но все не так просто. Я пока даже не догадываюсь, почему украдены голени. И почему три разных экземпляра? Наполеон считает, что первые две просто не подошли. Первая голень была слишком мала, вторая подходила по величине, но оказалась левой, в то время как требовалась правая. Меня этот ответ не устраивает. Описание на табличке трансплантата настолько однозначно, что и дурак не ошибется, не говоря уже о ваших сотрудниках. То, что вы только что рассказали, лишь подтверждает мои подозрения:

голени украли по чьему-то заказу; но разве они могли не знать, какого именно размера экземпляр им требуется? Или они обнаружили несоответствие уже после кражи, «примеряя» голень, так сказать? Это звучит абсурдно, вы со мной согласны?

— Спросите это у самого негодяя! Кто он?

— Я дал Наполеону просчитать все сведения о ваших сотрудниках. Это может быть лишь человек, который умеет обращаться с «фризерами», разбирается в системе заморозки, может беспрепятственно выйти из клиники с пакетом, в который уместится трансплантат, и который был в клинике во все три дня, когда похищались голени. Итак — Карузертс или Трумэн.

— Карузертс! — воскликнул Паддингтон. — Сегодня Карузертс не явился на службу. Необходимо немедленно допросить его. Пусть признается, куда девалась третья голень!

— Возможно, это ему самому не известно. Если за этой историей скрывается нечто весьма и весьма серьезное, то между похитителем и конечным потребителем есть еще несколько инстанций — чтобы замести следы, — Тимоти забарабанил пальцами по столу. — Почему все-таки три разные ноги?

— Спросим Карузертса!

— Если его удастся найти. Инспектор Гопкинс уже ищет его. Узнаем-ка, чего он добился.

Они вернулись в гостиную. Тимоти соединился с полицейским управлением: Гопкинс как раз вернулся.

— Карузертс мертв, — сообщил он. — Мы нашли его в собственной квартире. Похоже на бандитское ограбление с убийством.

— Заметили что-нибудь странное? — полюбопытствовал Тимоти.

— Как сказать. На полу лежал раздавленный пакетик с тальком.

— Тальком? Для чего, во имя неба, нужен тальк? — Паддингтон был поражен донельзя.

— Спросите вашего премудрого Наполеона, — сказал Гопкинс.

А Наполеон не знал даже, что такое тальк. Тимоти даже зарычал на него: пора, мол, и подучиться!

— Вот след и оборвался, — сказал он несколько погодя. — Так я и предполагал.

Паддингтон совсем растерялся.

— Наверное, мне пора домой. Или я могу чем-то помочь вам, Тини?

— Сядьте у коммуникатора и постарайтесь выяснить, в какой из клиник готовятся к пересадке голени. Как только выясните, сразу позвоните мне. Я буду в спальне.

— Вы никак собирались поспать?

— Вот именно, — Тимоти ухмыльнулся. — Я могу работать с Наполеоном и находясь в спальне. А здесь мы будем только мешать друг другу.

(Окончание следует)

И. САЕВ

ПО СЕКРЕТУ

● Нет, не умеют люди отдыхать.

Впрочем, я сам до недавнего времени тоже не умел. По выходным толкался в пригородных автобусах, тряся в электричках: все в лес стремился, надеясь на грибок, на ягоду. А в лесах нынче народу — деревьев не видать, не то что какой-нибудь сыроежки-землянички.

Рыбачить, правда, тоже пытался. Только ведь рыболовы нынче на берегах рек да озер в пять слоев стоят — к воде по очереди подходят. У рыбы от такого внимания стресс, неврастения. И на этой почве — никакого аппетита. Правда, рассказывают, в прошлом году умудрился один счастливчик все-таки рыбку взять. На червяка. Рыбина, видимо, мимо крючка проплывала да зазевалась. А червяк — возьми да заглоти ее нечаянно. Ну, рыбак — опытный, подсек вовремя и вытащил червяка с той рыбиной во рту. У остальных от зависти аж удочки из рук повываливались...

В общем, устал я от этого отдыха на природе, и решил однажды в городе от него отдохнуть. Вышел с утра пораньше на улицу — и аж задохнулся: воздух вкусный, как вода из родника. Все автомобилисты

на природу уехали — озон выхлопными газами разбавлять. А озон оттуда в город перекочевал. На улицах — ни души. И тишина... Как в лесу перед рассветом. Только изредка далекое «ау» слышится. Видать, приезжий какой-нибудь заблудился, а дороги спросить не у кого.

К полудню, правда, отдельные граждане на улицах стали все-таки появляться. Кто в белых халатах, кто в черных пиджаках с «бабочкой». Это продавцы да официанты на улицы вышли покупателей и клиентов высматривать-зазывать. Даже главный администратор театра оперы и балета на ступеньки с кипой билетов выскочил: «Кому лишний билетик?»

А что за рыбалка в городе! Стоишь себе с удочкой у парапета и отдыхаешь душой. А конкурента — хоть в полевой бинокль высматривай — не увидишь.

Ну, а искупаться захотел — иди домой, наливай ванну до краев и плавай себе на здоровье, сколько вздумается. Раздолье!

Ой! Чуть не забыл! То, что я вам сейчас рассказал, — никому. Сугубо между нами. А то прознают люди, как в выходные дни в городе хорошо, понаедут, и тогда опять — ни покоя, ни отдыха.

КТО СТАНЕТ КРАСТЬ ГОЛЕНИ ?

Окончание. Начало см. в № 10, 1982 г.

Герт ПРОКОП

Рис. В. ФЕДОРОВА

● Прошло порядочно времени, пока Паддингтон дал о себе знать. Он приоткрыл дверь в спальню и осторожно кашлянул. Тимоти пригласил его войти.

Две трети комнаты занимала огромная, от стены до стены, кровать, вдоль изголовья которой тянулся пульт, напоминавший пульт управления фабрики или электростанции. Противоположную стену занимал телевизор; сейчас на экране была непогода — гремел гром, сверкала молния, лил дождь, все небо затянули тучи.

— Присаживайтесь! — Тимоти указал на край постели. — Что вы скажете о чашечке кофе?

Ответа дожидаться не стал; нажал на одну из кнопок пульта и к нему медленно выкатилась миниатюрная кофеварка, в спальне приятно запахло кофейным ароматом.

— Ну, вы и живете, — сказал Паддингтон.

— Да, оказывать услуги нашим денежным тузам — дело прибыльное. Итак, что вам удалось выяснить?

Паддингтон покачал головой.

— Ни в одной из клиник Чикаго нет пациента, который ждал бы трансплантации голени такой величины. 52-й размер — это значит, что пациент должен быть ростом под два метра. И вообще, я никак не мог себе представить, чтобы кто-то из моих коллег взялся пересаживать трансплантат без соответствующего паспорта, а он лежит у нас в сейфе. С другой стороны, все пригодные для таких пересадок операционные залы заняты — время в них расписывается с точностью до получаса. В ближайшие четыре недели пересадить голень практически негде.

— Если только вас не обманули.

— Зачем бы это?

— А вдруг кто-то из ваших коллег получит кучу долларов за то, что сделает эту операцию тайком?

— Во-первых, — начал Паддингтон с нажимом, — я беседовал не только с моими коллегами, но и с их сотруд-

никами, на слово которых я могу положиться, — он подчеркнул слово «я», — а во-вторых, оборудование таких операционных залов стоит миллионы, работают в них в четыре смены, то есть без перерыва, чтобы выжать из аппаратуры возможно большую прибыль, и тут никто темнить не может, а в-третьих, я знаком со всеми хирургами в Чикаго, способными провести такую операцию. Так вот — ни один из них на уголовщину не пойдет. И на подпольную операцию тоже.

— А могли эту голень переправить куда-то на самолете?

— Вряд ли. Пока что нет переносных «термосов», в которых трансплантат сохранился бы в кондиционном виде дольше чем полчаса. Вы не представляете себе, какие трудности у нас возникают при их транспортировке из одной клиники в другую. Без вертолетов это было бы невозможно. Но даже если бы самолет стартовал с аэродрома, который находился бы, допустим, в ста метрах от нашей клиники, до ближайшей больницы, где можно сделать пересадку, никак не меньше часа лету.

— Это обязательно должна быть клиника? Нельзя ли такой операционный зал «сымпровизировать», что ли?

— Какая там импровизация! Необходимо установка «сердце—легкие—печень», искусственная почка, машины для смешивания сосудов и ткани, да мало ли — весь арсенал современной медицинской техники. И отлично работающая группа врачей и среднего медперсонала.

Тимоти вопросительно взглянул на него.

— Наряду с главным оператором еще три, а лучше — четыре ассистента, два анестезиолога — ну, хотя бы один. И четыре операционные сестры. И это еще минимум. Чем меньше людей, тем выше должна быть их квалификация, тем лучше они должны понимать друг друга.

— Как долго длится подготовка к операции?

— От двух дней до двух недель. В зависимости от степени несовместимости.

— Получается, что пациент ложится в клинику заблаговременно, за несколько дней до операции?

— Не обязательно. Если известны все его показатели, достаточно, если он ляжет в больницу накануне операции. Приспосабливается-то не пациент, подгоняют трансплантат.

Паддингтон огляделся вокруг — куда бы поставить пустую чашечку. Тимоти взял ее у него из рук.

— Но, как я уже упомянул, во всем Чикаго нет в настоящий момент пациента, который ждал бы пересадки голени 52-го размера. Во всяком случае, никто в официальных списках в клиниках не значится.

— А коза-ностра, а мафия?

— Это было когда-то. В прошлом веке. Поверьте мне, Эдвард, давным-давно нет никакой разницы между «чистыми» и «грязными» предпринимателями. Тем более, что теперь следование букве закона приносит больше прибыли, чем нарушение оно. Старые преступные синдикаты еще в прошлом веке начали вкладывать деньги в нормальные фирмы, а с тех пор, как их основные источники дохода — азартные игры, наркотики и проституция шестьдесят лет назад стали легальными и тем самым доступными для всех финансовых групп, даже так называемые серьезные концерны бросились туда. Вопрос лишь в том, кто какой рынок контролирует. А в крайних случаях никто из них не погнушается пойти на преступление.

Паддингтон не знал, верить ему или нет.

— Ладно, оставим это, — Тимоти задумчиво глядел на свою видеостену, где сейчас над зеркальной гладью озера поднимался легкий утренний туман. — Итак, мы выяснили, что переправлять голени на самолете бессмысленно. И во всем Чикаго нет ни врача, ни пациента, готовившихся бы к подобной операции. Так почему же, черт побери, у вас эту замороженную ногу украли?! И еще дважды меняли? Почему убили Карузерса?

Паддингтон беспомощно пожал плечами. Тимоти опустил голову. Прошло несколько минут, пока он вновь не встретился взглядом с профессором.

— Забудьте обо всем, о чем мы говорили, — сказал он твердо. — Прошу вас ни с кем на эту тему не говорить. Попросите Гопкинса прекратить рассле-

дование. Скажите ему, что со смертью Карузера дело для вас закончено. Сомнительно, чтобы украли четвертую голень. Тот, кому голень требовалась, удовлетворился, очевидно, третьей. И никому не говорите о своих визитах ко мне. Постарайтесь завтра утром выйти из «Небраски» незаметно. В ближайшее время ко мне не приходите. И не звоните. Одного мертвеца вполне достаточно.

* * *

Весь следующий день Тимоти лихорадочно работал. Едва попрощавшись с профессором Паддингтоном, он начал бомбардировать множество своих знакомых разными вопросами, затем подытоживал полученные сведения, запуская их в машину, вел многочасовую дискуссию с Наполеоном до тех пор, пока у него не загудела голова и не пошли круги перед глазами. Он посмотрел на часы.

— О'кей,— сказал он.— Самое время подняться в бар и встретиться там со Смильем Хэпберном. Пропущу там пару рюмочек.

«Пару рюмочек» — сказано весьма приблизительно. Когда часа три спустя друзья спустились с 1112 этажа, из супершикарного бара, они оба едва держались на ногах.

Наполеон хрипло поприветствовал их. Тимоти взял ленту из датчика, протянул ее Смилью.

— Можешь прочесть? Я нет. Что-то все буквы пляшут. Пляшут и все тут! — Просто ты пьян,— объяснил Смиль,— и в этом все дело. Тебе нужно еще выпить. Где стоит виски?

Тимоти щелкнул несколькими кнопками на Наполеоне.

— В виде исключения я позволю тебе поговорить со мной. Чего ты хочешь?

— Сэр,— прозвучал глухой голос Наполеона.— Вы просили меня пополнить мои знания в отношении талька. Тальк — это моноклинный кристаллизующийся минерал, жирный на ощупь, силикат магния с большим содержанием воды. В молотом состоянии тальк прежде употреблялся как абсорбирующее вещество и наполнитель в пудрах, пастах, микстурах и таблетках, а также как средство против скольжения для резины и пластмасс. Например — для хирургических перчаток, водолазных костюмов. Позвольте, сэр, сделать в дополнение маленькое замечание?

— Не позволяю,— проворчал Тимоти. Вышел и вскоре вернулся, катя перед собой столик на колесах.

Смиль оценивающе посмотрел на бутылки.

— Да у тебя есть все, чего сердце ни пожелает,— признал он.— Не понимаю, зачем тебе ходить в этот дорогой бар. Только для того, чтобы любоваться с такой верхотуры заходом солнца?

— Потому что там сидит моя клиентура. Сегодня вечером там собралось их миллиардов на десять.

— Чересчур ты тщеславен, Тини. Хоть бы за виски ты не думал о работе. Да и незачем тебе это. К твоим услугам все — и шикарные апартаменты в «Небраске», даже над пеленой смога, собственный компьютер, кабинет типа «святая святых», где ничего нельзя подслушать, и заказов сколько угодно. Успех, деньги...

— И только самого главного нет,— тихо проговорил Тимоти.— Любви.

— У кого есть деньги, у того будет и любовь. Стоит только пожелать.

— Ты не о том говоришь, Смиль. Любовь за деньги не купишь.

Смиль положил руку на плечо Тимоти.

— Извини, Тини. Давай выпьем еще по одной. Так что же все-таки с этими голеньями?

— Если бы знать,— Тини потирал кончик носа.— К чему кому-то красть голени, когда он может безвозмездно получить их от «Паблик Хэлтфер»? Смысл тут есть в единственной ситуации: если операцию будут делать нелегально. А почему нелегально? Ведь голень можно пересадить вполне открыто. Ну, другое дело, если бы кто-то хотел до неузнаваемости изменить свое лицо! И почему ногу меняли дважды? Почему сразу не выбрали нужную? И, вдобавок ко всему, как будто нет вообще никого, кому бы такая операция требовалась.

Наполеон заскрипел.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Тимоти.

— Если никому не нужен трансплантат такой величины в настоящий момент,— прозвучал голос Наполеона,— он с большой степенью вероятности может понадобиться в самом ближайшем будущем.

— Кто-то решил нанести увечье себе самому, да? И сперва этот человек решил отрезать свою короткую ногу, а потом передумал, и решил отрезать длинную. И причем не левую, а правую, да?

— Оставь ты этого старика Наполеона в покое,— захохотал Смиль.— Не видишь ты, что ли — он пьян.

* * *

Тревожный звонок поднял Тимоти с постели. У аппарата был Паддингтон.

— Извините, Тини, не могу ли я на секунду подняться к вам? Я звоню из холла. Дело весьма важное.

— Вам придется набраться терпения, Эдвард. Мне понадобится не менее получаса...

За двадцать минут Тимоти удалось растолкать и вышвырнуть за дверь Смилэя, принять душ, одеться и с грехом пополам убрать в квартире. Когда профессор вошел, на столе уже стоял чай.

— Не знаю, интересует ли вас это еще, — сказал Паддингтон, — но возможность сделать трансплантацию все-таки есть. Как только я узнал об этом, я сразу вызвал аэротакси, — поймав взгляд Тимоти, он предупредил его вопрос. — Нет, нет, не беспокойтесь. Я убежден, никто за мной не следил.

— Очень хорошо, — похвалил Тимоти.

— Операционный зал клиники концерна «Юниверсал» на Восемьдесят третьей улице послезавтра в утреннюю смену закрыт, якобы для устранения технических неполадок. Назначенная на утренние часы операция отменена, врачи и медперсонал получили незапланированный отгул. — Паддингтон перевел дыхание и выложил еще один козырь: — Этот же операционный зал был по той же причине закрыт в прошлую пятницу. Но никто никаких неполадок не устранял!

— Минуточку, — сказал Тимоти. — Если я не ошибаюсь, первая кража произошла в среду вечером, не так ли?

— И в четверг утром голень вернули.

— Почему же Карузерс не украл следующую уже в четверг? Тогда они еще успели бы сделать пересадку в пятницу утром.

— Нет, не хватило бы времени подготовить трансплантат к совместимости.

Тимоти задумчиво покачал головой.

— Что-то здесь не сходится, Эдвард. Вы верите, что Карузерс мог ошибиться, выбирая голень?

Тимоти пошел к коммуникатору и взял последние поступившие сообщения — «коммуники». Вдруг он тихо присвистнул.

— На прошлой неделе в Чикаго прибыл некий доктор Бенито Рамирес.

— Рамирес? Тот самый, который сравнительно недавно пытался пересадить обезьяне руки человека?

Тимоти не ответил. Он торопливо перебирал «коммуники».

— И прибыл он не один, в списке пассажиров самолета значатся еще два хирурга, исключенные, как и он, из коллегии медиков. Держу пари, с ними были и анестезиологи, и медсестры.

Тимоти пробежал глазами следующий «коммуник».

— В субботу Рамирес улетел из Чикаго, — он с отсутствующим видом помешивал чай в стакане. — Наполеон сегодня ночью сказал что-то, — неожиданно вспомнил он. — Наполеон, повтори свое предположение насчет голени.

— Если никому не требуется сейчас голень типа м К-п-52, трансплантат с большой степенью вероятности предназначается для человека, которому он понадобится в ближайшее время. На это вы, сэр, заметили, не о несчастном случае ли я говорю, или даже заранее планируемом членовредительстве, и...

— Стоп! — Тимоти отключил голос Наполеона. — Да, это правдоподобно. Есть, представим себе, человек, который потеряет ногу в результате... ну, скажем, «несчастливого случая». Готовится операция. Но тут его кандидатура отпадает. Голень возвращается, и подыскивается другой человек, а для него — соответствующая голень. Рамирес проверяет, годится ли она для пересадки, и затем отбывает.

— Вновь и вновь возникает старый вопрос: зачем понадобилось обменивать?

— Скорее всего потому, что для «несчастливого случая» безразлично, какую ногу потеряет этот человек, зато для него самого — отнюдь не безразлично. — Тимоти вскочил и заметался по комнате, как тигр в клетке. — Мы имеем теперь и клинику, и срок проведения операции, и фамилию хирурга. Осталось найти двухметрового гиганта, который предпочитает потерять — а, значит и получить — скорее правую, чем левую ногу. Поспорим, что не позднее завтрашнего дня Рамирес снова окажется в Чикаго? — Тимоти посмотрел на свой хронометр. — У меня остается в лучшем случае тридцать два часа.

— А может, лучше отстраниться от этого дела или по крайней мере сообщить обо всем в полицию? Знаете, если за всем этим действительно стоит «Юниверсал»... У меня на душе кошки скребут, Тини, — зачем только я втянул вас в эту историю.

— Успокойтесь, Эдвард. Дело вовсе не в вас, а в моем любопытстве и дотошности. Терпеть не могу, когда падаю носом в навозную кучу и не могу понять, откуда идет вонь. А насчет полиции?.. У «Юниверсала» достаточно полицейских на содержании, концерн сразу поймет, кто идет по их следу. Таким образом мы сами поставим себя под удар. Или — в самом лучшем для нас варианте — операцию перенесут. Но мы пока блуждаем в потемках: где, когда и что случится, мы не знаем, а только догадываемся. Даже Гопкинс на такие сведения не клюнет.

— Можно не допустить операции.

— А смысл? — Тимоти остановился перед Паддингтоном. — Видите ли, Эдвард, операция как таковая меня не интересует, а вашей голени вы обратно не получите, забудьте о ней. Или вы в состоянии доказать, что она украдена у вас?

— Конечно. С помощью ее паспорта.

— А если они изготовили фальшивый, ничем от вашего не отличающийся?

— Тогда все тщетно, — на Паддингтона было жалко смотреть.

— Даже если бы мы добились ордера на обыск — думаете, нам позволили бы проникнуть в зал во время операции? Разве так просто доказать, что речь идет о незаконной пересадке? По закону «Юниверсал» имеет право поручить операцию доктору Рамиресу — диплом у него остался. Чему мы должны помешать, так это не трансплантации, а этому... «несчастному случаю». А теперь прощайте, Эдвард. Мне необходимо поразмыслить. В моих извилинах зажужжала одна идея, и мне хочется схватить ее за хвост.

Тимоти был сам не свой. Он то и дело давал Наполеону новые задания, а сам пытался хоть как-то сконцентрироваться. То принимал горячую ванну, то ложился на постель и просматривал на видеостене картины разных художников, то нажимал на воспроизводитель музыки и прослушивал попеременно фуги Баха и самые банальные шлягеры, а то запускал на видеостене пленки из любимых фильмов, художественных и видовых: полеты на воздушном шаре над океаном и на «змеях» над пустыней, гонки скутеров, скачки — темп, темп! — или кукольный спектакль «Дон Кихот». Все без толку.

Наконец отправился на кухню и осмотрел припасы съестного. Ему захотелось угостить себя сдобным шведским пирогом.

Тимоти проглотил две лиловые таблетки, чтобы хоть на часок отклю-

читься от всяких мыслей. А после этого лишь тем и занимался, что растирал масло со сметаной, растворял дрожжи в молоке, месил тесто; терпеливо ждал, когда завернутый в салфетку ком теста всплывет со дна ведра с холодной водой, добавил сахарного песка, посыпал миндалем, изюмом и цукатами, раскатал тонкий пласт и свернул его в рулет. Наблюдай кто-нибудь за Тимоти в эти минуты, ему и в голову не пришло бы, что он занят разгадкой одного из самых сложных дел в его практике. Готовя сахарный сироп, Тимоти вспомнил кое-что важное.

Чертыхаясь и проклиная пьянство и Смилэя, которому сколько ни дай, все мало, он побежал к коммуникатору и соединился с Хепберном.

— Соберись с мыслями, дьявол тебя побери, — с ходу набросился он на приятеля. — Ты вчера всех обличал и говорил, будто не понимаешь, на каком свете ты живешь. Повтори мне слово в слово, что ты там болтал насчет «Юниверсал».

— Я сказал тебе, что в этом концерне тренируют целую ораву водолазов, хотя чистой воды нигде больше нет — разве что за тысячи миль отсюда...

Тимоти слушал его, закрыв глаза.

— Спасибо, это как раз то, что надо!

И прежде чем Смилэй успел что-то добавить, Тимоти прервал связь и побежал в свою «святая святых». Пробегаючи мимо Наполеона, похлопал его по чреву:

— Все-таки ты величайший из великих!

Сев перед умывальником, он отвинтил кран, вытянул из трубы два стекло-видных проводка, разъединил их концы, достал из крана две капсулы, надел на расщепленные концы проводков и сунул одну капсулу в ухо, а другую — в уголок рта. Затем повернул один из винтиков на трубе горячей воды, включив тем самым передающий кварц. Ему пришлось прождать минут пять, пока на связь вышел Большой Брат. В его голосе звучал один металл, в нем не было ничего человеческого. Тимоти сам не знал, человек ли Большой Брат или специальное приспособление, но он был абонирован и получал через Большого Брата справки, которые не мог получить больше нигде.

— Я опять к тебе за помощью, — сказал Тимоти. — Мне нужен адрес предприятия или института, территория которого прямо выходит к воде.

— Степень секретности второго разряда, — ответил Большой Брат. — Такие данные — прерогатива Правительственного компьютера.

— Стал бы я тебя тревожить по пустякам. Но не спрашивай меня, в чем дело. Я пока сам толком не знаю.

— Если это всплывет, нам обоим крышка.

— Что там может всплыть! Положись на меня. Никто не узнает, что ты уме-

ешь подключаться к Центральному компьютеру. Прощу тебя!

— Ну, ладно, попытаюсь. Но не раньше завтрашнего утра.

— О'кей. Этот срок меня устраивает.

* * *

— Нам действительно нужно в «святая святых»? — простонал Паддингтон. — Терпеть не могу комнаты с полной звукоизоляцией.

Тимоти подтолкнул его к двери.

— Ладно уж, не упрячьтесь, я ведь не с пустыми руками вас встречаю, — он указал на стоявшую на столике бутылку мозельвейна и фужеры из венецианского стекла. — И, кроме того, вы, как мне кажется, хотели бы узнать, чем разрешилось дело? Есть несколько деталей, о которых никто не должен знать. Я поступаю довольно легкомысленно, рассказывая вам о них. Но, надеюсь, на вашу скромность можно положиться.

— Естественно. Однако, если это для вас затруднительно...

— Видите ли, Эдвард, мне просто необходимо выговориться. А с кем же, как не с вами? У меня так накопилось на душе!..

Тимоти откупорил бутылку, разлил вино по фужерам. Паддингтон сделал несколько глотков, смакуя, и лицо его выразило несомненное удовольствие.

— Всю прошлую ночь у меня в голове бродила одна мыслишка, — начал объяснять Тимоти. — Я все вспомнил, когда пек пирог.

— Что-что?

Тимоти как бы не заметил вопроса.

— Один человек рассказал мне, что «Юниверсал» готовит группу водолазов или ныряльщиков. Да, водолазов! Хотя доступ к воде частным лицам практически запрещен, тем более — в Чикаго и его окрестностях. Кроме того — припоминаете? — у мертвого Карузера полиция нашла раздавленный тубик с тальком. Наполеон где-то выискал, что в прежние времена тальк применяли как «средство скольжения» при одевании специальных костюмов из резиновых или пластичных материалов. Я, конечно, в первый момент подумал об операционных перчатках и, как говорится, подшил его замечание к делу. Кто из хирургов пользуется сегодня резиновыми перчатками? Зато водолазам тальк необходим и по сей день. Теперь оставалось лишь расположить имеющиеся факты в соответствующем порядке. Карузерс крадет голень. Карузерс находят мертвым. У Карузера обнаруживают тубик с тальком. Тальк нужен водолазам. «Юниверсал» готовит группу водолазов. У «Юниверсала» же есть операционный зал для трансплантаций. В Чикаго прилетал Рамирес. И вчера прибыл вновь. Мне осталось найти место, где использовались бы

водолазы и где один из них мог бы потерять ногу.

Тимоти допил свое вино и налил еще.

— Большинство подходов к воде в Чикаго охраняются так строго, что простому смертному через эти кордоны не пройти. Что оставалось? Несколько десятков прямых стоков из предприятий и институтов, спускающих в специальных баллонах радиоактивные и прочие ядовитые отходы. Лишь в одном-единственном институте были приняты такие меры безопасности, что человек, желавший незаметно исчезнуть с его территории, рисковал всего лишь потерей одной ноги — и мы едва этого не проворонили.

Тимоти встал и, продолжая говорить, забегал по комнате:

— Если бы эта история не началась столь загадочно, я скорее всего ни за что не нашел бы правильного решения, но в данном случае абсурдное оказалось единственно нормальным — прости-те мне некоторую витиеватость выражения, — он остановился перед Паддингтоном. — Речь идет об институте ядерных исследований концерна «Монолайн». Шахта, в которую они спускают спрессованные в пакеты отходы, достаточно велика, чтобы в нее свободно проник человек двухметрового роста. Но все, проходящее через эту шахту, подвергается облучению пучками лучей, которые расщепят самые стойкие молекулы. По этой причине я сначала на этот институт не обратил особого внимания. Но потом подумал: лучевая пушка — вещь очень дорогая. И если перед ней поставили систему биосенсоров, спаренную с ультразвукометом, то это не только для того, чтобы в шахту не могли проникнуть люди, но и для того, чтобы дорогая лучевая пушка не стреляла по водяным крысам.

— Получается двойная смертельная ловушка, — сказал Паддингтон.

— Да. Но и обе эти ловушки спарены. Когда возбуждаются биосенсоры и производится ультразвуковой удар, лучевая пушка на несколько секунд блокируется, чтобы она не выстрелила, к примеру, по подыхающей крысе. А что, как подсчитали мы с Наполеоном, произойдет, если некто, одетый в специальный скафандр, пройдет мимо биосенсоров, подставив только одну ногу? Тогда ультразвук разнесет только эту ногу, а заблокированную пушку он сможет миновать беспрепятственно.

— Почему бы ему не гнать просто-напросто перед собой водяную крысу или какую-нибудь рыбу?

— Да, вот именно? Подумав об этом, я едва не пришел в отчаяние. Но тут Наполеон задал вопрос: а вдруг хотят не проникнуть в институт, а исчезнуть с его территории?

Тимоти снова сел. И с довольным видом подмигнул Паддингтону.

— В этом-то вся суть! Я немедленно навел справки. И что же выяснилось? Лучевая пушка спарена с биосенсо-

рами с обеих сторон: сверху и снизу. И теперь моя версия, совершенно абсурдная поначалу, обрела твердую почву под ногами. В институт «Монолайна» никто с собой ничего ни одушевленного, ни неодушевленного пронести не может. Здесь приняты такие меры безопасности, что все сотрудники при входе раздеваются и минуют специальный шлюз.

Выходит, наш мистер Икс должен был сам приняться за дело. Очевидно, у него был способ обмануть охрану и остаться после окончания дня на территории института. Он украл, что хотел, залезает в контейнер или что-то в этом роде и позволяет себя опустить в шахту. У биосенсоров высовывает ногу, вызывает ультразвуковой удар и блокирует тем самым лучевую пушку. А водолазы снизу принимают контейнер с мистером Иксом и немедленно поднимают его затем на поверхность. И доставляют в клинику, где его ждет доктор Рамирес и пересаживает ему голень. Паддингтон восторженно закивал головой.

— Это звучит весьма и весьма логично, Тини. Но, извините меня. Ваши исходные данные не вполне серьезны. Я насчет того, что у Карузера нашли тальк, а им-де пользуются водолазы...

Паддингтон умолк, оборвав фразу на полуслове, и с недоумением уставился на хихикающего Тимоти.

— Вся штука в том,— сказал Тимоти,— что нынешние водолазы тальком не пользуются. Но важно то, что я благодаря этому пришел к правильному решению.

— Выходит, ваша гипотеза подтвердилась?

— Два часа назад меня посетил Фрайт, шеф системы безопасности «Монолайна». Он пришел поблагодарить меня. Я милостиво позволил ему изобразить дело так, будто разоблачение возможного преступления — его личная заслуга. И у меня, как он выразился, появился еще один друг «на всю жизнь».

— И враги в «Юниверсале».

— Разве кто-то упоминал здесь о «Юниверсале»? Я — нет. И никому об этом не говорил, Эдвард, вы понимаете?

Паддингтон снова кивнул.

— Я сказал Фрайту только, что случайно узнал о готовящемся похищении и о том, как примерно оно произойдет.

— Они этого мистера Икса схватили?

— Я Фрайта не спрашивал.

Тимоти надолго умолк. Он сидел в своем кресле неподвижно, его сузившиеся губы вытянулись в черточку.

Паддингтон не знал, что и подумать.

— Он мертв,— сказал Тимоти наконец.— Они вполне могли схватить его с поличным и арестовать. Но они позволили себе пошутить и загнали-таки его в ловушку. В сейф они встроили добавочное предохранительное устройство. Когда мистер Икс начал открывать сейф, раздалась сирена. Охранники

с криками ворвались в комнату, из которой за несколько секунд до того успел бежать мистер Икс. В панике он не видел другого пути спасения — только воспользоваться первоначальным вариантом, спуститься в шахту! Но Фрайт деблокировал биосенсоры. Мистеру Иксу не помогло, что он высунул ногу: несколько секунд спустя его настиг удар лучевой пушки.

— И все-таки это успех,— сказал Паддингтон.— Вы хотели предотвратить этот «несчастный случай», Тини, и вы добились своего, не имея перед этим в руках никаких данных. Лишь благодаря поразительной логической комбинации...

— Перестаньте! — Тимоти разозлился.— Успех! Я хотел предотвратить кражу, а стал пособником убийц!

— Вы за них не отвечаете, Тини! Тимоти не ответил. Он сидел, уставившись в потолок.

— Так мы теперь никогда не узнаем, почему они левую голень обменяли на правую,— сказал Паддингтон.

— Я убежден, что при первом обследовании Рамирес обнаружил: мистеру Иксу и без того вскоре предстоит операция правой ноги. Может, у него была какая-то раковая опухоль или что-то другое? С уверенностью можно утверждать, что после этого мистер Икс и поставил условием трансплантацию именно этой, правой голени.

— Фрайт открыл вам, что собирались украсть у «Монолайна»?

— Вы знаете, что такое тяжелая вода?

— Конечно, окись дейтерия, исходный продукт для ядерных реакций.

— И вам известно также, что такое тяжелое золото?

Паддингтон развел руками.

— Один из трансурановых элементов. Почти сто лет ученые догадывались, что где-то за порядковым номером 126 должны появиться элементы с устойчивыми ядрами атомов — искусственные вещества, которые, однако, не распадаются мгновенно. Предполагается, что благодаря трансуранам удастся получить материалы с неизвестными до сих пор или недостижимыми пока свойствами. Кое-кто сообщил мне, что в «Монолайне» уже длительное время работают над проблемой получения так называемого тяжелого золота.

— Это мне многое объясняет,— сказал Паддингтон и вздохнул.— А я, грешный, удовлетворился бы несколькими унциями обычного золота.

— Вот чего нет, так нет,— сказал Тимоти.— Но не откажитесь, прошу вас, от чашечки кофе и сдобного такого, знаете ли, на настоящих дрожжах, шведского пирога.

— Вы сказали «дрожжи»?

— Да, сказал. Вы не знаете, что такое дрожжи?

— Нет, отчего же, у нас в клинике бактериологи используют дрожжевые грибковые культуры. Удивительно только, что общего дрожжи имеют с пирогом!

**Перевел с немецкого
Евгений Факторович**

Владимир Альбинин

ЧТО ТВОРЯТ!

● Я тебе так скажу: нет еще у нас настоящей охраны природы. Нету! Ушами хлопаем. Стеречь не умеем. Все на доверии.

Ты вот ко мне на дачу попробуй сунься. Нет, ты сунься! Ага, не хочешь. Потому что знаешь: у меня к каждой морковке ток подведен. Это раз. На каждом яблоке колокольчик валдайский. Мертвого разбудит. Это два. В малине — дог восточно-азиатский, неделю не кормленный, — три! Тесть, ветеран ГТО по стрельбе из лука, в крыжовнике с дробовиком окопался. Это уже четыре с плюсом...

А они что творят?! Как стерегут родную природу? Вчера мы со свояком рыбный день устроили: леща глушить ездили. Так жахнули — река вспять повернула. Рыбу потом в три грузовика еле распихали... А где дозор бессонный? Наконец, гляжу, едут. Тук-тук-тук на пироге индейской вырывают. Хейердалы... Штрафными квитанциями, как платочками машут. Мотор у них — зверь. Мезозойский. Мощность — две муравьиных силы. Подарок Миклухи-Маклая. Я как глянул — за голову взялся. Мать честная! Да с такой охраной что — рыбу? Берега растащат! И воду выпьют!

Ты же дай своей охране катера торпедные. Расставь в кустах мины рогатые. Водоем проволокой забинтуй. Кнопок канцелярских кругом насыпь. Вот это, я понимаю, охрана природы!

А в лесу что? Нам же зверье уже на голову село! В виде шапок... Воротник, такой как у меня, только в Красной книге увидишь. А где охрана? Где заборы? Пропускная система где? Мол, что у вас, ребята, в рюкзаках? Нет этого! Кому не лень в лес идут. Все подряд. Как на Райкина. Сегодня я среди бела дня лося угрохал. Завтра — ты. Послезавтра в лесу одни грибники с пустыми кошелками бродить будут. Через десять лет в зоопарках рога по клеткам развесим. Из подушек пух гусиный выпустим. Чтоб детей зоологии учить.

А что с воздухом творят? Дышать уже нечем. У меня на заводе одна труба есть — Везувий. Самолеты курс меняют, чтобы пассажиров не замарать. Птиц живьем коптим. Деликатесом в Африку летят, хоть пиво вдогонку посылай.

А они приходят: «У вас труба дымит!» «Хорошо, говорю, присмотримся...» Через год опять: «Вы знаете, дымит труба, примите меры!» «Уже занимаемся, говорю». А сам и думать забыл. Я в другом районе живу. Но они-то, они! Говорильня одна! Если тебя охранять поставили — так ты оштрафуй меня, из моего же кармана, с работы сними, под суд отдай! Так я сам на ту трубу фильтром лягу. Она же у меня на второй день чистый кислород излучать начнет. Фиалкой задышит. Вот это, я понимаю, охрана природы!

Я же у себя в саду не успокиваюсь на достигнутом! Капканы волчьи расставил... Зато красота какая! Душа поет! Ни войти. Ни выйти... Хочешь, в щелочку покажу? А? Вместе порадуемся. Если, конечно, ров переплыть сумеем...

Александр Ячменев

ПОСЛЕДНИЙ

● Вот уже третий день Хозяин чувствовал, что скоро им придется расстаться. Желая оттянуть этот тягостный миг, он угонял Последнего в самые глухие уголки, по одному ему известным, безопасным тропам. Но в действиях

САТИРА И ЮМОР

Хозяина уже не было той уверенности, которая придает всем движениям силу и, одновременно, изящную легкость. Видимо, эта неуверенность тягостно давила и на Последнего потому, что на подъемах его доселе не знавшее усталости сердце вдруг начинало давать перебои, а дыхание становилось тяжелым и хриплым.

Чихая и кашляя, Последний вынес Хозяина на крутой пригорок. Но только они собрались перевести дух и отдохнуть в тенечке, как из-за деревьев, из-за кустов — отовсюду к ним кинулись люди, размахивая короткими полосатыми дубинками. Понуждаемый Хозяином, Последний вновь рванулся и, набирая скорость, помчался по дороге.

И хотя мчались они все быстрее и быстрее, скорость уже не была их союзником. Наоборот, она лишь приближала неумолимый миг развязки. Потому что мчались они не туда, куда хотели, а куда направляли их неумолимые загонщики с дубинками. Эти безжалостные люди возникали на пути Последнего всякий раз, когда Хозяин пытался повернуть его с большака на проселок или лесную тропу. И, подчиняясь то угрожающим, то повелительно-небрежным взмахам полосатых дубинок, Хозяин все гнал и гнал Последнего...

Внезапно прямо перед ними вырос человек, повелительно поднявший вверх руку. Чтобы не сбить его, Хозяин так резко остановил Последнего, что тот аж взвизгнул и чуть было не опрокинулся. И в тот же миг их окружили. Хозяин обреченно развел руками и, понурив голову, отошел в сторонку...

— Навались! — скомандовал кто-то из толпы и Последнего окружили, взялись за его остывающие уже бока и столкнули в глубокую, специально для него вырытую яму-ловушку. Через минуту все было кончено. Кто-то радостно засмеялся и...

И по изумрудной траве, по ковру из цветов, полной грудью вдыхая чистейший воздух, который больше никогда не загрязнит дымом выхлопных труб ни один автомобильный двигатель внутреннего сгорания, пошли счастливые люди ХХХ... века.

Александр КАБАКОВ

● Всю свою сознательную жизнь Игнатъев прожил в городе. Родился он в центре, в том лечебном учреждении, где родились многие его земляки, и сам факт появления на свет в этом роддоме уже кое о чем говорил. Если уж вы родились в этом доме, называемом коротко и фамильярно по фамилии, то, значит, и родители ваши были потомственными жителями большого города, и сами вы провели детство в одном из тех дворов, что окружены были желтыми двухэтажными особнячками и деревянными домишками, где стонали по ночам ничейные коты, где сверстники ваши играли в штандар, и мяч, улетающий прямо в небо, то и дело застревал в ветках тесно растущих и давно одичавших яблонь.

В общем, Игнатъев был коренным горожанином, привык к ровному гулу улицы, доносящемуся из-за окон, к утренним запахам мокрого асфальта, нагретых за предыдущий день стен и идущих на работу людей, к прохладному ветру, вылетающему впереди поезда из тоннеля метро, и ко всему, к чему привыкает столичный житель за свои тридцать пять лет.

Игнатъев и сам не мог понять, как это получилось, что он стоял сейчас в оранжевом жилете, надетом на голое тело, и наблюдал, как каток ровняет только что уложенный им, Игнатъевым, горячий асфальт. Так уж вышло...

Поступал он в институт стали и сплавов, но не поступил. Он поклонялся по двору, постоял в подъездах, поработал в типографии напротив своего дома разнорабочим, да и пошел в армию. А из армии вернулся с профессией бульдозериста. Родители постепенно к этому привыкли, жена Игнатъева привыкла с самого начала, потому что она другого и не знала, дочь Игнатъева профессией отца не интересовалась, а он сам со временем из бульдозеристов стал крановщиком, потом слесарем по разному оборудованию, потом рабочим на металлобазе, потом еще кем-то, а потом стал лопатой раз-

ПЕИЗАЖ С ИГНАТЬЕВЫМ

брасывать горячий асфальт и смотреть, как каток его трамбует.

Вот что было до того, как Игнатьев закончил укладывать асфальт, вымыл руки, переоделся в стоявшем неподалеку вагончике и пошел с друзьями провести вечер после рабочего дня.

...Ночь наступила душная. Игнатьев сидел на балконе, смотрел на засыпающий после передачи «Сегодня в мире» уже хорошо обжитой квартал некогда отдаленного микрорайона и вспоминал. Может, из-за духоты, может, из-за дневной усталости или из-за неразумно проведенного с друзьями вечера он вспоминал то, о чем обычно не пытался вспомнить.

Игнатьев, например, вспомнил, что всю жизнь он любит растения. Откуда в нем, в потомственном, как мы выяснили, горожанине, взялась эта страстная любовь к зеленому, как говорится, другу, неизвестно, но только еще в школе он больше всего интересовался семядолями и хлорофиллом, а что пошел поступать в сталь и сплавы, так просто насчет ботаники, биологии или сельхозакадемии не подумал.

Вообще многое в биографии своей он мог объяснить и объяснял только так — не подумал, и все. Вот сейчас, когда он сидит на балконе и думает, именно думает, подойдите к нему и спросите: ну, если ты так зеленую природу любишь, Игнатьев, чего ж ты дома хотя бы герань не разведешь или там кактусы, или хотя бы полезное растение «доктор» не вырастишь? Знаете, что он скажет? Не думал как-то, скажет, вот что.

И даже не удивится, что вы к нему на балконе пятого этажа подошли. Не подумает.

Потом он лег спать.

А утром встал, картошки поел жареной с огурцами и пошел укладывать асфальт. Состояние у него было не особенно бодрое, но делать нечего.

А там, где он укладывал асфальт, уже шум и суета. Все его товарищи по работе стоят кружком и смотрят, и бригадир стоит, и каток, хоть и пытит, но тоже стоит, потому что водитель стоит. И еще прохожие некоторые останавливаются.

И все они смотрят на то, что случилось на месте, где Игнатьев асфальт вчера укладывал. А на этом месте вот что произошло: дерево выросло. Липа. Асфальт весь, свежий еще, темный,

трещинами пошел и лопнул, а из образовавшегося отверстия и выросла эта липа. Сразу метра два с половиной. И цветет. Запах от ее цветения такой сильный, что никакого асфальтового духу и в помине нет. Листья такого хорошего зеленого цвета, как после дождя. На верхних ветках птицы прыгают и поют — синицы, кажется. А вокруг люди стоят и смотрят.

Игнатьев тоже долго стоял и смотрел, а потом вместе со всеми начал дерево рубить, вытаскивать из земли корень и асфальт ремонтировать. Весь день провозились, а вечером умылись, переоделись и пошли, как обычно. Все, конечно, долго обсуждали удивительный случай. Потому что грибы, бывает, за одну ночь ломают асфальт и прорастают. Бывает, еще и трава — но только, когда асфальт уже старый. А чтобы сквозь свежее уложенный, да еще целое дерево, да сразу такое большое и в цвету — этого никто понять не мог, и даже водитель катка, фамилию которого Игнатьев не знал, его все Поней называли, не мог ничего предположить, хотя мужик был самый эрудированный.

Ночь опять была душной. Игнатьев лежал в кровати под простыней и думал. Мысли его были в основном насчет удивительного дерева. Ему стало стыдно, что он вместе со всеми его срубал и корчевал. Дереву, небось, было трудно пробиваться через асфальт, и быстро, за одну ночь, расти и цвести, а Игнатьев пришел — и срубил. Умный нашелся...

Но если вы к нему сейчас, когда он лежит в кровати без сна, тихонько подойдете и спросите: а какого же черта ты, Игнатьев, его рубил? — он вот что ответит: «Да не подумал... Чего... Не подумал, вот чего...» И замолчит, не удивившись даже, что вы в запертую квартиру вошли.

Утром он поел макароны с колбасой жареной и пошел на работу.

А там опять волнение и недоумение общее. Асфальт, конечно, сломан, трещины по всей дороге разбежались, а из асфальта растет куст таких ягод, которые называются паслен. Игнатьев не знал, как они правильно называются, — черненькие такие, мягкие и на вкус ничего, знал только, что одна старушка в прежнем дворе, в центре еще, такие ягоды из деревни привозила, а потом эти кусты возле мусорного ящика так разрослись — спасу не было.

В общем, нарвали все этих ягод, а потом давай куст ломать, выкапывать и дорогу чинить. И Игнатьев вместе со всеми. А что же ему было делать — работа. Вечером он, понятно, опять думал и вспоминал, да что толку — кусту уже... Конец, в общем, кусту-то.

А утром, вы уже догадались, наверное, там анютины глазки взошли. Синие такие, с лиловым, как из пан-бархата — у матери Игнатьева платье такое когда-то было. Пооборвали их, а бригадир вместе с водителем катка на Игнатьева чего-то долго смотрели, хотя он тоже нормально, как и остальные, цветы рвал и ругался на убытки в сдельной работе.

Назавтра сквозь асфальт кипарис пророс. Стоит себе, темный, будто пыльный, высоченный. Как ракета темно-зеленая. До самого вечера с ним возни было, а Игнатьева в вагончик мастер звал и дал ему там в приказе расписаться. Расписался Игнатьев, что по служебной необходимости трест благоустройства переводит его на наружный ремонт жилых помещений, подлежащих реконструкции.

С утра он вышел на новую работу. Там дом такой стоял — с колоннами

Рис. В. ПЛЕВИНА

и скульптурами в виде читающих юношей и девушек и спортсменов с ракетками и мячами. Не особенно старый — лет на пять всего старше Игнатьева, но уже потребовался ему капитальный ремонт. Игнатьев залез на фасад дома и стал старую штукатурку счищать — была у него и такая профессия. Отработал день, вечером с новыми сослуживцами познакомился, а поздно ночью сидел на кухне у открытого окна, дышал душным воздухом и вспоминал. Вспоминал, как днем, в жаркой дымке, пыль летела от штукатурки, и прохожие обходили стороной этот ремонтирующийся дом, потому что дощатый забор от пыли не помогает. Вспоминал еще, как этот дом был раньше хорош, когда Игнатьев был еще мальчишкой и жил неподалеку, в своей коммунальной комнате, а в школу ходил именно мимо этого дома с колоннами и скульптурами и смотрел, как из него выходили некоторые ученики и как их провожали мамы. Много чего вспоминал Игнатьев, в том числе и то, о чем не вспоминал никогда.

Наутро же по всему фасаду разрослись березки, и не маленькие. Сами белые, листья светлые, а по одной даже белка скачет. Ну, прораба, конечно, чуть инфаркт не хватил, однако постепенно оправился. Березки спилили, чтобы кладку не повредить.

Игнатьева, сами понимаете, перевели на другую работу. В трест озеленения. Там ему очень нравится, хотя коллектив в основном женский. Но он этой новой своей профессией — садовник — очень дорожит. И старается по вечерам не задумываться. Потому что был уже случай: посидел вечером наедине с собой, а утром на месте клумбы с каннами начал дворец культуры пробиваться. Ужас, что творилось!.. И едва Игнатьев свою любимую работу не потерял.

А дворец был — загляденье... Из старинного здания переоборудованный. Снесли, конечно, там клумба должна быть, какой еще дворец!

В тот день Игнатьев как домой пришел — сразу спать лег.

ОДИН МАЛЬЧИШКА НАСТУПИЛ НА РАМОКАЛИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ
Кир БУЛЫЧЕВ

Рис. В. ПЛЕВИНА

По долгу службы мне, разъездному представителю Олимпийского комитета, приходится бывать в самых дальних уголках Галактик.

На Вапру я летел впервые. Планету открыли меньше двух веков назад, а заселили совсем недавно, причем заселили с тридцати разных звездных систем. Там до сих пор нет общего языка, все ходят с транслейтерами. Населения на планете — не густо, да и суши на Вапре не много — раз в десять меньше, чем на Земле. Климат жарковатый, но без особых перепадов, жить можно.

Космограмма о моем прилете затерялась в пути, никто меня не встречал, я выбрался из здания космодрома и остановился на минутку, чтобы оглядеться и подивиться разнообразию жителей Вапры, которые ходили, бегали, ползали, прыгали, летали и передвигались непонятным образом по площади.

Вечерело. В зеленом небе быстро крутились многочисленные луны, зажглись первые огни. Громадная стрекоза, крылья в полметра, сделала круг над моей головой. Я на всякий случай снял шлем и по-

махал им над головой, чтобы стрекоза не приставала к прохожим. Она поднялась чуть выше. Поглядывая на стрекозу краем глаза, я высматривал свободное такси. Наконец высмотрел. Путь к машине лежал через группу непринужденно расположившихся скорпионов размером с собаку. Это меня несколько задержало.

Водитель флаера, многоногий пульсиканец, принялся махать конечностями, привлекая мое внимание.

— Иду,— сообщил ему я на космолингве и сделал шаг по направлению к скорпионам. Нерешительный шаг, вернее, шажок.

И в этот момент проклятая стрекоза спикировала на меня.

Чтобы спастись, я сбил ее шлемом на землю и в страхе, что она цапнет меня, наподдал ей ногой, отчего она рассыпалась на кусочки.

Гордый своим подвигом, я уже смелее направился к скопищу скорпионов, но тут вижу, что шофер схватился за голову и нырнул в машину.

— Погодите! — крикнул я. Такси взяло с места и свечой ушло в зеленое небо.

Я бросился было за ним. Скорпи-

оны в панике ринулись в стороны.

Вдруг меня крепко схватили под локти две юные девушки спортивного типа.

— Что случилось? — спросил я.

Они смотрели на меня с ужасом и отвращением. К ним присоединился шар с глазами наверху, который выпустил ложноножки и вцепился мне в грудь. Стремительно собралась разномастная толпа.

— Давайте его растерзаем, — сказал кто-то из толпы.

— Придется растерзать, — согласилась одна из девчушек. — Иначе последствия будут ужасны.

— Погодите! — воскликнул я. — Я ничего плохого не хотел! Я приезжий!

— Он приезжий! — сказал шар с ложноножками. — А нам что, расхлебывать? Нет, я предлагаю его растерзать!

Меня тут же начали терзать. Шлем улетел в сторону, чемодан валялся на мостовой, костюм трещал по швам. Скорпионы подошли поближе и, видно, тоже хотели принять участие в действе.

— За что? — кричал я, стараясь перекричать толпу. — Разве стрекозы охраняются законом?

— При чем тут закон, при чем тут охрана? — кричали мне в ответ.

— Неужели она была разумной? — испугался я.

— Разумной? — по толпе прокатился смехок. Я решил, что смех несовместим с насилием и меня сейчас отпустят. Не тут-то было. Я полез в карман, чтобы достать удостоверение, дающее право на дипломатическую неприкосновенность. Несмотря на удары и толчки, это мне удалось сделать.

— Я пользуюсь дипломатической неприкосновенностью! — прохрипел я. — Я член Олимпийского комитета!

— Не поможет! — кричали в толпе, но хватка шара с ложноножками, почти задушившего меня, вдруг ослабла.

— Повторите, — сказал он, — вы — член чего?

— Олимпийского комитета.

Ложноножки шара рванули меня в сторону.

— Помогайте мне и не шумите, — быстро шепнул он девушкам. — Мы ошибочно терзаем уважаемого Кима Петрова, которого отчаялись дождаться.

И, обращаясь к толпе, шар объявил:

— Мы его утопим в пруду Последнего Разочарования. Возвращайтесь к своим делам.

Две девчушки и шар с ложноножками поволокли меня к олимпийскому автобусу.

Я постепенно пришел в себя настолько, что смог задать обязательный вопрос:

— Скажите, что же я натворил? Стрекозы не охраняются законом, не являются разумными существами... Может быть, у вас существует система религиозных табу?

— Системы нет, — ответил шар с ложноножками, который оказался впоследствии милейшим и добрейшим существом, отличным шашистом, эрудитом, умницей и стал моим близким другом. — Какая может быть система, если всему городу грозила гибель?

— Клянусь, я не хотел губить город.

— Верю, — серьезно ответил шар. — Но каждый знает, что если убить краколюру, начнется эпидемия древесной лихорадки.

— Почему? — не понял я. — Стрекозы, то есть краколюры, уничтожают возбудителей этой лихорадки?

— Каких еще возбудителей! — возмутилась прыгунья в высоту, — нет никаких возбудителей. Но если убить краколюру, начнется ужасная эпидемия древесной лихорадки.

— Может быть, это суеверие, — сказал шар. — Вернее всего, суеверие.

— Но суеверие должно быть на чем-то основано, суеверия редко возникают на пустом месте, — глупокомысленно сказал я.

— Не знаю, не знаю, — вздохнул шар.

— Может быть, раньше возникали опустошительные эпидемии древесной лихорадки и в сознании...

— Не говорите глупостей, — без всякого уважения заявила надежда легкой атлетики. — Никто никогда не болел древесной лихорадкой. Такой болезни даже в справочнике нет.

— Но если она начнется, это будет ужасно, — сказала вторая девушка.

— А что надо сделать, чтобы не началась эпидемия болезни, которой нет? — спросил я.

— Растерзать виновника, — сказал шар. — Безжалостно.

— И уже кого-нибудь растерзали? — спросил я.

— Ну, какой идиот будет убивать краколюру? — удивилась надежда легкой атлетики.

— Только если приезжий, — добавила вторая девушка. — К счастью, краколюры очень редко залетают в город. Пока обходилось.

* * *

На следующее утро, проснувшись, я увидел, что ночью, без моего ведома, гостиничный номер «украсили» зеленым, в рыжую крапинку, фантастически пыльным ковром, повесив его на подоконник. Ковер вонял прелью, и над ним тучей носились мухи.

В иной ситуации я бы сдержался — все-таки на чужой планете. Но чувствовал я себя разбитым после вчерашней потасовки, не выспался, а тут еще эта прелесть... Я подошел к окну, которое выходило во двор, одним усилием перевалил тяжелый ковер через подоконник и сбросил с третьего этажа. Ковер шумно шмякнулся об асфальт, взвизгнул и быстро пополз на улицу. Во дворе стояло несколько шоферов и официантов. Падение ковра им ничем не угрожало, но они повернулись ко мне с угрожающими физиономиями. Я на всякий случай отошел от окна, удрученный тем, что никогда раньше не видел рыдающих ковров.

Через две минуты в комнату вошла делегация в составе директора гостиницы и десяти официантов. Выражение лиц этих посетителей меня встревожило.

— Вам придется покинуть нашу гостиницу, — сообщил мне директор.

— Почему?

— Потому что вы чуть не убили коврового прямоточника.

— Я решил, что это просто ковер, — сказал я. — Мне никогда не приходилось иметь дела с ковровым прямоточником. Примите мои извинения. Но ковровым прямоточникам нечего делать в моей комнате.

— Я на вас не сержусь, — сказал директор. — Это уже третий ковровый прямоточник, который лезет в мою гостиницу за последнюю неделю. Но оставить вас в гостинице я не могу. Общественность мне этого не простит.

Общественность, густо набившая

комнату, криками и угрозами подтвердила слова директора.

— Что же меня ждет? — спросил я.

— Вернее всего, вас забьют камнями, — сказал директор, — иначе каждый нечетный дом в нашем городе послезавтра сгорит.

— Почему? — удивился я.

— Это всем известно, — грустно сказал директор.

— Уже горело? — спросил я.

— Разумеется, нет, — сказал директор. — Ведь никому не приходило в голову сбрасывать с третьего этажа коврового прямоочника.

Выручил меня любимый шар в сопровождении двух полицейских. Но из гостиницы пришлось съехать. Остаток командировки я жил у шара, что было не очень удобно, так как все в его доме было рассчитано на шарообразных существ, включая ванну и туалет.

Нетрудно догадаться, что после этих двух событий, я заинтересовался местными суевериями. Суеверия, как вы понимаете, есть везде. Но почему-то на Вапре они приняли угрожающую форму. Например, я узнал, что если убьешь скорпиона — создание крупное, кусачее и агрессивное, у тебя отнимется левая рука, а если обидишь птицу блох (увидеть мне ее так и не пришлось), то у тебя всю жизнь будет чесаться под левой лопаткой.

Таких суеверий я собрал десятка три, одно страшнее другого.

Но, пораженный их некоторым однообразием, я задумался вот над чем: планета открыта недавно, заселена в близкое к нам время самыми различными существами. То есть никакой общей культуры еще сто лет назад здесь и быть не могло. А суеверия оказались местными, общими для всех. Правда, должен сказать, что не все они были угрожающего свойства. К примеру, я обнаружил, что если положить в гнездо выпавшего оттуда птенца, то завтра обязательно выиграешь в местную игру перенос...

* * *

Наверное, я бы так и не смог приблизиться к разгадке этой тайны, если бы не случай.

За день до отъезда я зашел в книжный магазин, где наткнулся на небольшую книжку, которая называлась «Наш фольклор». Подумав, что корни суеверий могли

таиться именно в фольклоре, которого, кстати, не должно быть на недавно заселенной планете, я сунул книжку в карман.

Во время последней прогулки за город я остановился у небольшого озера. Спустившись к воде, устроился в тени кустов. Было, как всегда на Вапре, душно. Я раскрыл книжку и с интересом прочел первую сказку о том, как один мальчик наступил со злым умыслом на рамокали и как за это все рамокали из окрестностей стали преследовать мальчика днем и ночью. Бедняжке пришлось бросить школу и улететь с Вапры. И он сильно плакал.

Ясно, подумал я, если встречу с рамокали, наступать на нее не буду, особенно если угадаю, что это именно рамокали.

Отложив книгу, я решил искупаться.

Разделся, зашел в теплую до безобразия воду, и только проплыл метров двадцать от берега, как увидел, что навстречу мне устремилось что-то большое и темное.

На всякий случай я повернул к берегу, решив, что если это какая-нибудь рамокали, то лучше ее не трогать. А если это просто местный крокодил, то лучше, если он не тронет меня.

Едва я выскочил на берег, как из воды высунулась зверская оскаленная морда, щелкнула зубами, каждый в палец длиной, и, поняв, что промахнулась, взревела от обиды. Я отбежал подальше. Зверь оказался крокодилом на длинных ногах. Подхватив книгу, я побежал к дороге, где оставил машину. Крокодил не отставал. Тут я увидел, что навстречу мне бежит невысокий щуплый человек с седой бородкой и взволнованно кричит:

— Только не вздумайте его ударить!

— Я и не думаю, — ответил я на бегу. — Это он нападает.

— Если ударить псевдокракса, — закричал человек, пристраиваясь ко мне и семеня рядом, — то начнется землетрясение.

— А если он меня съест?

— Тогда ничего не случится.

— Что же делать?

Человечек подбежал к развесистому дереву, подтянулся на низком суку и ловко оседлал его. Я еле успел последовать его примеру. Псевдокракс начал кружить вокруг ствола, всем своим видом

показывая, что никуда отсюда не уйдет.

Мы перевели дух. Перебрались на ветку выше, где можно было сидеть почти уютно. Сверху мне была видна машина — до нее оставалось метров пятьдесят.

— Спасибо, — сказал я человеку. — Вы меня спасли.

— Вы что, приезжий?

— Да, с Земли.

— Это и видно, — сказал человек. — Здесь никто не купается. Все знают, что нельзя бить псевдокракса.

— Хоть бы табличку повесили, — сказал я.

— Раньше не требовалось, — сказал человек.

— А зачем вы здесь крутитесь? — спросил я. — Вам жизнь надоела?

— Нет, не надоела, — сказал человек. — Но я эколог, наблюдаю здесь псевдокраксов.

Я вздохнул.

— Может, кто проедет мимо, выручит нас? — спросил я.

— Кто же? — удивился человек. — Голыми руками с псевдокраксом не справишься, он тебя съест. А если с оружием, то придется его ударить. А тогда что?

— Землетрясение, — подсказал я.

— Правильно.

— И вы, эколог, верите в эти суеверия? — спросил я.

— Когда как, — уклончиво ответил человек.

Мы немного помолчали.

— Мне надоели ваши суеверия, — признался я. — Третий раз из-за них я чуть не лишился жизни.

И, раз уж делать было нечего, я рассказал экологу о своих приключениях и сомнениях.

— Меня эта проблема настолько заинтересовала, — закончил я, что вот даже книжку купил, решил найти корни суеверий в фольклоре.

— И как?

— Пока уяснил, что нельзя наступать на рамакул...

— На рамокали, — улыбнулся эколог. — Это такая бабочка, которая ползает по стульям. Дайте-ка сюда книжку.

Эколог рассеянно листал книжку. Я безнадежно глядел на псевдокракса. Налетела стайка крупных комаров. Один, как бы давая сигнал прочим, опустился мне на

лоб и вонзил в него жало. Я треснул себя по лбу.

— Не смейте! — оторвался от книжки эколог. — Если раздавить комара...

— Если раздавить комара, — закончил я за него, — то все девицы в городе охromeют на левую ногу.

— Нет, — возразил эколог, — пойдет град!

— Ничего не будет! — я был в бешенстве. — Не будет града. И никто не охromeет. И вы в это не верите! Ну, где ваш град?

Другой комар удобно устроился на носу эколога. Эколог помахал рукой, но комар не обратил внимания. Очевидно, знал про град и ни черта не боялся.

Эколог поморщился от боли, терпение его истощилось, и он раздавил-таки комара.

— Ну вот, сказал я. — Надо быть ученым, надо быть человеком нашего века.

Мы в четыре руки принялись бить комаров, а псевдокракс смотрел на нас с изумлением.

— Иногда я понимаю, — сказал вдруг эколог, — что это слишком. Но кто мог подумать!

— Вы о чем? — спросил я.

— У вас нет с собой ручки или карандаша? — спросил эколог.

— Не шутите, — сказал я. — За ручкой мне надо пройти сто метров в компании псевдокракса.

— Жаль, — сказал эколог. — Я хотел написать вам посвящение на этой книге.

— Почему?

— Потому что я ее написал.

— Вы и фольклорист?

— В какой-то степени, — сказал эколог.

— Ходите по деревням и собираете местные сказки?

— У нас нет деревень, — сказал эколог. — Мы же дети космического века.

— Так откуда вы берете эти сказки?

— Вы скоро уезжаете?

Я с тоской бросил взгляд в небо, по которому неслись одна за другой многочисленные луны.

— Завтра же, — сказал я. — Если этот зверь нас выпустит.

— Тогда я могу вам сказать правду. — Эколог осторожно подвинулся на суке, чтобы приблизиться ко мне, и понизил голос, — это я все придумал.

— Вы придумали фольклор?

— Ш-ш-ш-ш! Это страшная

тайна. От этого зависит экологический баланс на планете.

— Не понимаю, что общего между сказками и балансом.

— Я объясню. Все равно он пока не собирается уходить, — он показал на псевдокракса и с наслаждением пришиб комара. — Я всю жизнь посвятил этой планете. Работаю на Вапре семьдесят лет и застал времена, когда на всей планете был только один город, а некоторые области континента вообще не были исследованы. Это было удивительное время — романтических походов, первых палаток и больших открытий. Вы понимаете?

— Нетрудно, — сказал я.

— Но вскоре оказалось, что планета богата полезными ископаемыми, что она перспективна... — человек задумался, как бы переживая вновь те далекие времена, почесал седую бородку и продолжал: — И тут началось. До миллиона иммигрантов в год! Со всех концов Галактики! А у нас только один небольшой континент. Экологический баланс хрупок, уже через несколько лет некоторым редким породам животных стало грозить уничтожение. Что делать?

— Ну, — сказал я, — заповедники, охрана...

— Вы понимаете, как неубедительны ваши слова? Пришельцы — чужие на этой планете, у них свои заботы, местные животные им незнакомы и зачастую страшны. Ведь при виде скорпиона не подумаешь, что он — безвредное создание.

— Не подумаешь, — сказал я.

— Надо было принимать решительные меры, — сказал эколог. — И тогда мне помог случай. Я был на окраине города, когда увидел, что один мальчик наступил на рамокали. Я подошел к мальчику и сказал ему: «Мальчик, нельзя наступать на рамокали». «Почему?» — спросил он. «Потому что другие рамокали прилетят и будут тебя преследовать...»

— Я читал об этом, — сказал я.

— Правильно. Тогда я забыл о случайной встрече. И вот, представьте себе, недели через две совсем в другом месте я слышу историю о том, как один мальчик наступил на рамокали. И что из этого получилось...

— Они его преследовали.

— Пока он не улетел с планеты.

— Люди склонны верить диким слухам.

— Здесь рай для слухов! Поселенцы слетаются с разных сторон, планеты не знают, и готовы поверить всему, что говорят старожилы.

— И вы начали придумывать «приметы»...

— Да постепенно. Как только какому-нибудь животному грозила опасность, я тут же пускал в ход историю...

— Нельзя убивать альбатроса, — сказал я. — Это принесет несчастье кораблю.

— Альбатроса? — быстро спросил эколог. — Что это?

— Это старинное морское поверье...

— Ага, вы поняли. Но вы, наверно, осуждаете меня?

— Побуждения у вас были благородные, но не переборщили ли вы?

Эколог мне не ответил. Он смотрел вниз. Псевдокракс подобрал хвост, встал на задние лапы и старался достать нас. Мне это уже надоело. У меня затекли ноги. Я отломил сук побольше и метнул его в самку.

— Что вы делаете! — закричал эколог. — Вы ударили самку псевдокракса. А это значит...

Эколог смущенно осекся.

Чудовище несколько раз обиженно хлопнуло челюстями и вдруг, словно забыв о нас, повернулось, махнуло хвостом и поспешило к воде.

Мы спустились с дерева, и эколог проводил меня до машины. Там он надписал мне книгу фольклора и сказал на прощание:

— Кое в чем вы правы. Даже в самых лучших начинаниях бывает побочный эффект. Некоторые твари так расплодились под охраной общественного мнения, что их пора бы приструнить. Но как это сделать, — он улыбнулся, — если может начаться землетрясение? Будем терпеть... Зато нам нет нужды заводить Красную книгу. Наша планета завоевала первое место в секторе по охране окружающей среды!

Когда я вернулся домой, то обнаружил, что на кровати посапывают два небольших зеленых ковра. Я оглянулся. Никто не видит? Потом свернул наглецов в рулон и вынес в сад. Ковры стонали и требовали на меня управы. А я пошел собирать чемодан.

ПОЕЗДКА В ЛЕС

Лев НОВОЖЕЛОВ

— Когда же мы поедem в лес? — спросила она.

— В следующее воскресенье, — ответил он.

— Ты все обещаешь, а не выполняешь. И в прошлое воскресенье говорил, и в позапрошлом, и в позапозапрошлом. В нашем классе уже все побывали в лесу, а я нет.

— Честное отцовское, больше откладывать не стану.

И они поехали. На электричке часа два ехали, а потом пересели на автобус и все ехали, ехали. Автобус помаленьку пустел и, когда водитель объявил: «Лес, конечная остановка», в нем остались только они двое, да еще пожилая пара.

— Один взрослый, один детский, — сказал он кассирше у входа в лес и протянул деньги.

Кассирша, она же контролер, протянула надорванный билет и заученным тоном напомнила:

— Ноги вытирайте хорошенько!

Отец и дочь старательно вытерли ноги о половичок и вступили в лес. Вдоль главной аллеи через аккуратные промежутки сидели на стульчиках пожилые служительницы: кто с книжкой, кто с вязаньем в руках.

— Дерево дуб, — чуть запинаясь прочла дочь. — Обитатель средней полосы. Точная копия. Пап, а что такое копия?

— Это когда что-то сделано точь-в-точь как настоящее.

— Девочка, руками не трогать, — встрепенулась на своем стуле служительница. — А вы бы, гражданин, следили за ребенком.

Они двинулись дальше и остановились перед большим щитом со множеством кнопок.

— Голоса птиц, — прочла дочь.

— Ну, кого послушаем, дочка?

— Давай соловья!

Он вложил в щель автомата монету, нажал кнопку, против которой было написано: «Соловей», и из динамика зазвучала трель лесного певца.

— Ой, смотри, лось! — захлопала в ладоши дочь.

Действительно, в глубине аллеи виднелась фигура лося. Он стоял неподвижно и смотрел в их сторону. Они подошли поближе. Лось был совсем как живой.

— А теперь я хочу посмотреть реку, — сказала она.

Отец обратился к служителю, оказавшемуся неподалеку и расставившему муляжи грибов на зеленой лужайке, которая в случае надобности сворачивалась, как ковер:

— Скажите, уважаемый, где здесь река?

— Реки сейчас нет, — буркнул тот. — В конце месяца приходите. Она сейчас на реставрации.

— Ничего не поделаешь, — сказал отец. — Как-нибудь в другой раз.

Они продолжили прогулку.

— Папа, а мы с тобой на-

стоящие? — вдруг спросила дочь.

— В общем-то, да, — ответил он. — А почему ты спросила?

— Просто так.

Он почувствовал легкий голод.

— Знаешь что, детка, а не подкрепиться ли нам?

— Я пока не хочу.

— Не хочу, не хочу, а если у тебя батарейки сядут, — сказал он и повел ее в ту сторону, куда стрелка указателя показывала: «Заправка роботов».

БЕСКРЫЛАЯ ГАГАРКА

Феликс КРИВИН

В 1833 году было убито 13 бескрылых гагарок, в 1834 году — 9, в 1840 или 1841 году — 3, а в 1844 году — 2 гагарки, последние, о которых упоминается, может быть, и вообще последние из этих птиц.

А. Брэм

Здесь их заменяла Бескрылая Гагарка.

Это было давно, еще в прошлом столетии. Тогда видели люди последнюю Гагарку, а потом и она улетела. Улетела Бескрылая Гагарка. Улетела и не вернулась назад.

Говорят, ее убили охотники, как и всех других бескрылых гагарок. Но это неправда, этого не может быть: ведь она здесь, на севере, заменяла пингвина. Она ходила вперевалочку — в черном фраке и белой жилетке, как настоящий представитель пингвина, полномочный представитель. За что же ее убивать? Разве можно убивать полномочного представителя?

Она жила в холодных, не пригодных для жизни местах, во всяком случае, мало пригодных. Даже пингвин предпочитал жить на юге, а на север послал ее, чтобы она представляла здесь его интересы. И она представляла. Среди холода, стужи и льдов

она представляла здесь его интересы. Не свои, а его интересы. За что же ее убивать?

Нет, конечно, это одни разговоры.

Просто она улетела, — может быть, даже на юг, чтобы посоветоваться с пингвином и возобновить свои полномочия. Может, когда охотники начали там стрелять, она улетела, чтобы вернуться в мирное время. А когда наступит мирное время, она вернется и будет по-прежнему ходить вперевалочку в своем представительном черном фраке, надетом на белый жилет, — в форме, в которой ходят все полномочные представители.

Она прилетит, конечно же она прилетит, пусть только наступит мирное время! А оно наступит. Сколько б ни стреляли охотники, как бы ни охотничали они на земле, но мирное время наступит... И наступит оно тогда, когда прилетит назад Бескрылая Гагарка...

Рис. Н. САЛЬКОВОЙ

Улетела Бескрылая Гагарка, улетела и не вернулась назад. Натянула свой черный фрак на свою белоснежную жилетку и улетела, улетела навсегда. Улетела Бескрылая Гагарка.

Здесь, на севере, она заменяла пингвина, потому что пингины на севере не живут. Хотя здесь такие же льдины и холода, как на юге, но пингины здесь не живут.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК (Москва)

Исходные данные:

1981

2 ЛАРИОНОВА О. - Чертова метелка: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. В.Плевина. -С.65-68.

1982

1 ШТЕРН Б. - Дело - табак: Фантаст. рассказ / Рис. В.Плевина. -С.64-67.

5 ЛИБЕНЦИ Э. - Война омя. Научно-фантаст. рассказ / Рис. К. Кухтина. -С.64-68.

6 КРОН Р. - Охота в конце сезона. Фантаст. рассказ / Рис. И. Данилевича. -С.64-66

7 ПРОКОП Г. - Смерть "Бессмертных". Фантаст. рассказ / Рис. В.Федорова с.65-69, с.64-68

7 АЛЬБИН В. - Что творят! -С.70.

7 ЯЧМЕНЕВ А. - Последний. -С.70-71.

8 ПРОКОП Г. - Смерть "Бессмертных". Фантаст. рассказ / Рис. В.Федорова с.64-68

8 НОВОЖЕНОВ Л. - Поездка в лес: -/Рис. Н.Сальковой. -С.70-71

8 КРИВИН Ф. - Бескрылая гагарка. -/Рис. Н.Сальковой. С.71.

9 ПАНАСЕНКО Л. - Столь ранняя весна...: Фантаст. рассказ / Рис. В.Федорова. -С.62-65.

9 РОДАРИ Д. - Сад синьора Мамбретти. /Рис. В.Плевина. -С.66-69.

9 КРИВИН Ф. - Дитя цивилизации. -С.70.

9 САЕВ И. - По секрету. -С.70.

10 ПРОКОП Г. - Кто станет красть голени? Фантаст. рассказ / Рис. В.Федорова с.64-69

11 ПРОКОП Г. - Кто станет красть голени? Фантаст. рассказ / Рис. В.Федорова с.62-67

11 КАБАКОВ А. - Пейзаж с Игнатьевым:[Рассказ] /Рис. В.Плевина. -С.70-72.

12 БУЛЫЧЕВ К. - Один мальчик наступил на рамокали: Фантаст. рассказ /Рис. В.Плевина. -С.58-62.